

«Да что ж такое, наконец, вся внутренняя русская история, как не бунт нескончаемый чернорабочего люда против государства и всех сословий?»

М.А. Бакунин

common place

ГИЛЬ

Из истории низового сопротивления в России

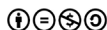
Москва
2015

УДК 329.14(100)+316.723
ББК 66.62 (0+7105)
Г47

Г47 Гиль. Из истории низового сопротивления в России:
[антология] — М.: Common place, 2015. — 346 с.
ISBN 978-99980-0011-7

Гиль — смута, мятеж (словарь Даля). Настоящая книга посвящена истории народных волнений в России от восстаний языческих волхвов в XI веке до революции 1905 года. Помимо крупных вооруженных выступлений, таких как бунты Степана Разина и Емельяна Пугачева, рассмотрены более локальные события, а также иные формы низового сопротивления: бегство на недоступные властям территории, разбойничество, создание закрытых общин.

ISBN 978-99980-0011-7

Публикуется под лицензией Creative Commons
Разрешается любое некоммерческое
воспроизведение со ссылкой на источник

Оглавление

<i>Михаил Бакунин. «Народу нужна воля...»</i>	7
1. Народное восстание в Суздальской земле в 1024 году и феномен восстания волхвов	11
2. Новгородские восстания первой половины XIII века	17
3. Тверское восстание 1327 года	29
4. Смоленское восстание 1440 года против литовцев и местных бояр	33
5. Московское восстание в первый год царствования Ивана IV (1547 год) и другие волнения XVI века	45
6. Выступления Хлопка на Руси в 1602-1604 годах	53
7. Краткий очерк истории восстания Болотникова	63
8. Московское восстание 1648 года	91
9. Бунт и побег на Амур «воровского полка» М. Сорокина в 1655 году	97
10. Московское восстание 25 июля 1662 года («медный бунт»)	119
11. Восстание Степана Разина	129
12. Сопrotивление старообрядцев во второй половине XVII века: от разинского бунта до федосеевской общины	141
13. Астраханское восстание 1705–1706 годов	161
14. Булавинское восстание 1707–1709 годов	189
15. Кижское восстание 1769–1771 годов	219
16. Чумной бунт в Москве в 1771 году	231
17. Сопrotивление крестьян во второй половине XVIII века	241
18. Крестьянская война под предводительством Пугачева	249
19. Крестьянское движение 1818–1820 годов на Дону	267

20. Крестьянские волнения в 1826 году на примере Псковской губернии	275
21. Крестьянское движение весной 1861 года. Расстрел Кандиевского и Безденного восстаний	289
22. Борьба тюремной общины и бунты старого острога. XIX век	299
23. Василий Чуркин — гуслицкий Робин Гуд	307
24. Народные республики 1905 года	317
25. А.М. Лбов — атаман «лесных братьев»	325
<i>Михаил Бакунин.</i> <i>«Когда грянет русская революция?..»</i>	339

Михаил Бакунин. «Народу нужна воля...»

Кто знающий сколько-нибудь русскую историю и русскую действительность не видит, что от самого основания Московского государства по самое нынешнее время народ, народное право, народная воля и благосостояние, да самая жизнь народа были постоянной жертвой государства? Кто отдал народную землю дворянам? — Государство. Кто отдал самих крестьян в рабство тем же самым дворянам? — Государство. Кто карал жесточайшими казнями долготерпеливых и многотерпеливых крестьян, когда, выведенные, наконец, из всякой возможности терпения блудным и свирепым неистовством своих бар, они против них восставали? — Опять-таки государство. Кто разоряет народ рекрутчиной, податными сборами и воровским управлением? Кто опутал и парализует малейшие движения его посредством самой нахальной, безжалостной и притеснительной бюрократии в мире? Кто бесцеремонно жертвовал и продолжает жертвовать десятками и сотнями тысяч людей для достижения так называемых государственных целей? — Все то же государство. Кто пограл обычаи и свободную веру народа, кто оскорбляет его во всем его существе? — Государство. Для кого всякое право народа равно нулю, а жизнь его не стоит копейки? — Для государства.

Возможно ли после этого, чтоб народ не ненавидел государства, не ненавидел правительства? Нет, невозможно.

Но, скажут, наш народ похож именно на ту собаку, которая кусает палку, а не человека, бьющего ее палкой; он, пожалуй, ненавидит всех мелких и средних чиновников, непосредственных исполнителей мер правительственных, но вместе с тем питает если не любовь, то суеверное почтение, смешанное со страхом, ко всем высшим духовным, гражданским и военным сановникам, представляющим в его глазах самого государя, и вообще ко всему высшему правительству.

Такое рассуждение нелепо, противно всем фактам. Правда, что когда вышел указ о мнимом освобождении крестьян и когда он был прочитан народу на площадях и в церквях, во всех городах и селах империи, когда народ так долго, так жадно ждавший свободы, увидел обман и сначала подумал, что это не может быть настоящий царский указ с золотой строкой и под золотой печатью, а должен быть указ, сочиненный и подмененный дворянством и преданным ему чиновничеством; правда, что тогда во многих местах мужики ждали, что вот приедет к ним генерал или другой сановник прямо от государя с настоящим царским указом и объявит им от имени государя настоящую волю. Но что ж из этого следует? Это не значит отнюдь, что мужики верили в сановников и генералов; они глядели на них только как на царских курьеров, везущих указ, и несдобровалося бы этим сановникам и генералам, если б в момент разочарования народного они не нашли бы охраны против народного негодования в солдатских штыках и пулях.

Русский народ имеет вообще о высшем правительстве какое-то смутное и совсем невыгодное для него представление. Он видит в нем собрание знатных и вороватых дворян, опутавших волю царскую и направляющих ее против него в свою пользу. Со времени основания Московского государства народ ненавидит дворянское управление: «А против бояр, — писали друг к другу волости и области в смутные времена Лжедимитриев, — мы будем стоять вместе». С тех пор отношение народа к боярам и к высшему правительству отнюдь не переменялось. Народ не уважает правительство, но, разумеется, боится его: да и нельзя ему его не бояться. Ведь до сих пор вся сила, рукоятка кнута в руках правительства, как же ему не бояться кнута! Но дайте только народу веру в его собственную силу, покажите ему только возможность вырвать кнут, вырвать силу из рук правительства, и вы увидите, как мало он уважает правительство.

Но, скажут, русский народ чрезвычайно религиозен, а церковь и духовенство, к которым он традиционно привязан, стоят, несомненно, на стороне правительства и связывают с ним народ. Тут что ни положение, то ложь. Во-первых, далеко не доказано, чтоб все духовенство было на стороне правительства. Во-вторых, решительно несправедливо, чтоб народ питал какую бы то ни было привязанность к государственной церкви и хоть малейшее уважение к православному духовенству. Все это опровергается и чрезвычайным развитием

раскола в России, и несомненным презрением народа к попам; и, наконец, — несправедливо, чтоб наш народ был — религиозный народ. Напротив, кто сколько-нибудь знает Россию, должен был убедиться, что изо всех европейских народов наименее религиозен именно наш великорусский народ.

Несомненно, что если духовенство будет говорить вещи для народа приятные, народ будет охотно слушать его, но также несомненно и то, что когда духовенство говорит в духе правительственном, чиновничьем и дворянском, в духе противонародном, народ его ненавидит и, когда чувствует себя в силе, так же готов его истреблять, как истребляли его Степан Тимофеевич Разин и Емельян Пугачев.

Наконец, пожалуй, скажут еще: народ, правда, ненавидел правительство до восшествия на престол Александра Николаевича, но эта ненависть превратилась в любовь с тех пор, «когда по воле царя-освободителя зажглась заря свободы для миллионов безответных тружеников и новая пугачевщина сделалась невозможной».

Такие отвратительные фразы можно только писать в русских официальных или подкупленных журналах. Нужно иметь медный лоб, чтобы повторять их в то самое время, когда положение народа в России, именно вследствие лживого освобождения, стало невыносимым, когда разоренный дотла, принужденный платить вдвое или даже втрое дороже за землю, которую ему навязали и к которой его приковали, задавленный вдвое против прежнего податями государственными и земскими, ограбленный и соседом-помещиком, и кулаком, и купцом, и мировым посредником, и полицией, продающей все его имущество до последней коровы и до последней подушки для покрытия его недоимок, когда подверженный, наконец, к военным экзекуциям и розгам за то только, что он смеет отказываться от земли, которую ему так милостиво, втрое дороже, подарили, когда он, говорю я, на всем пространстве России умирает с голоду и бежит в леса!

Ныне, более чем когда-нибудь, народ ненавидит правительство. Скажу более, эта ненависть начинает простираться и на самого царя.

(...)

Что нужно народу? На это «Колокол» в 1862 году отвечал, и отвечал превосходно: «Народу нужна земля и воля!». Больше ничего. Но посмотрим, что заключается в этих словах. Народу нужна земля, вся земля, значит, надо разорить, ограбить и уничтожить дворянство, и теперь уже не только одно дворянство, но и ту довольно значительную

часть купечества и кулаков из народа, которые, пользуясь новыми льготами, в свою очередь, стали помещиками, столь же ненавистными и чуть ли еще не более притеснительными для народа, чем помещики стародавние.

Народу нужна воля, настоящая, полная воля, значит, надо уничтожить чиновничество и все войско. Значит, надо уничтожить государство, а без государства и государь невозможен; из чего заключить должно, что для того, чтобы сделать что-нибудь серьезное и удовлетворительное для народа, император и вся династия его должны бы были, вместе со всем государством, отправиться к черту.

Ну, к такому подвигу они неспособны, и потому чем дольше они царствовать будут, тем сильнее и глубже будет против них накапливаться народная ненависть, и будет она до тех пор накапливаться, пока не произведет всенародного и всеразрушительного взрыва.

Но способен ли русский народ к революции? Кажется, в этом сомневаться нельзя. Со времени Лжедмитрия по настоящее время ведь у нас был только один неизменный бунтовщик против государства — это крестьянский народ и городские мещане. Декабрьский бунт составляет лишь одно исключение, в высшей степени доблестное, но вместе с тем, с точки зрения народной, и бесплодное, так как он был гораздо более продуктом иностранных влияний, чем жизни народной. После него не было и не будет дворянских движений. Народ же никогда не переставал бунтовать. Бунтовал он победоносными массами два раза: один раз под Стенькою, другой раз под Пугачевым. Сначала бил войска государские, потом был разбиваем ими, потому что не было в нем никакой организации. Разбитый в последний раз в царствование Екатерины II, он не переставал заявлять свой протест против государственно-сословного гнета, против всех представителей государства, значит, против самого государства рядом ежегодных частных бунтов, всегда укрощаемых и возобновляющихся то в той, то в другой форме беспрестанно.

1. Народное восстание в Суздальской земле в 1024 году и феномен восстания волхвов

Восстание под предводительством волхвов — специфическая форма протеста «простой чади» в те времена, когда христианство еще не имело на Руси такого влияния, как в последующие века. Языческий волхв был символом древней общины, в которой не было сословий и притеснений, поэтому доверие к волхвам в народе было все еще велико.

Источник: В.В. Мавродин «Народные восстания в Древней Руси XI–XIII вв.» (печатается в сокращении).

Первое крупное народное восстание вспыхнуло в Суздальской земле. Оно было направлено против местной общественной верхушки — «старой чади». На заре русской истории почти вся территория Суздальской земли была покрыта дремучим лесом. Он тянулся сплошным массивом, тая в себе многочисленные реки, ручьи, озера, болота. Лишь кое-где по Оке и в Ополье (край, лежащий между Владимиром, Юрьевом-Польским и Переяславлем-Залесским) лежали безлесные пространства — поля, отроги далеких степей.

Самыми древними городами края были Суздаль и Ростов, где сидело «старое» боярство.

Поводом к восстанию послужил голод, охвативший в 1024 г. Суздальскую землю и вызвавший в ней «мятеж велик». Древняя русская летопись «Повесть временных лет» сообщает, что простой народ стал избивать «старую чадь», т.е. местную богатую знать, спрятавшую запасы хлеба, и что это восстание сельского люда возглавили волхвы — жрецы старой, дохристианской религии.

Очевидно, голод явился лишь видимым поводом к восстанию. Дело в том, что самый голод был вызван не только неурожаем.

Летопись говорит о том, что голод в этом году охватил далеко не все слои населения Суздальской земли. «Старая чадь» не голодала, она держала в своих руках запасы хлеба — «гобино». В древнерусском языке это слово означало урожай злаков и плодов вообще, но чаще всего этот термин применялся к урожаю зерновых хлебов. Летописец подчеркивает то обстоятель-

ство, что от голода, постигшего Суздальскую землю в 1024 г., страдала только «простая чадь». «Старая чадь», очевидно, пользовалась народным бедствием: прибрав к рукам хлеб и ссужая его голодающим, она закабаляла окрестный люд, подчиняла его себе, заставляла работать на себя в своем феодальном хозяйстве. Вот эта феодальная эксплуатация и была основной причиной «мятежа великого и голода по всей той стране», о чем говорит «Повесть временных лет» под 1024 г.

Восстание смердов Суздальской земли против «старой чади» заставило всполошиться господствующую феодальную верхушку. Не голод, а именно «мятеж велик» вынудил князя Ярослава Мудрого, находившегося тогда в Новгороде, все внимание уделить событиям в Суздальской земле. Вот почему Ярослав со своим войском направляется не в Чернигов, где в это время сел на княжеский стол его соперник и конкурент Мстислав, а в Суздальскую землю, где появились «волхвы лживые», поднявшие восстание «простой чади» по селам.

Придя в Суздальский край, Ярослав захватил волхвов, одних казнил, а других отправил в изгнание.

Чем объяснить то, что первые древнерусские восстания выступают перед нами как движения волхвов? Длительное господство первобытно-родовых культов, упорно сопротивлявшихся особенно здесь, на северо-востоке, силой меча внедряемому христианству, распространение волхованья, столь характерного главным образом для северных земель Руси, и, наконец, особенности самой структуры общинной организации были причиной того, что первые восстания зависимого или полузависимого сельского люда против феодалов принимают форму восстаний волхвов. Волхв — представитель старой, привычной религии, религии первобытно-общинных времен. Он сам вышел из общины, он близок сельскому люду, он сам часто смерд. В представлении сельского люда волхв ассоциируется со свободным состоянием, с отсутствием княжеских данщиков, вирников и прочих княжеских «мужей». Когда был волхв, не было ни даней, ни повоза, ни вир, земля была у общинников, их собственностью были угодья, поля, нивы, урожай и леса. Справляли старые праздники, придерживались стародавних обычаев, молились старым богам. Теперь не только

1. Народное восстание в Суздальской земле в 1024 году...

в княжеских горницах и гридницах, но и по всей Руси волхв вытеснял священник.

Дани и поборы, виры и повоз, появление на общинных Землях новых хозяев — бояр и монастырей, экспроприация общинных угодий и земель, закабаление со стороны местной «старой чади», введение христианства и возникновение на месте капищ и священных рощ церквей, а вместо волхвов — священников — все это по вполне понятным обстоятельствам в представлении люда далеких северо-восточных сел сливалось воедино, в нечто несущее конец их привычному общинному быту.

Движения смердов, руководимых волхвами, сложны. Различны цели восставших смердов и волхвов. Смерды борются с феодализацией, неотвратимо надвигающейся на них. Для них восстание против «старой чади» и князя с его «мужами» есть не что иное, как борьба с укрепляющимся феодализмом. Для волхвов — это борьба за реставрацию старого быта, за сохранение старой, доклассовой религии, а вместе с ней и того положения, которое они раньше занимали в обществе. Волхв — осколок отживающего мира, сторонник отмирающих старых порядков. Он зовет назад, его цели реакционны. Смерды еще прислушиваются к голосу волхва. Авторитет его еще высок. Как и позднее, религиозные мотивы играют большую роль в борьбе сельского люда с феодалами. Когда волхв призывает смерда выступить против христианства, борьба с христианской церковью перерастает в выступление против князя и бояр, и наоборот. Тесный союз господствующего класса с церковью создает подобную специфику первых антифеодальных движений. Феодализация и христианизация совпадали по времени.

Феодалы обрушивались на общинника, разоряли его, превращали всю общину в целом в подвластную феодалу организацию зависимого сельского населения и, обирая смерда, превращали его в кабального человека.

Одновременно христианство, проникавшее повсюду вместе с «княжими мужами», вытесняло старых общинных богов, уничтожало культовые места, места молений, сборов и сходов, изгоняло зарождавшееся и, чем дальше на север, тем все более сильное и влиятельное жречество, разбивая идеологию первобытно-общинного строя. Борьба за старую идеологию, борьба

с христианством и стала формой восстания смердов. Не будучи в состоянии противостоять феодалу в открытой борьбе, смерд стремился дать ему отпор, организуясь вокруг старых общинных начал, общинного быта, обычаев, верований. Но эта борьба сельского люда Руси носила иной характер, отличный от стремлений волхвов. Конечные цели волхвов и смердов разошлись. Волхвы были выброшены за борт истории. Они смотрели назад, в прошлое, и в него и ушли/канули. Народ, сельский люд, не мог уйти в прошлое. Его восстания не могли привести к ликвидации зарождавшегося и крепнущего феодализма, но они были звеном в общей упорной борьбе народных масс с феодализмом, с церковью и христианской религией за общинные порядки, за землю без бояр, за свою самобытную, окрашенную древними верованиями, культуру.

2. Новгородские восстания первой половины XIII века

Социально-политические коллизии в Новгороде XII–XIII веков были неотъемлемой частью внутренней жизни города. Обремененные высокими поборами новгородцы выступали за справедливое распределение богатств, за приход к власти вечеугодных правителей. Разъяренные массы доказали, что действительно опасны для феодалов, которые не способны услышать их требования.

Источники:

Н.Л. Подвигина «Очерки социально-экономической и политической истории Новгорода Великого в XII–XIII вв.».

Фрагмент из работы И. Я. Фроянова «Древняя Русь» об архаичной природе разграбления и дележа боярского имущества и столкновении частной собственности с общинной.

Первым мощным народным движением в Новгороде в начале XIII в. было восстание 1207 г. Главной причиной восстания послужило недовольство всех слоев Новгорода посадником Дмитрием Мирошкиничем: бояре были недовольны стремлением Дмитра укрепить власть семьи Мирошкиничей, остальные слои населения страдали от финансовых злоупотреблений посадника. Всеволод III, противником которого был и отец Дмитра Мирошка, также стремился избавиться от посадника. Но цели, преследуемые различными слоями населения, были разными: купцы, городской люд, смерды стремились избавиться от произвольных поборов, прусское боярство хотело отобрать власть у неревского, а князь, разжигая противоречия между боярскими группировками, надеялся укрепить собственную власть.

Начавшееся восстание приняло такой бурный характер, которого не могли ожидать ни князь, ни бояре. На первый план выдвинулись обвинения, предъявленные Дмитру Мирошкинчу восставшим народом. Восстание грозило вылиться в мощное народное движение против всего господствующего класса.

Накануне восстания состоялся поход новгородцев на Рязань во главе с посадником Дмитрием, организованный в помощь великому князю Всеволоду. Посадник Дмитр, заботившийся только об укреплении благосостояния семьи Мирошкиничей, настроил против себя весь Новгород и князя. Поэтому в действиях Всеволода, который одарил новгородцев и заявил им: «Кто вы добр, того любите, а злых казните», можно усмотреть прямое подстрекательство к свержению Дмитра Мирошкинча. Момент был удобным, так как самого Дмитра в Новгороде

не было, он был тяжело ранен под Пронском и остался во Владимире, где вскоре умер.

Одаренные Всеволодом новгородцы вернулись в Новгород и созвали вече. Против Дмитра были выдвинуты обвинения в том, что он «повелеша на новгородцехъ сребро имати, а по волости куры брати, по купщемъ виру дикую, и повозы возити и иное все зло». М.Н. Тихомиров полагал, что речь идет о курах, ибо такая повинность существовала уже во времена Краткой редакции Русской Правды. По его мнению, имелось в виду увеличение количества кур, собираемых по волостям. Но возможно, что Дмитр Мирошкинич установил какой-то новый денежный побор, тогда правомерно чтение «куны».

Тяжелым бременем легло на плечи новгородцев взимание «серебра», явившееся первым пунктом обвинений, выдвинутых против посадника. Два других пункта — о «дикой вире» и о повозах — затрагивали главным образом интересы купцов. Как известно, «дикая вира» раскладывалась среди всего населения общины, если на ее территории находили убитого человека, а убийца не был известен. На купечество «дикая вира» не распространялась, так как у них существовали свои объединения, что ставило их вне общины. Поэтому попытка Дмитра Мирошкинича заставить купцов платить «дикую виру» вызвала серьезное недовольство среди купечества.

Повинность «повозы возити» заключалась в том, что население обязано было за свой счет перевозить людей и грузы для феодалов. Эта повинность распространялась и на городское, и на сельское население, которое сильно страдало от нее. Особенно упорно добивалось свободы от повозов купечество. Во второй половине XIII в. оно добилося успеха, о чем свидетельствуют договоры Новгорода с князьями. Одним из пунктов этих договоров был: «...у купцев повозов не имати».

От злоупотреблений посадника в первую очередь страдали городские и сельские низы, мелкие ремесленники, а также купечество. Недовольство народа вылилось в мощное восстание, которое усилиями боярской группировки во главе с Твердиславом было направлено не против всех бояр, а лишь против Мирошкиничей и их сторонников. Восставшие двинулись на дворы ненавистных бояр и сожгли их. Села и челядь Мирош-

2. Новгородские восстания первой половины XIII века

киничей были распроданы, а деньги разделены между новгородцами.

Значение восстания 1207 г. было велико. Впервые в истории Новгорода восставший народ выдвинул свои социальные требования и добился их удовлетворения. Произвольные поборы были отменены. Восстание показало, что доведенные до отчаяния народные массы могут стать грозной силой, представляющей серьезную опасность для феодалов.

В 1228–1229 гг. произошло новое народное восстание, которое М.Н. Тихомиров назвал «одним из крупнейших событий в истории классовой борьбы в России периода феодальной раздробленности».

Волнения продолжались три года: с 1228 по 1230 г. Из-за постоянных дождей и вызванного ими неурожая в Новгороде возникла дороговизна. По мнению летописца, она была вызвана еще и тем, что князь Ярослав Всеволодович разместил в Новгороде свои переяславские полки.

Восстание, начавшееся в 1228 г., было вызвано голодом и резким ухудшением положения народных масс и своим острием было направлено против находившихся в то время у власти князя Ярослава Всеволодовича и поддерживавших его боярских кругов. В ходе восстания был свергнут архиепископ Арсений, которого обвинили в том, что он «выпровадил Антония владыку на Хутино, а сам сел, дав мзду князю». Арсений был изгнан и ушел в Хутынъ. Выступление против владыки и «софийян» было вызвано тем, что в голодные 1228–1229 гг. крупнейший новгородский феодал Дом святой Софии, обладавший богатыми житницами, не давал городу хлеба. Восставшие разгромили дворы тысяцкого Вячеслава и его брата Богуслава, владычного стольника Андрея, Давыдка «Софийского» и липинского старосты Душильца. Мы видим, таким образом, что гнев восставших обрушился на тысяцкого и владычный двор. Тысяцкий ведал судом над «черными людьми», этим, видимо, и объясняется тот факт, что его двор был разграблен в первую очередь.

Арсений был избран архиепископом после смерти Митрофана в 1223 г. Через два года из Перемышля в Новгород вернулся предшественник Митрофана архиепископ Антоний, который в 1228 г. заболел («онеме на святого Олексия» — очевидно, его

разбил паралич) и добровольно удалился в Хутынский монастырь. После свержения Арсения в 1229 г. в архиепископы был вновь возведен Антоний, что было чистой фикцией. Поэтому к владыке были приставлены два помощника: Якун Моисеевич и Микифор-щитник. Если в Якуне Моисеевиче, так как он назван полным именем с отчеством, можно предполагать боярина, то социальное происхождение Микифора сомнений не вызывает. Он был ремесленником-щитником, т.е. представителем «простой чади». Это свидетельствует о том, что в восстании 1228–1229 гг. принимали участие ремесленники, которые играли в нем весьма значительную роль.

Князь Ярослав Всеволодович еще до начала восстания ушел в Переяславль и на приглашение новгородцев вернуться в Новгород, поцеловав крест на «грамотах Ярославлих» на условиях «забожничье отложить и судей по волости не слать», ответил отказом. Тогда новгородцы пригласили Михаила Черниговского, который их условия принял. В том же 1229 г. вместо Иванки Дмитровича посадником был избран Внезд Водовик. Таким образом, в результате восстания произошла смена всех властей: князя, владыки, посадника и тысяцкого, причем даже из скурых сообщений летописца очевидно, что смещение владыки и тысяцкого произошло под непосредственным давлением «простой чади». Это было несомненным успехом «черных людей». Смена посадников произошла в результате победы боярской группировки во главе с Внездом Водовиком, придерживающейся черниговской ориентации.

Серьезные волнения, по-видимому, происходили в эти годы и в волостях, на что указывают рассмотренные выше требования, предъявленные новгородцами Ярославу Всеволодовичу. Но еще более убедительным свидетельством являются первые мероприятия Михаила Черниговского. В летописи записано, что Михаил «целова крест на всей воли новгородстей и на всех грамотах Ярославлих; и вда свободу смърдом на 5 лет дании не платити, кто сбежал на чюжую землю, а сим повеле, кьто сде живеть, како уставили переднии князи, тако платите дань».

Очевидно, Михаил Всеволодович освободил смердов от дани с целью приостановить массовое бегство крестьян, вызванное голодом и налогами, так как освобождение от дани

2. Новгородские восстания первой половины XIII века

касалось лишь тех, кто не бежал. Беглые же смерды должны были платить дань, как и при прежних князьях, но на новых местах. Кроме того, действия Михаила, видимо, были вызваны и требованием восставших: «судье по волости не слати». Все это свидетельствует о том, что восстание распространилось и на сельские местности.

В самом Новгороде во время восстания у сторонников Ярослава Всеволодовича («Ярославлих любовницех») было отобрано много денег, но, в отличие от прежних лет, дворы их разграблены не были. Отобранные средства пошли на строительство нового моста через Волхов.

Восставший народ добился успеха, чего не было со времени восстания в 1207 г. Впервые удар восставших был направлен против Дома святой Софии, а не только против князя или посадника, как было прежде. Впервые добились смягчения налогового бремени смерды. Впервые активную роль в восстании играли ремесленники, о чем свидетельствует избрание Микифора-щитника в число двух мужей, посаженных при «онемевшем» владыке. Все это говорит о том, что народным массам удалось одержать известную победу, и в этом несомненно заключается важнейший исторический результат восстания. Но другим его результатом был разрыв союза с сильным Владимирским княжеством, способным возглавить борьбу с экспансией извне.

В качестве дополнения к очерку о новгородских восстаниях первой половины XIII века приводим любопытный фрагмент из работы И.Я. Фроянова «Древняя Русь» об архаичной природе разграбления и дележа боярского имущества и столкновении частной собственности с общинной.

С новгородскими волнениями 1227–1229 гг. тесно связаны происшествия 1230 г. В городе тогда пуще прежнего свирепствовал голод: «Изби мраз на Въздвижение чьстнаго хреста обилье по волости нашеи, и оттоле горе уставися велико: почахом купити хлеб по 8 кун, а ржи кадь по 20 гривен, а в дворех по пол-30, а пшенице по 40 гривен, а пшена по 50, а овсе по 13 гривен. И разидеся град нашъ и волость наша, и полни быша

чужии гради и страны братье нашей и сестр, а останък почаша мерети». Мор был жестокий. В «скудельницу», устроенную по распоряжению архиепископа Спиридона, свезли 3030 трупов. Новгородцы, как и следовало ожидать, виновниками бедствия сочли своих правителей. Сперва они убили Семена Борисовича — приятеля посадника Внезда Водовика. Дом и села, принадлежавшие Семену, подверглись разграблению. Затем новгородцы стали грабить двор и села самого посадника Водовика, а также «брата его Михаля, и Даньслава и Борисов тысячьскаго, и Творимириць, иных много дворов».

Эти акции горожан означали падение власти посадника и тысяцкого, т.е. снятие с должностей, которые занимали Внезд Водовик и Борис Негочевич. Поэтому Внезд и Борис бежали в Чернигов. Новгородцы избрали посадником Степана Твердиславича, а тысяцким — Микиту Петровича. При этом «добыток Сменов и Водовиков по стом розделиша».

Последняя деталь очень существенна. Во-первых, она указывает на то, что движение против посадника и тысяцкого носило организованный характер. Во-вторых, в ней заключено свидетельство об участии в низвержении Водовика и Бориса волостного сельского люда, входившего в состав новгородских сотен. Раздел имущества Водовика по сотням соответствовал архаическим порядкам. Известно, что в древних обществах во время гибели урожая и голода, правителей если не убивали, то изгоняли, а их имущество грабили. Новгородцы, грабившие дворы и села посадника Водовика и тысяцкого Бориса, опирались на старые традиции, восходящие к первобытности. Они действовали, руководствуясь собственными побуждениями. Нет ничего неожиданного в том, что карающая длань народа ударила по боярам правящим, а не по всем «феодалам», ибо рядовые и знатные новгородцы пока не составляли вполне оформившиеся два класса, противостоящие друг другу. Незавершенность процесса классовобразования в Новгороде, как, впрочем, и во всей Руси, препятствовала резкому разграничению интересов социальной верхушки и низов, а, следовательно, и распадению их на замкнутые социальные категории. Именно поэтому народные массы Новгорода не могли противопоставлять себя боярству в целом. То же надо сказать и о боярстве, которое буду-

2. Новгородские восстания первой половины XIII века

чи разобщенным, страдало от изнурительной взаимной борьбы. «Разобщенность боярства, непрекращавшаяся борьба боярских группировок, — по справедливому мнению Янина, — замедляла не только процесс консолидации самого боярства, но и процесс консолидации противостоящих ему классовых сил».

Консолидированным боярство стало не ранее XV века. В начале же XIII столетия оно являлось образованием, внутренне неустойчивым и дробным. В этих условиях выступления народных масс могли быть обращены только против отдельной группы бояр, но никак не против всего боярства. Голод 1230 г. предопределил направление удара, обрушив народный гнев на бояр-правителей. И тут энергия и ум Степана Твердиславича, о которых восторженно отзывается Подвигина, играли отнюдь не первую роль, если вообще какую-нибудь играли. Языческие идеи, овладевшие массами под воздействием голода, — главная сила, которая смела одних правителей и призвала к власти других. Степана Твердиславича и его приверженцев вынесло на гребне волны народного возмущения, которое не надо было направлять, поскольку оно в момент зарождения своего имело уже определенную направленность. Помимо посадника и тысяцкого был смещен и князь. Таким образом, новгородцы заменили всех высших правителей, кроме архиепископа Спиридона. Эта замена, как и предшествующая, находит объяснение в языческих воззрениях народа, видящего причину посетивших его бедствий в плохих правителях, навлекающих на людей несчастья, вместо того, чтобы оберегать общину от них.

Разумеется, мы далеки от мысли, что Степан Твердиславич со своими сторонниками плелся, если позволено так выразиться, в обозе движения масс 1230 г. Спор новгородских бояр, соперничавших из-за власти, сулящей престиж и богатства, не умолкал на всем протяжении древнерусской истории. И на сей раз они предприняли борьбу. Еще до народного «мятежа», окончившегося столь неутешительно для Внесда Водовика и Бориса Негочевича, завязалась боярская драка. Степан Твердиславич и Иванко Тимошинич «распелись» с Водовиком, «паробки» которого поколотили Иванко. Тогда Степан «заутра створи веце на посадника на Ярославли дворе, и поиде на двор его, и розграбиша и. Посадник же опять възъвари город вьсь,

и Смен Борисовиць на Иванка и на Якима Влунковиця и на Прокшию Лашнева; поидоша с веча и много дворов розграбиша, а Волоса Блуткиница на вечи убиша; рече посадник: «ты еси мой двор хотел зажечи»; а Прокшин двор зажгоша; а Яким бежа к Ярославу, а инии схоронишася; но и тех, уротивше, пустиша; а Иванка после имъш, уби Водовик, въвъргошъ в Волхово». Перед нами банальная боярская потасовка, в которую, судя по всему, были втянуты рядовые новгородцы.

Итак, не отрицая политической активности новгородских бояр в событиях 1230 г., мы, тем не менее, не придаем ей решающего значения в смене посадника, тысяцкого и князя. Массы новгородцев, горожан и сельчан, — вот кто являлся наиболее мощным рычагом политического переворота 1230 г. Боярская же возня придавала лишь определенный колорит народным выступлениям. Здесь, как и ранее, наблюдаем сочетание бытовых потрясений с политической борьбой.

Социальная сущность движения 1230 г. проецируется в конечных его результатах и целях, которые преследовали охваченные волнениями массы новгородцев. Нам говорят, что отчаявшиеся городские и сельские низы добивались улучшения своего положения. Формула верная, но слишком универсальная, поскольку применима ко всем народным восстаниям: всегда и везде поднимающийся на борьбу народ желал улучшить свое положение. Задача историка заключается в том, чтобы наполнить конкретным содержанием данную формулу.

Как уже отмечалось, новгородцы, измученные голодом, пытались пересилить беду с помощью языческого в своей основе средства — смены правителей. Борьба демократической части свободного населения за смену одних властителей другими — это борьба социально-политическая, в которой столкнулись различные группировки свободных людей Новгородской земли. Лишение власти неудобных правителей есть главный результат движения 1230 г. Ему сопутствовали акции, свидетельствующие о важном достижении рядовых новгородцев. Речь идет о так называемых «грабежах» имущества знати, вызвавшей неудовольствие народа. Начались «грабежи» еще в памятные дни изгнания архиепископа Арсения. Их жертвой стали «дворы» тысяцкого Вячеслава и его брата Богуслава, владычного

2. Новгородские восстания первой половины XIII века

стольника Андрея, Давыдка «Софийского», липенского старосты Душильца. В 1230 г. новгородцы, подстрекаемые Степаном Твердиславичем, пошли с веча «грабить» двор посадника Водовика. Тогда он «опять възъвари город въсь... и поидоша с веча и много дворов розграбиша». Вскоре «грабежи» приобрели еще больший размах. Были разграблены дворы и села посадника, тысяцкого и других высокопоставленных «мужей». Рассказав об этом, а также о смене посадника и тысяцкого, летописец сообщает, что новгородцы «добытые Сменов и Водовиков по стом розделиша. Они трудишася, събирающе, а си в труд их внидоша».

Это сообщение летописца представляет весьма значительную ценность. Оно предостерегает нас от упрощенного толкования грабежей, упоминаемых летописью. Раздел награбленного имущества по сотням свидетельствует о том, что мы имеем дело с необычными грабежами, которые нельзя понимать в буквальном смысле слова. Здесь мы наблюдаем специфическое явление, типичное для переходных обществ, а именно: борьбу старой коллективной собственности с развивающейся новой частной собственностью. Грабежи, о которых говорит летописец, есть своеобразное перераспределение богатств по принципу коллективизма, противодействие общины личному обогащению. Подобной практике во многом способствовало то обстоятельство, что богатства древнерусской знати, в том числе и новгородской, создавались преимущественно за счет публичных поступлений — всевозможных платежей за отправление общественно полезных функций. Поэтому неудивительно, что люди Древней Руси смотрели на собственность князей и бояр как на отчасти преобразованную или временно оккупированную общинную собственность, подлежащую возврату в лоно общины. Отсюда устранение от власти того или иного правителя сопровождалось отнятием у него богатств, добытых посредством этой власти. Инструментом такой «экспроприации» как раз и являлись «грабежи», описанные новгородским книжником. Нередко они возникали стихийно, а порой — в организованном порядке, когда награбленное делили внутри общины поровну, как это случилось с имуществом Водовика и Семена. Но независимо от стихийности или организованно-

Н.Л. Подвигина

сти «грабежей», их суть оставалась неизменной: она состояла в перераспределении богатства на коллективных началах.

Перед нами внутриобщинная борьба между элитой и массой свободных общинников, стимулом которой являлось столкновение привычной, освященной веками общинной собственности с утверждающейся частной собственностью.

3. Тверское восстание 1327 года

Яркий эпизод из истории противостояния татаро-монгольскому игу, в ходе которого простые горожане вопреки княжеским указам не стали терпеть насилия на своей земле. Тверское восстание 1327 года из локального уличного конфликта переросло в общегородскую резню, в ходе которой были перебиты все представители хана-наместника.

Источник: Памятники литературы Древней Руси. XIV — середина XV века / Пер. Я. С. Лурье. М. 1981. С. 62–65.

...В том же году Александру Михайловичу было дано княжение, и он пришел из Орды и сел на великокняжеский престол. Потом, немного дней спустя, из-за умножения наших грехов, когда Бог позволил дьяволу вложить в сердце безбожных татар злую мысль, сказали они своему беззаконному царю: «Если не погубишь князя Александра и всех князей русских, то не получишь власти над ними». Тогда беззаконный и проклятый зачинатель всего зла Шевкал, разоритель христианства, отверз свои скверные уста и начал говорить, наученный дьяволом: «Государь царь, если ты мне велишь, я пойду на Русь, разорю христианство, убью их князя, а княгиню и детей приведу к тебе». И царь веле ему так сотворить.

Беззаконный же Шевкал, разоритель христианства, пошел на Русь со многими татарами, и пришел в Тверь, и выгнал великого князя с его двора, а сам поселился на великокняжеском дворе, исполненный гордости и ярости. И сотворил великое гонение на христиан — насилие, грабеж, избиение и поругание. Люди же городские, постоянно оскорбляемые нехристями, много раз жаловались великому князю, прося оборонить их. Он же, видя озлобление своих людей и не имея возможности их оборонить, велел им терпеть. Но тверичи не терпели, а ждали удобного времени.

И случилось так, что 15 августа, ранним утром, когда собирается торг, некий диакон-тверянин, — прозвище ему Дудко, — повел кобылицу, молодую и очень тучную, напоить водой к Волге. Татары же, увидев ее, отняли. Диакон же очень огорчился и стал вопить: «Люди тверские, не выдавайте!»

И началась между ними драка. Татары же, надеясь на свою власть, пустили в ход мечи, и тотчас сбежались люди, и началось возмущение. И ударили во все колокола, стали вечем, и восстал город, и сразу же собрался весь народ. И возник мятеж, и кликнули тверичи и стали избивать татар, где кого поймают, пока не убили самого Шевкала. Убивали же всех подряд, не оставили и вестника, кроме пастухов, пасших на поле стада коней. Те взяли лучших жеребцов и быстро бежали в Москву, а оттуда в Орду, и там возвестили о кончине Шевкала. (...) Убит же был Шевкал в 6835 (1327) году. И, услышав об этом, беззаконный царь зимой послал рать на Русскую землю — пять темников, а воевода у них Федорчук, и убили они множество людей, а иных взяли в плен; а Тверь и все тверские города предали огню. Великий же князь Александр, чтобы не терпеть безбожных преследований, оставив русский великокняжеский престол и все свои наследственные владения, ушел во Псков с княгиней и детьми своими и остался в Пскове.

4. Смоленское восстание 1440 года против литовцев и местных бояр

В 1359 году Смоленская земля попадает под власть литовского князя. Несмотря на присягу литовскому княжеству простые жители, чувствовавшие на себе феодальный гнет, усугубленный тяжелым природными бедствиями, вооружившись, выступили за свою свободу.

Источник: С.В. Полехов. Смоленское восстание 1440 года // Исторический вестник. – Т. 7 (154): Литва, Русь и Польша XIII–XVI вв. – М., 2014. (приводится в сокращении).

Впервые Смоленское княжество было присоединено к Великому княжеству Литовскому в результате похода Витовта 1395 г. Это быстро нашло отражение в литовской сфрагистике: на большой печати Витовта, вошедшей в употребление не позже 1398 г., наряду с гербами Виленской, Троцкой и Луцкой земель был изображен идущий на четырех лапах медведь — герб Смоленской земли. Вторично подчинив Смоленскую землю своей власти в 1404 г., Витовт, по летописному сообщению, «въ Смоленскѣ свои намѣстники посади и Ляхи посажа, и тѣмъ Ляхомъ предасть градъ дръжати». «Ляхи» могут здесь означать как поляков, так и католиков вообще.

События, разыгравшиеся в Смоленске ранней весной 1440 г., были спровоцированы ситуацией в политическом центре государства. 20 марта 1440 г. в полуостровном замке в Троках заговорщиками был убит великий князь Литовский Сигизмунд Кейстутович. Узнав об этом, смоленский воевода, литовский пан Андрей Сакович, незамедлительно привел смолян к присяге («целованию»). Они обязывались «от Литовской земли не отступати и великого князя литовского, а ко иному не приступати», в течение «междуправства» в ВКЛ сохранять верность воеводе, а впоследствии признать великим князем того, кого посадят на виленский престол «князи литовски и паны, вся земля Литовская». Присягу принесли смоленский епископ Симеон, «и князи, и бояре, и мещичи, и черныя люди».

Одной из причин восстания, несомненно, стал страшный голод 1435-36–1438-39 гг. Раз, по словам смоленского летописца, «четвертка жита тогды была под две копе грошей», то находились люди, готовые выложить такую большую сумму денег, но большинство местных жителей позволить себе такого не могли и умирали от голода: «И меташа во скудильници людие емлющи по улицамъ». Естественно, это настраивало широкие круги смольнян против представителей более состоятельных слоев населения.

Всего через несколько дней после присяги, 30 марта («по Велице дни на святой недели в среду»), «черные люди» — ремесленники, как уточняет летописец, — решили выгнать воеводу из города и, вооружившись, зазвонили в колокол. Есть основания полагать, что решение о восстании было принято на вече. Правда, прямого указания на это нигде нет, да и колокольный звон мог не обязательно призывать на вече, но и служить сигналом сбора к началу боевых действий; в «вечниках» «Книги данин Казимира» теоретически можно видеть не только участников вече, но и любых мятежников. Однако «черные люди» — судя по последующим событиям, достаточно многочисленные — собрались на колокольный звон уже с оружием, зная, против кого они его обратят, и это решение было принято за очень короткое время: очевидно, то вече все же состоялось.

Как бы то ни было, на колокольный звон могли собраться те, кто проживали в Смоленске или его ближайших окрестностях, поскольку из летописного рассказа следует, что столкновение («ступь») восставших с боярско-дворянским войском Андрея Саковича произошло в тот же день. Смоленский воевода немедленно принялся совещаться со смоленскими боярами, значит, после присяги они не разъехались по своим загородным имениям (села, упоминаемым в летописном рассказе), а находились в городе. Они восприняли выступление «черных людей» как направленное против администрации и бояр («Чи лепшей датися имь в руки») и посоветовали Андрею Саковичу приказать вооружаться его дворянам (судя по контексту, имеются в виду те, кто служил при его дворе, своего рода «придворные»). После это-

4. Смоленское восстание 1440 года против литовцев...

го конное войско Андрея Саковича, вооруженное копьями, сразилось с восставшими «черными людьми» и одержало победу. Летописец замечает, что стычка («ступь») произошла «у Бориса Глеба во городе», чтобы отличить посвященную им церковь от пригородного монастыря на Смядыни. Несмотря на одержанную победу, в ту же ночь Андрей Сакович с женой и смоленские бояре выехали из города и направились в Литву. Значит, в Смоленске они не чувствовали себя в безопасности. Возможно, они рассчитывали получить военную помощь от литовских князей и панов (великокняжеский престол в это время еще оставался незанятым).

Чтобы понять, какими ресурсами располагали «черные люди» и на что они рассчитывали, необходимо более полно охарактеризовать эту социальную группу. Из всех групп, присягавших на верность Литве и Андрею Саковичу, в летописном рассказе они названы на последнем месте: «владыка смоленский Семион и князи, и бояре, и местичи, и черныя люди». То же место они занимают в привилеях Смоленской земле великих князей Александра Ягеллона (1505 г.) и Сигизмунда Старого (1513 г.). В них «черные люди» названы после смоленского православного епископа, окольных (в привилее 1513 г. далее следуют казначеи, которых нет в документе 1505 г.), панов, бояр и мещан. В привилее 1513 г. «черные люди» синонимичны «всему поспольству» (в значении «простонародье») и противопоставляются богатым мещанам. Согласно тому же документу, «все поспольство [ч]ерныи люди» наряду с мещанами било челом Сигизмунду Старому об отмене соляного мыта, недавно введенного в Полоцке. Соль употреблялась в каждом хозяйстве, и рост цен на нее затрагивал всеобщие интересы, но в особенности — интересы менее состоятельных слоев населения. Во всех источниках о средневековом Смоленске «черные люди» упоминаются отдельно от местичей/мещан. Есть и такие документы, в которых местичи или мещане упоминаются, а «черные люди» — нет. Стало быть, смоленские «черные люди» — низший слой полноправного населения города, отдельный от мещан (очевидно, чтобы объединить обе группы, привилей 1505 г. неоднократно говорит о «горожанах»).

С другой стороны, между «черными людьми» и мещанами не было непроходимой границы. Летописец уточняет состав восставших в 1440 г. «черных людей» — «кузнецы, кожемяки, перешевники, мясьники, котельники». В документе 1498 г. среди откупщиков смоленских корчем (всего 21 человек) упоминаются смоленские мещане Василий Кравец, Данило Мясник с братом, Шанько Псарец, Костя Колачник, Кузьма Отмывальник и Лукошко Румянечник. Их прозвища указывают на происхождение из ремесленников и слуг, а общее количество — на уровень благосостояния: 21 человек получал в откуп смоленские корчмы, с которыми в другие годы «справлялся» один «профессиональный» откупщик (им, как правило, был мещанин-купец из другого города или еврей-ростовщик). В начале XVI в. «черные люди» и мещане несколько раз упоминаются вместе; как близкие слои населения их рассматривали правящие круги Русского государства. «Профессии» «черных людей», перечисленные в летописном рассказе, свидетельствуют о их благосостоянии (так, кузнецы изготавливали столь важные предметы, как подковы и оружие, поэтому кузнечное ремесло считалось достаточно престижным; с другой стороны, не названы хлебопекы — производители более дешевой и массовой продукции), но это благосостояние относительно, имеет определенные рамки. Об этом говорит описание их вооруженного выступления: «и наредилися во изброй и со луками, и со стрелами, и с косами, и зь секерами». Отсюда видно, что восставшие понимают, с кем будут иметь дело, и знают толк в боевых действиях: пока всадники со своими копьями не приблизились на расстояние, достаточное для поражения, их удобно обстрелять из луков; когда же это произошло, косами можно бить по ногам коней. У восставших есть доспехи («изброй») и оружие, но относительно доступное и распространенное: луки и стрелы, при помощи которых охотились; секиры — не обязательно боевые: в качестве боевой секиры мог использоваться топор, бывший в каждом хозяйстве, тем более что и сам он нередко назывался «секирой», а критерии деления секир на боевые и рабочие до сих пор не совсем ясны. То же самое относится к косам: так называли и оружие,

4. Смоленское восстание 1440 года против литовцев...

и предмет хозяйственного инвентаря для срезания травы. Летописец не отмечает у восставших таких дорогостоящих предметов вооружения, как мечи или сабли, не упоминает он и о конях (тем более что секира — традиционное оружие пехоты: орудовать ею, сидя на коне, неудобно), тогда как смоленские бояре и дворяне Андрея Саковича выступают конными, — и это явное превосходство, позволяющее им рассеять восставших. Вооружение восставших разнообразно, в отличие от копий смоленских бояр и дворян Андрея Саковича. Несмотря на определенные экономические позиции, «вечники» не могут хорошо вооружиться и оказать противодействие смоленским боярам, разъехавшимся по своим селам. «Черные люди» достаточно многочисленны, раз Андрей Сакович и смоленские бояре покидают город, даже несмотря на одержанную над ними победу. Тем не менее среди нескольких десятков актов, проливающих свет на историю Смоленской земли в 1404–1514 гг., нет ни одного, в котором говорилось бы о землевладении «черных людей». Это заставляет отвергнуть приводившееся выше объяснение А.Ю. Дворниченко о различии между мещанами и «черными людьми» и обратиться к сравнительным данным. Очевидно, смоленские «черные люди» аналогичны одноименной категории населения других русских городов. Как показала «брань о смердах» 1483–1486 гг. во Пскове, тамошние «черные люди» входили в состав городской общины — «коллективного феодала» по отношению к крестьянам-смердам, при этом были кровно заинтересованы в сохранении такой ситуации («старины»), поскольку, в отличие от бояр и житых, владели в лучшем случае лишь крохотными участками земли, которые обрабатывали собственными силами. В разных русских городах «черные люди» — это «непривилегированные, незнатные, но свободные и полноправные горожане». Аналогичная картина наблюдается в Смоленске, где «черные люди» середины XV – начала XVI в. предстают низшим слоем полноправного городского населения: они приносят присягу, ходатайствуют перед великим князем и получают его привилегии (но не самостоятельно, а только в составе более широкой группы), сходятся на вече, владеют неким иму-

ществом, однако его недостаточно, чтобы обеспечить высокий военный потенциал.

Какие цели преследовали восставшие? Ответить на этот вопрос всегда сложно. Пищу для размышлений дают лишь их действия, известные фактически только по рассказу враждебно настроенного летописца. Мы ничего не знаем о политических представлениях восставших, их кругозоре и связях. Поскольку выступление было стихийным, очень вероятно, что действовал знаменитый принцип Наполеона: «Нужно сперва ввязаться в бой, а там видно будет». Их цели могли меняться по мере развития событий и появления новых факторов, таких как возвращение смоленских бояр или вокняжение Юрия Лугвеневича. События, предшествовавшие восстанию и разыгравшиеся с его началом, ясно свидетельствуют, что восставшие не просто выступали против бояр или за сохранение «городских вольностей», но намеревались «отложиться» от Литовского княжества. Такая перспектива была понятна организаторам присяги, кого бы ими ни считать — Андрея Саковича, Яна Гаштольда или кого-либо еще. Поэтому-то со смольнян было взято обязательство «от Литовьской земли не отступати и великого князя литовьского, а ко иному не приступати». Когда «черные люди» вооружились и ударили в колокол, у смоленского воеводы и бояр не было сомнений, что восставшие направят свое оружие против них. Поэтому они спешно покинули город, несмотря на победу в стычке. После этого восставшие не обращались ни к претендентам на литовский престол — Михаилу Сигизмундовичу или Свидригайлу, ни к литовским панам и князьям, ни к польскому королю, а самостоятельно пригласили к себе сначала одного, а затем другого князя. Следует подчеркнуть, что нет никаких оснований видеть в смоленских событиях продолжение войны, охватившей Великое княжество Литовское в 30-е гг. XV в. Война эта была династической: Свидригайло и Сигизмунд Кейстутович боролись за великокняжеский престол «на Вилни и на Троцех», т.е. контроль над всей территорией государства. Источники не подтверждают представлений ни об «антиаристократической» и «демократической» политике Сигизмунда Кейстутовича

4. Смоленское восстание 1440 года против литовцев...

(М.С. Грушевский, М.В. Довнар-Запольский), ни об особой опоре Свидригайла на теряющую позиции аристократию — «литовско-русских князей» (М.К. Любавский, О. Халецкий) или, напротив, демократические слои — «западнорусские городские общины» (А.Ю. Дворниченко). Ближайшее окружение обоих правителей, если не считать различных «гостей», секретарей и «милостников», состояло из князей и знатнейших бояр.

Покидая Смоленск, Андрей Сакович, по-видимому, надеялся сохранить контроль над ситуацией, раз в городе остался маршалок Петрыка. Но фактически город оказался в распоряжении восставших: они утопили Петрыку в Днепре «и посадиша собе воеводу в Смоленску князя Андрея Дмитриевичь Дорогобужского». Новый смоленский «воевода» происходил из тверской ветви Рюриковичей — был внуком Еремея Константиновича, владевшего Клинским удельным княжеством. Его приглашение объяснялось тем, что он княжил в г. Дорогобуж, находившемся в Смоленской земле восточнее Смоленска, т.е. был ближайшим соседом смолян. Как уже говорилось выше, в это время борьба за литовский великокняжеский престол была в самом разгаре, и приглашение Андрея Дорогобужского в этой обстановке показывает, что восставшие собирались освободиться из-под власти Великого княжества Литовского. При этом Андрей Дорогобужский сохранял какие-то связи с Тверским княжеством, что позволяло рассчитывать на его помощь. Вместе с тем он рассматривался не как «господарь», а всего лишь как «воевода».

Андрей Дорогобужский явился в Смоленск в апреле, а покинул город не ранее июля: в это время там, скорее всего, появился Юрий Лугвеневиц. После того как 29 июня 1440 г. Казимир Ягеллон был провозглашен великим князем Литовским, смоленские бояре попытались вернуться в Смоленск, но в город их не пустили «черные люди», и им пришлось разъехаться по своим имениям, однако напряженность сохранялась: «И за тымь бысть бран велика межи бояр и черных людей». Таким образом, смоленские бояре признали Казимира великим князем, но пока никакой вооруженной

помощи от него не получили. В первые месяцы его правления были восстановлены некоторые удельные княжества, ликвидированные ранее: так, в Киеве вокняжился Олелько Владимирович, а мстиславская «отчина» была возвращена Юрию Лугвеневичу (Семеновичу), вернувшемуся из Новгорода. К этому знакомому им князю и обратились смоляне, видя, что силы смоленских бояр, вернувшихся в свои имения и активно приступивших к подавлению восстания, явно превосходят военный потенциал Андрея Дорогобужского. Мстиславское княжество соседствовало со Смоленской землей, значительно превосходило владения Андрея Дорогобужского, а значит, и военный потенциал Юрия Лугвеневича был выше. Чтобы укрепить свои позиции (причем не только в Смоленске, но и в Мстиславле) и ликвидировать напряженность в новых владениях, он приказал арестовать смоленских бояр, а их имения раздал своим боярам. Вдобавок к Мстиславию и Смоленску Юрий, по сообщению Новгородской первой летописи, захватил еще и Полоцк с Витебском. Как и в других областях своего княжения, в Смоленске он стал «оспадаремь», т.е. полноправным правителем, а не просто воеводой. По-видимому, Смоленск стал его главной резиденцией.

Успехи Юрия Лугвеневича длились недолго. Трудные времена для него настали поздней осенью того же 1440 г., когда Смоленск осаждало литовское войско. Правда, первое противостояние с ним закончилось в пользу князя Юрия, но уже само его стояние под Смоленском, а не под Полоцком или Витебском, говорит о том, что власть этого князя в подвинских землях оказалась непрочной. Вскоре решилась и судьба Смоленска и самого Юрия Лугвеневича: зимой, во время второго похода литовских панов, он бежал в Москву, а Смоленск был подчинен власти Казимира Ягеллона.

Меры, принятые для «замирения» Смоленска, дополняют важными подробностями летописный рассказ о самом восстании. Прежде всего это записи «Книги данин Казимира» с упоминанием «вечников», приведенные в начале статьи. Судя по ним, к «вечникам» применяются разные меры наказания: пятеро из них — Фролко Фразов, Офанаско, Сница

4. Смоленское восстание 1440 года против литовцев...

(Дасница?), Нефедко Красельник и Вус — передаются вместе с их имуществом (скорее всего, движимым) во владение боярину Ходыке, четверо (Губа, Юрко, Колибака и не названный по имени) лишаются дворов. «Вечники» «Книги данин» — неоднородная в имущественном и правовом плане группа. «Вечниковы» дворы могли означать как загородные имения, так и городские дворы в Смоленске, также служившие объектами господарских пожалований. Таким образом, среди участников восстания были не только «черные люди». Это объясняет разнообразие наказаний, которым были подвергнуты восставшие: у более состоятельных конфисковывались владения, но они, в отличие от менее состоятельных, не лишались полноправного статуса. Хотя они и были изменниками, которым по литовскому праву грозили суровые наказания вплоть до смертной казни, у них оставались родственники и «приятели», с которыми государственной власти приходилось считаться. Однако такие составляли меньшинство восставших, а «черные люди» были в большинстве, раз для противостояния смоленским боярам, разъехавшимся по своим селам, им пришлось приглашать Юрия Лугвеневича с его боярами. С «черными людьми» власти меньше считались, и они подвергались наиболее суровым репрессивным мерам.

Восстание 1440 г. показало противоречия интеграции Смоленской земли в состав Великого княжества Литовского. С одной стороны, великокняжеская власть принимала достаточно разносторонние меры для достижения этой цели. Несмотря на ограничения прав православной знати Литовского княжества по сравнению со знатью католической, смоленские бояре уже в 1440 г. ассоциировали себя не просто с тем или иным великим князем, но с Литовским государством и его представителем — воеводой. С другой стороны, в Смоленске еще была жива память о независимости, и в случае социального конфликта это создавало угрозу для позиций Литвы в этом регионе. Реализоваться такая угроза могла лишь при определенном стечении обстоятельств: «черные люди» и поддерживавшие их представители других групп населения продержались несколько месяцев лишь при помощи

знакомых им мятежных князей с их военными отрядами, за прочными крепостными стенами и в условиях ощутимой слабости центральной власти, все внимание которой до поры до времени было направлено на удержание великокняжеского престола Казимиром Ягеллоном (об этом говорит хотя бы хронология событий: смольняне восстали 30 марта, Казимир был провозглашен великим князем 29 июня, а литовское войско подошло к Смоленску лишь 14 ноября). Стоило этим условиям измениться, как Смоленск вернулся под власть Литвы, причем, в отличие от других мятежных регионов княжества — Жемайтии и Волыни, центральная власть не шла на уступки восставшим, поскольку их социальный состав был иным.

**5. Московское восстание
в первый год царствования
Ивана IV (1547 год)
и другие волнения XVI века**

Непосредственным поводом к волнению послужил огромный пожар 1547 года, который оставил без средств к существованию треть Москвы. Восставшие направили свои силы против рода Глинских, с которыми были связаны все темные стороны боярского правления.

Источник: А.А. Зимин, А.Л. Хорошкевич «Россия времени Ивана Грозного».

Столица Российского государства, Москва привлекала не только удельных князей, бояр, но и ремесленников. В шумной и многолюдной столице легче было затеряться беглому холопу, владевшему каким-нибудь ремеслом. Сюда устремились и разоренные долгами и налогами крестьяне. «Прежде... сего Москва не такова бяше народна, якоже ныне народом умножися в лета благоверного царя и великого князя Ивана Василиевича всеа Руси», — записал летописец, живший в это время в столице.

В 1547 г. Москва оказалась ареной драматических событий. На второй день пасхи (12 апреля) в столице вспыхнул пожар. К счастью, он охватил небольшую часть города. Сначала загорелась лавка в торгу в москотинном ряду. Потом вспыхнули лавки и в других рядах. По Никольской улице пожар перекинулся вплоть до стен Китай-города. Черного люда столицы больше коснулся следующий пожар, 20 апреля. За Яузой вдоль Москвы-реки выгорели кварталы гончаров и кожевников.

Самым опустошительным был третий пожар, который начался 21 июня на территории Воздвиженского монастыря, «на Арбатской улице на Острове» (позднейшая Воздвиженка, ныне ул. Фрунзе). Из-за сильного ветра «потече огонь яко молния». Пожар на юге достиг ручья Чертолья (ныне Чертольский пер. у Кропоткинских ворот). Загорелся и Кремль, где погибли все деревянные сооружения, в том числе Казенный двор, Оружейная и Постельная палаты. Дым в Кремле

был настолько силен, что в Успенском соборе чуть не задохнулся митрополит Макарий, которого вывели по тайнику к Москве-реке. Однако и там «бысть дымный дух тяжек и жар велик». Митрополита обвязали веревками и стали спускать к самой реке. Веревки оборвались, и чуть живого Макария отвезли в Новинский монастырь.

Один за другим разрывались со страшным грохотом кремлевские стены, где хранилось «зелие пушечное», далеко разлетались кирпичи, горела деревянная кровля на кремлевских стенах, ветер срывал горящую дранку и разносил ее за пределы Кремля. Испуганные лошади вырывались из царских конюшен, сбивали все на своем пути, давя на бегу падающих в дыму людей. Суетились и кричали люди, устремляясь к единственным оплотам спасения — церквям. Но и их стены трескались от нестерпимого жара. Огонь проникал внутрь, выжигая церковную утварь, уничтожая высоко почитавшиеся иконы Рублева и Дионисия, неся гибель укрывшимся там людям.

Дотла выгорел Китай-город, причем на этот раз не только торг, но и Большой посад, горели заморские ткани, плавилось драгоценное оружие. В пламени погибли Пушечный двор и все строения по Рождественской улице. Пожар свирепствовал больше 10 часов и истребил основную территорию столицы (примерно до черты нынешнего бульварного кольца).

Позднейшие летописцы сообщали, что выгорело 25000 дворов и погибло 1700, 2700 или 3700 человек. Возможно, это преувеличение, но, действительно, такого колоссального пожара не помнило уже несколько поколений. В городе, ранее изобиловавшем свежей рыбой, дичиной, говядиной, а теперь превратившемся в дымящееся пепелище, не хватало продовольствия, чистой воды. На пятый день после пожара черные люди Москвы «восколебашеся аки юроди». Волнения охватили московский посад.

Состав участников движения 26 июня не вполне ясен. Летописцы пишут то о «черных людях», то о «москвичихах болших и черных людях». Курбский замечал позднее, что «бысть возмущение велико всему народу». «Возмущение»

5. Московское восстание в первый год царствования Ивана IV...

было направлено против Глинских, снискавших общую ненависть. Об обвинениях родных Иван IV услышал 23 июня, когда для обсуждения чрезвычайного положения у постели больного митрополита в Новинском монастыре собралась Боярская дума. Здесь присутствовали благовещенский протопоп Федор Бармин, князь Ф.И. Скопин-Шуйский, И.П. Федоров, князь Темкин-Ростовский, Захарьин и Ф.М. Нагой. От Бармина, Скопина-Шуйского и Федорова Иван IV услышал, что его бабка якобы «волхованием сердца человеческие вымаша и в воде мочиша и тою водою кропиша, и оттого вся Москва выгоре». Недовольные всевластием Глинских и бесчинствами их слуг низы городского населения обвиняли Глинских в поджоге Москвы.

Позднее всю вину за смерть Ю. Глинского царь возлагал на бояр: «Наши изменные бояре... наустиша народ». Трудно, однако, поверить его словам. Грозный писал об этом спустя более 15 лет, в тот период, когда его взаимоотношения с боярами достигли крайней степени обострения.

Собравшись «вечьем», т.е. вспомнив исчезнувшую форму городского управления, восставшие двинулись в Кремль. Юрий Васильевич Глинский, опасаясь народного гнева, спрятался в митрополичьем Успенском соборе. Его там нашли, избили, связали и «едва жива» выволокли из придела Дмитрия Солунского, а потом всем «миром» убили камнями на площади. Тело его было положено на торжище, как «осуженника». Таким образом, действия восставшего городского люда приобретали характер общегородского «вечевого» суда. Остальным Глинским удалось избежать расправы. Михаила, по-видимому, не было в Москве, а Анна спаслась бегством. Не обнаружив в Кремле других представителей ненавистной им семьи, черные люди направились ко дворам убитого ими князя Юрия, «людей княже Юрьевых безчисленно побиша и живот княжей разграбиша». Одновременно с людьми князя Глинского пострадали и дети боярские, недавно прибывшие из Северских городов.

По-видимому, 27–28 июня Москва была полностью во власти черного посадского населения. 29 июня движение приняло новые формы. «Многие люди черные» отправились

в подмосковную царскую резиденцию — село Воробьево, куда еще 26 июня Иван IV перебрался из самого центра пожара — с Арбатской улицы. Они двинулись «скопом», в полном вооружении — «якоже к боеви обычай имяху». Дело в том, что 26 июня прошел новый слух, будто Глинские подожгли Москву, «норовя приходу иноплеменных», т.е. крымского хана. Прибывшая в Воробьево вооруженная толпа испугала нововенчанного царя. «Узрев множество людей», он «удивися и ужасеся». Грозный писал даже, будто бояре «наустили были народ и нас убить». Через три года, вспоминая о событиях июня 1547 г., царь прямо говорил: «От сего... вниде страх в душу мою и трепет в кости моа и смирися дух мой». По-видимому, царь Иван не преувеличивал своих впечатлений от июньских событий. Однако особе монарха ничто не угрожало. Восставшие по-прежнему были настроены только против Глинских. Они считали, «будто государь хоронит у себя их». Царю и его приближенным удалось разубедить возбужденную толпу. Поддавшись уговорам царского окружения, черные люди ни с чем отправились восвояси. А еще через несколько дней Иван IV повелел произвести тщательный обыск. «Все повелевшие кликати», т.е. призывать народ к «возмущению», были захвачены и публично казнены.

Так закончилось движение посадских людей Москвы в июне 1547 г. Оно было первым в России XVI столетия массовым выступлением низов городского населения с программой защиты его от власти феодальной знати. Разгром движения обрек на временное бездействие верхи города, ускорил процесс сближения купеческой верхушки, в первую очередь московской, с царскими слугами.

Советские исследователи недавно поставили вопрос о двух путях развития экономики и социальных отношений России, которая в середине XVI в. могла пойти или по крепостническому пути или по пути развития зарождавшихся предбуржуазных отношений. Для центра страны вопрос был решен: усиление крепостничества и самодержавия там опиралось на прочные позиции светских и духовных феодалов. Иначе и быть не могло в условиях страны, где экономическая консолидация отставала от политической. Некоторая

5. Московское восстание в первый год царствования Ивана IV...

заторможенность экономического развития России была следствием более чем двухвекового ордынского ига.

Неудача московского восстания отражала слабость городов центра. Зато города и посады Севера быстро развивались. Среди них видное место занимали Новгород, Углич. Последний имел большие возможности для участия в волжской торговле, с одной стороны, и в центрально-русской, с другой. С востока поступали ткани, изделия восточного ремесла, с севера угличские купцы привозили столь дорого ценившуюся на рынках запада пушнину. Здесь быстрее и раньше определилось противоречие между верхами и низами города. В 1547 г. новгородский архиепископ Феодосий направляет Грозному послание, в котором говорит о «великих» убийствах и грабежах, совершавшихся в городе и по погостам. Архиепископ требовал закрытия корчем, где часто собирался недовольный люд; по его просьбе они были в том же 1547 г. закрыты. В 1549 г. «смутишася людие града Устюга». Волнения были направлены не против великокняжеской администрации, как в Пскове или Москве, а против быстро богатевшей верхушки города. В 1550 г. движение городских низов началось во Пскове. Здесь борьба развернулась в двух направлениях: все посадское население выступало против царской администрации, и в то же время сам посад разделился на два лагеря — меньшие, черный посадский люд и верхушка, богатеи. Русские городские восстания, объективно направленные против феодального строя, влились в общую струю движений бюргерства и крестьянства Европы. Европа конца 40-х годов XVI в. стала ареной массовых движений, участниками которых были горожане и отчасти крестьяне. Во Франции в 1548 г. отдача на откуп соляного налога, приведшая к увеличению податного бремени, вызвала на юго-западе страны — в Гиени, Керси, Лимузене и Сентонже широкое движение, центром которого стал город Бордо. Это движение было направлено против финансовой политики государственной власти. В 1549 г. Англия пережила массовые движения в Корнуэле, Девоне, Норфолке. Движущей силой этих восстаний было крестьянство, в Девоне — католическое, в Норфолке — протестант-

А.А. Зимин, А.Л. Хорошкевич

ское. Хотя эти выступления проходили под религиозными лозунгами, они выражали протест крестьянских масс против наступления новых порядков, поддерживаемых государственной властью.

6. Выступления Хлопко на Руси в 1602-1604 годах

Разбойничий отряд Хлопка орудовал под самыми стенами Москвы. Его действия стали радикальным ответом самых решительных представителей социальных низов на смутные времена эпохи Бориса Годунова.

Источник: <http://biofile.ru/his/293.html> (печатается в сокращении).

В обстановке голода 1602–1603 гг. в России произошли вооруженные выступления низов. Самым крупным из них руководил Хлопка, который, судя по прозвищу, происходил из холопского сословия. Дворянские летописцы называли всех повстанцев без разбора «злодейственными гадами» и «разбоями». Выступления «разбоев» неоднократно привлекали внимание историков. О них упоминали Н.М. Карамзин, С.М. Соловьев, С.Ф. Платонов, но предметом специального исследования они стали позже.

Б.Д. Греков отказывался видеть в восстании Хлопка обычное разбойное выступление, поскольку оно положило начало гражданской войне в России. И.И. Смирнов выявил ряд важных документов и на основании их заключил, что выступления «разбоев» охватили многие уезды страны. Следуя источникам, И.И. Смирнов называл движение 1603 г. холопским, но высказывал осторожное предположение, что среди участников движения могли быть крестьяне. Исходя из этого, он рассматривал восстание 1603 г. не как начало Крестьянской войны, а как ее грозный предвестник. Восстание Хлопка, по мнению И.И. Смирнова, показало, что экономические противоречия между холопами и феодалами приобретали политическую форму: восстание «таило в себе реальную угрозу для самих основ социального строя Русского государства».

Россия переживала голод. К 1602–1603 гг. бедствие достигло неслыханных масштабов. Надеясь на помощь казны, множество голодающих крестьян из Подмосковья и десятка других уездов хлынули в Москву, но там их ждала голодная смерть. Направленные в провинцию чиновники старались собрать хлеб по крохам, где можно. Но их усилия не привели к нужным результатам. За-

пасы хлеба в стране были почти полностью исчерпаны, а то, что удавалось заготовить в уездах, не удавалось доставить в Москву. На дорогах появились многочисленные шайки «разбоев», которые отбивали и грабили обозы с продовольствием, направлявшиеся в столицу. Чтобы обеспечить беспрепятственную доставку грузов в Москву, власти направили дворян на главнейшие дороги — Владимирскую, Смоленскую, Рязанскую, связывавшие город с различными уездами.

Следует подчеркнуть, что выступления «разбоев» имели место как в провинции, так и в самой столице, что подтверждается документацией Разрядного приказа. Весной 1601 г. на улицах Москвы появились дворянские головы со стрельцами. Разрядный приказ поручил им охранять порядок на московских улицах и «беречь» город от огня. Весной 1602 г. все повторилось. 14 мая 1603 г. Борис Годунов провел в жизнь аналогичную меру. Но на этот раз для «бережения» Москвы были выделены не заурядные дворяне, а виднейшие члены Боярской думы. Описанные меры носили чрезвычайный характер. Они явились прямым следствием той критической ситуации, которая сложилась в Москве к 1603 г. Беженцы забили площади и пустыри — «полые места», пожарища, овраги и лужки. Они вынуждены были жить под открытым небом либо в наспех сколоченных будках и шалашах. Угроза голодной смерти толкала отчаявшихся людей на разбой и грабеж. Летописцы очень точно охарактеризовали положение, сложившееся в разгар голода, когда «бысть великое насилие, много богатых дома грабили, и разбивали, и зажигали, и бысть страхование великое, и умножашася неправды».

Беднота нападала на хоромы богачей, устраивала поджоги, чтобы легче было грабить, набрасывалась на обозы, едва те появлялись на столичных улицах. Перестали функционировать рынки: стоило торговцу показаться на улице, как его мгновенно окружала толпа и ему приходилось думать лишь об одном — как спастись от давки. Голодающие отбирали хлеб и тут же поедали его. Грабежи и разбой в Москве по своим масштабам, по-видимому, превосходили все, что творилось в уездных городах и на дорогах. Именно это и побудило Бориса возложить ответственность за поддержание порядка в столице на высший государственный орган — Боярскую думу. Бояре получили наказ использовать любые военные и полицейские

меры, чтобы «на Москве по всем улицам и по переулкам, и по полым местам, и подле городов боев и грабежов, и убийства, и татьбы, и пожаров, и всяково воровства не было никоторыми делы».

Власти подвергали жестокому наказанию попавших в их руки лиц, повинных в нападении на «дома богатых», в поджогах и грабежах. Таковых разбойников «имаху казняше, ових жгли, а иных в воду сажали и всякими смертьми кончали их».

Пока в окрестностях столицы действовали малочисленные шайки «разбоев», правительство гораздо больше опасалось восстания в городе, нежели нападения шаек извне. Но положение переменилось, когда «разбой» стали объединяться в крупные отряды. Самым большим повстанческим отрядом руководил Хлопко. Когда в окрестностях столицы появился Хлопко, повествует летописец, царь послал против него молодого воеводу И.Ф. Басманова и «многую рать». Исаак Масса более точен в своих показаниях. Он отметил, что с молодым воеводой Иваном Басмановым была примерно сотня лучших стрельцов. Московские стрельцы находились в привилегированном положении. Им платили до 7 руб. денежного жалованья в год, тогда как городовым стрельцам на окраинах нередко платили полтину. Столичные стрельцы занимались торгов, промыслами, и среди них, по словам Г. Котошихина, были «люди торговые и ремесленные всякие богатые многие». В борьбе с немущими стрелецкие верхи могли служить надежной опорой.

Правительство не видело необходимости в том, чтобы использовать против «разбоев» отряды дворянской конницы. И.Ф. Басманов выступил против Хлопка с одними стрельцами. Как видно, он отправился на «воров» с той самой сотней, с которой он с лета 1603 г. совершал объезды в отведенных ему западных кварталах столицы. Разрядный приказ имел самое смутное представление о силах Хлопка. В противном случае непонятно, почему власти отрядили для борьбы с ним лишь одного из 11 воевод, охранявших порядок в столице. Как видно, Хлопко еще не успел проявить себя, и бояре не приняли необходимых мер предосторожности. По свидетельству Якова Маржарета, самый большой повстанческий отряд, действовавший в окрестностях Москвы, насчитывал 500 человек. Приведенные данные, по мнению В.И. Корецкого, могут быть отнесены лишь к восстанию Хлопка, поскольку ни о каких других столь же крупных выступлениях в то время не известно.

Не позднее середины сентября 1603 г. И.Ф. Басманов выступил из Москвы, имея задачу уничтожить отряд Хлопка. Обычно дворяне устраивали засаду и оттуда уничтожали разбойников. Однако Басманов не принял мер предосторожности и скорее всего сам попал в засаду. Повстанцы имели численное превосходство, и столкновение закончилось не в пользу стрельцов. Как отметил московский летописец, «разбой» «убиша до смерти» воеводу, и лишь после долгого боя правительственные войска «едва возмогоша их окаянных осилити». По словам Массы, повстанцы истребили вместе с И.Ф. Басмановым почти всю сотню московских стрельцов и лишь по прошествии какого-то времени властям удалось покончить с ними. Возможно, Исаак Масса и преувеличил успех повстанцев. Но факт остается фактом: царские войска понесли в бою тяжелые потери. Царь Борис велел устроить погибшему И.Ф. Басманову пышные похороны в Троице-Сергиевом монастыре и прислал старцам большой денежный вклад на помин его души.

Официальный московский летописец составил красочный рассказ о борьбе с «разбоями» при царе Борисе. «В то время умножишась разбойство в земле Рустей... Царь же Борис, видя... в земле нестроение и кровопролитие, посылаша многижда на них. Они же, разбойники, аки звери зубы своими скрежетаху на человека, тако противляхуся с посланными, и ничево им не можаху сотворити». Как бы то ни было, повстанцы из войска Хлопка сражались с редким упорством и не давались в руки живыми. Хлопка был взят в плен после того, как его многократно ранили.

По случаю коронации Борис Годунов обещал править милостию и никого не казнить. Татей и воров, которых прежде вешали за убийства и грабежи, теперь стали ссылать в ссылку в Сибирь и другие отдаленные местности. Посылка дворян «за разбоями», по-видимому, даже осенью 1602 — зимой 1603 г. не сопровождалась массовыми экзекуциями. Осведомленные современники указывали на это обстоятельство с полной определенностью. Исаак Масса отметил, что Борис Годунов в течение пяти лет (т.е. до сентября 1603 г.) выполнял обет не проливать крови и «делал это явно по отношению к татям, ворам, разбойникам и прочим людям». Более точно высказался на этот счет Яков Маржарет. Бориса Годунова, записал он, считали очень милосердным государем, так как за время своего правления до прихода Дмитрия в Россию

(в 1604 г. — Р.С.) он не казнил публично и десяти человек, кроме каких-то воров, которых собралось числом до пятисот, и многие из них, взятые под стражу, были повешены.

Первые массовые казни «разбоев» были проведены после разгрома отряда Хлопка. Пленных привезли в Москву и там повесили вместе с их вождем.

Нет сомнения, что в движении «разбоев» в 1602–1603 гг. участвовали всякого рода уголовные элементы. Но этот факт не может заслонить более важных социальных последствий голода. Как справедливо отметил В.И. Буганов, в годы крайних бедствий нередко имели место «голодные бунты», когда доведенная до крайности беднота нападала на владельцев продовольственных излишков, хлебных спекулянтов и пр.

Социальный характер выступлений 1602–1603 гг. проявлялся прежде всего в том, что порожденное угнетением и голодом насилие было обращено против богатых. Источники ничего не сообщают об участии крестьян в выступлениях «разбоев». Иначе обстоит дело с холопами. Их участие в выступлениях 1603 г. засвидетельствовано современниками с полной определенностью. К числу самых ранних свидетельств такого рода относятся «Записки» голландского купца Исаака Массы. Он находился в Москве во время голода, а к составлению своего сказания приступил не позднее 1610 г. По словам Массы, в 1603 г. под Москвой действовал отряд, состоявший из крепостных кнехтов. Эти кнехты, принадлежавшие различным московским боярам и господам, «частью возмутились, соединились вместе и начали грабить путешественников; от них дороги в Польшу и Ливонию сделались весьма опасными, и они укрывались в пустынях и лесах близ дорог».

Сказание Авраамия Палицына подтверждает версию Массы и позволяет уточнить, кого именно последний называл «крепостными кнехтами». При Годунове, писал Палицын, вельможи кабелили не только простых людей, но и благородных, «чествующих издавна многим именем», «наипаче же избранных меченосцев и крепких со оружия во бранех». Будучи прогнанными со двора во время голода, такие слуги «срама ради скончевахуся бедне, за отечества ради». Одни слуги умирали от голода и унижения, зато другие стали «уклоняться» на разбой. Особенно отличились в этом отношении слуги опальных бояр. В главе «О зачале разбойниче-

ства...» Палицын сообщает о том, что Годунов, разорив «домы великих бояр» (Романовых и их родни Черкасских, Сицких, Шестуновых и пр.), распустил всех их «рабов» и положил «заповедь» никому не принимать их на службу. Те, кто знал «ремество», кормились им. Зато боевые холопы, «иже на конех играющей, сии к велику греху уклоняхуся и к толику, якова же не бысть в России от начала благочестия». Из московских мест, утверждал Палицын, возмущившиеся боярские боевые слуги «отхождаху» в северские города, и «аще и не вкупе, но боле двадесяти тысящ сицевых воров обретшеся по мнозе времени во осаде и сидении в Калуге и Туле» (в войске Болотникова).

Версия Палицына не могла удовлетворить Филарета Романова, в окружении которого 10 лет спустя был составлен «Новый летописец». То, что романовские кабальные слуги сначала учинили разбой по всей России, а затем сражались под знаменами Болотникова в Калуге и Туле, невольно бросало тень на доброе имя их господ. В «Новом летописце» можно уловить скрытую полемику с рассказом Палицына. Автор летописца называет сподвижников Хлопка ворами и разбойниками, не уточняя их социальной принадлежности. Подобно Палицыну, он признает, что уцелевшие после разгрома Хлопка воры «уидоша на украину», но тут же спешит убедить читателя, будто Борис «тамо их всех воров поймаша и всех повелеша перевешать». А следовательно, будучи перевешанными, слуги Романовых не могли принимать участия в страшном для бояр восстании Болотникова.

Главной причиной роспуска холопской дворни были конечно же не годуновские опалы, а экономические бедствия. Не только мелкие помещики, но и землевладельцы средней руки не располагали многолетними запасами. Палицын образно описал обстановку, побуждавшую дворян изгонять из дома своих холопов: «Во время же великаго глада сего озревшеся вси, яко не мощно питати многую челядь, и начаша рабов своих на волю отпускати; и инии убо истинно, инии же лицемерством». «Истинствующие» уничтожали кабалы и выдавали кабальным отпускные. «Лицемерницы» же гнали людей из дома, не освобождая их от кабалы и надеясь вернуть их к себе на службу, когда трудное время останется позади.

Когда землевладельцы стали изгонять холопов и отказывать им в пропитании, из-за чего одни холопы умирали с голоду,

а другие примыкали к «разбоям», правительство забило тревогу. Большой интерес в этой связи представляет указ Бориса Годунова от 16 августа 1603 г., изданный в дни восстания Хлопка. Основное содержание указа сводилось к следующему: власти объявили о немедленном освобождении всех холопов (кабальных и пр.), которых господа их «ссылали з двора, а отпускных им не дали и крепостей (кабал и пр. — Р.С.) им не выдали, а велят им кормитца собою, и те их холопы помирают голодом, а иные многие питаютца государевою... милостиною, а за тем их не примет никто, что у них отпускных нет». По-видимому, указ 1603 г., как и законодательство о кабальных конца XVI в., ориентировался в большей мере на военных слуг и в меньшей — на «черных» пашенных людей. Среди зависимого населения боевые холопы были единственной группой, располагавшей оружием и боевым опытом. События 1603 г. показали, что при определенных условиях боевые холопы могут стать ядром повстанческого движения. Это обстоятельство и вынудило власти пойти на уступки холопам в ущерб интересам дворян.

Прекращение голода, уступки холопам, разгром войска Хлопка привели к тому, что движение «разбоев» пошло на убыль. Однако следует подчеркнуть, что выступления, развернувшиеся в Центре в 1602–1603 гг., имели продолжение на отдаленных окраинах. С сухопутных дорог Подмосковья разбойные выступления перекинулись на волжскую торговую артерию, в Нижнее Поволжье. Голландский торговец Исаак Масса, пристально следивший за торговыми операциями западноевропейских купцов, отметил, что многие из них в 1602 г. отказались от обычных торговых поездок на Нижнюю Волгу, «ибо там повсюду полно разбойников, все казаки, которые грабят суда».

Нападения на торговые караваны приобрели такой размах, что Посольский приказ счел необходимым выступить с разъяснениями за рубежом. По словам царских дипломатов, казаки в 1604 г. захватили и разграбили много судов «и многие товары, и деньги, и неисчетную казну взяли — больше десяти сот тысяч золотых польских, а русским числом больши 300000 рублей». Царский посол С.С. Годунов, ездивший в 1604 г. в Нижнее Поволжье, возложил ответственность за разбойные нападения на казаков, беглых боярских холопов, которые, «збежав, воруют».

Выступления «разбоев» в Центре и в Нижнем Поволжье носили однотипный характер, и в них одинаково участвовали беглые холопы. Но были и некоторые различия. На Нижней Волге события развернулись в более позднее время, чем в Центре, когда голод в стране был в основном преодолен. Нападения казаков на купцов не имели ничего общего с «голодными бунтами». Они носили четко выраженный разбойный характер.

На периферии власти не располагали такими военными силами, как в Центре, и не смогли так же быстро справиться с выступлениями, в которые оказалась втянута значительная масса местного населения — вольных волжских казаков. «Разбой» на Волге действовали очень крупными партиями. Нынешним летом, заявил ногайский князь Иштереке, казаки чинили нападения, «собравшись человек по 200 и по 300 и болши». В Центре лишь Хлопку удалось собрать войско в 500 человек. Когда в июне 1604 г. в Астрахань прибыл М.И. Татищев, следовавший с посольством в Грузию, он не смог получить конвой, потому что все астраханские стрельцы были посланы за разбойниками «на Яик, и к Солям, и по иным местам, и по Волге вверх для воров казаков, которые громили суды торговых людей».

В выступлениях участвовали волжские, яицкие, а по некоторым сведениям, и терские вольные казаки. Астраханские воеводы не могли с ними справиться. По заявлению Иштерека, посланные воеводами стрелецкие отряды не добились успеха, так как «те воры казаки, собрався со многими людми, и стрельцов побивали и грабили, и промысл над ними никоторой не учинился».

Восстание Хлопка и выступления казаков произошли уже после того, как в Литве объявился самозванец. Однако нет таких данных, которые позволили бы предположить, что участники этих выступлений пытались установить связи с Лжедмитрием I или выступали за «доброе царя». Выступления 1602–1604 гг. явились предвестниками надвигающейся гражданской войны. Уже налицо было повсеместное недовольство низов.

7. Краткий очерк истории восстания Болотникова

Восстание Болотникова — один из важнейших эпизодов Смутного времени. Его армия состояла из представителей совершенно разных слоев общества, а основную ее массу составляли бывшие холопы, крестьяне и казаки. Болотников со своей армией проделал путь от Путивля до Москвы. Однако, внутренние противоречия в рядах повстанцев привели восстание к поражению.

Источник: И.И. Смирнов «Краткий очерк восстания Болотникова».

Начало восстания, социальный состав восставших

Русский по национальности, Иван Исаевич Болотников являлся холопом одного из видных московских бояр, князя Телятевского. Однако еще в молодости он бежал от своего господина и отправился в степь, к казакам. Там, в Диком Поле, Болотников был захвачен в плен татарами (очевидно, во время одного из казачьих походов) и затем продан в рабство в Турцию, где в течение нескольких лет работал на галере как невольник. Из плена и турецкого невольничества Болотников был освобожден в результате поражения, нанесенного туркам на море немецкими кораблями, и привезен в Венецию. Этот момент в биографии Болотникова совпал во времени с разворачиванием политического и социального кризиса в Русском государстве. Именно в Венеции Болотников услышал о событиях, происходивших на его родине, и через Германию пришел в Польшу, чтобы оттуда двинуться в Россию.

Источники не дают возможности точно датировать момент начала восстания. Наиболее вероятным временем начала восстания является июнь 1606 г. Общая картина зарождения восстания рисуется в источниках следующим образом: «А как после Розстриги сел на государство царь Василей, и в Польских, и в Украинных, и в Северских городех люди смутились и заворовали, креста царю Василью не целовали, воевод почали и ратных людей побивать и животы их грабить, и затеели будто тот вор Рострига с Москвы ушел, а в его место будто убит иной человек» (Разрядные записи).

Местом зарождения восстания и его первоначальным центром явился город Путивль. По-видимому, толчком к началу восстания в Путивле послужила предпринятая царем Василием Шуйским замена в городах старых воевод новыми. Смысл этой смены воевод заключался в стремлении Шуйского расправиться со своими политическими противниками путем рассылки их по городам воеводами.

«Новый Летописец» очень выразительно определяет существо восстания Болотникова, озаглавив главу, посвященную истории восстания, «О побое и разорении служивым людем от холопей своих и крестьян» и дав полный перечень социальных групп, принявших участие в восстании: «Собрахуса боярские люди и крестьяне, с ними же пристаху Украинские посацкие люди, и стрельцы, и казаки».

Первое место в восстании Болотникова, бесспорно, принадлежало холопам. Об этом свидетельствуют прежде всего сами масштабы участия холопов в восстании: современники (Авраамий Палицын) определяли число бывших холопов в составе армии Болотникова цифрой в 20000. Но роль и значение холопов в восстании Болотникова определялись не только одним количественным моментом — удельным весом их в общей массе восставших. Холопы — участники восстания Болотникова — обладали рядом качеств и черт, дававших им возможность играть роль наиболее активного элемента в среде восставших.

Само положение холопов в общественном строе Русского государства стимулировало их политическую активность и толкало их на борьбу против своих господ. Отношения крепостнической эксплуатации были для холопа гораздо обнаженнее, а формы ее значительно более грубыми и тяжелыми, чем у крестьянина. С другой стороны, холопы ближе, чем крестьяне, соприкасались с центрами политической и культурной жизни Русского государства. Не говоря уже о холопах — военных слугах, и те холопы, которые составляли дворы бояр и дворян в Москве и других городах, также в какой-то степени приобщались к культурным условиям своего времени. Следует, наконец, отметить и ту черту в положении холопов, которая заключалась в меньшей изолированности их друг

7. Краткий очерк истории восстания Болотникова

от друга, чем крестьян. И общие условия городской жизни, и скопление большого количества холопов во дворах феодальной знати создавали возможность для холопов общаться друг с другом.

К этим общим моментам, характеризующим положение русского холопа начала XVII в., следует добавить то, что конец XVI в. и начало XVII в. знаменуют собою увеличение в составе холопов людей, недавно закабаленных, только что потерявших свою свободу. Эти элементы должны были особенно остро переносить свое холопское состояние и поэтому, естественно, стремились и пытались вернуть себе свободу любой ценой. С другой стороны, годы, предшествующие восстанию Болотникова, характеризуются массовым бегством холопов от своих господ. Эти беглые холопы в условиях восстания, естественно, становились наиболее активным элементом в рядах восставших.

Наряду с холопами основной движущей силой восстания Болотникова являлось крестьянство. Крестьяне, подобно холопам, выступают как инициаторы и активные участники борьбы уже в самый момент зарождения восстания. При этом роль и значение крестьянства в восстании Болотникова все возрастает и увеличивается по мере развития восстания и охвата им основных, центральных районов государства.

Говоря о крестьянстве в начальный момент восстания Болотникова, следует в первую очередь указать на крестьянство Комарицкой волости. Комарицкая волость стала местом открытой борьбы крестьянства против феодалов еще в царствование Бориса Годунова, подвергнувшего «изменившую» и восставшую против него волость разорению и со страшной жестокостью расправившегося с мятежными комарицкими мужиками. Таким образом, уже накануне восстания Болотникова население Комарицкой волости было озлоблено против крепостнического государства. Другим обстоятельством, способствовавшим активному участию Комарицкой волости в восстании Болотникова, было наличие здесь большого количества бывших «даточных людей» («даточные люди» несли службу в войске. Поставка в войско даточных людей являлась повинностью, которую несло сельское и городское черное

тяглое население), вернувшихся к себе в волость после распада Годуновской армии в 1606 г. Будучи населена по преимуществу черными тяглыми крестьянами, Комарицкая волость, насчитывавшая свыше двух с половиной тысяч крестьянских дворов, явилась одним из основных и главных центров восстания Болотникова.

Вслед за холопами и крестьянами «Новый Летописец» называет в составе участников восстания Болотникова казаков, стрельцов и посадских людей.

Активное участие в восстании Болотникова перечисленных социальных групп обуславливалось особенностями состава населения южных и юго-западных районов Русского государства: Польских, Украинных и Северских городов. Социальное лицо этих городов определялось тем, что они представляли собой одновременно и область интенсивной колонизации и пограничные районы Русского государства.

В условиях крепостнического государства, в обстановке растущего феодального гнета колонизационное движение населения на юг, в районы Дикого Поля, являлось не только выражением экономического прогресса, показателем роста производительных сил, но и представляло собой одну из форм борьбы крестьянства против усиления крепостничества. Именно эта сторона процесса колонизации делала украинны (т.е. окраинные районы) Русского государства местами устремления беглых крестьян и холопов.

Но на южные украинны Русского государства бежали не только крестьяне и холопы. Сюда же на Поле уходили и разорвавшиеся элементы из посадского населения.

Все они, попадая в южные районы Русского государства, вместе с переменой жительства меняли и свое социальное лицо, превращаясь из «беглых холопей» и крестьян в вольных людей — казаков. Подавляющее большинство крестьян и холопов, бежавших на Дон и Волгу, не возвращалось на брошенные места, а, напротив, «постаревало» в казаках и превращалось в глазах московских властей в «воров» и «разбойников».

Однако борьба с «воровством» и «разбоем» казаков представляла собой лишь одну сторону в политике московских властей по отношению к казачеству. Другой стороной этой по-

7. Краткий очерк истории восстания Болотникова

литики являлось использование казачества как боевой силы, привлечение казаков на «государеву службу». «Государева служба» казаков являлась одним из важнейших звеньев в системе обороны южных границ Русского государства. Главная задача, стоявшая перед представителями московского правительства (воеводами, строившими города на южных окраинах), — формирование гарнизонов новых городов и создание кадров для несения сторожевой службы, — разрешалась ими за счет трех основных источников: 1) привлечения на «государеву службу» вольных казаков, 2) присылки на службу во вновь построенные города служилых людей из центральных уездов и 3) «прибора» на «государеву службу» различных элементов местного населения, начиная от «гулящих людей» и кончая беглыми холопами и крестьянами. В своей совокупности все эти группы служилых людей и составляли основную массу населения городов русского Поля.

В отличие от верхнего слоя служилых людей южных городов и от служилых людей центральных уездов служилые люди «по прибору» в экономическом отношении не являлись представителями феодального землевладения, но, напротив, сами являлись в той или иной форме или степени объектом феодальной эксплуатации, с той лишь разницей, что в отношении служилых людей «по прибору» в роли эксплуататора их труда выступали не отдельные представители феодального класса, а само феодальное государство. Служилых людей «по прибору» в южных городах Русского государства сближали с феодально-зависимыми слоями населения те повинности, которые лежали на них. Помимо собственно «службы» — военной или по строительству военно-оборонительных сооружений — служилые люди «по прибору» были обложены еще повинностью пахать «государеву десятинную пашню».

Распространение восстания, поход на Москву

Характерной чертой начального периода восстания Болотникова является быстрота распространения движения и расширения района восстания. Английское донесение о восстании Болотникова отмечает «поразительный успех» агитации организаторов восстания «среди недовольного и мятежного

люда», в результате чего «большинство городов в этой части страны (южные окраины Русского государства) отказались от своей присяги нынешнему государю и принесли новую присягу предполагаемому в живых Дмитрию».

Этот процесс нарастания восстания Болотникова развивался в тесной связи с борьбой между восставшими и войсками Василия Шуйского. Правительство Шуйского ответило на восстание Болотникова посылкой войск для подавления восстания. Но это была явно непосильная задача для воевод Шуйского. В то время как они собирались разгромить и уничтожить восставших крестьян и холопов. Болотников уже начал свой поход на Москву.

Вот как определяет цель похода Болотникова на Москву одно из современных сказаний: «И возмутишася во странах тех и во градах людие, глаголя: “идем вси и приимем Москву и потребим живущих в ней и обладаем ею, и разделим дома вельмож и сильных, и благородный жены их и тщери приимем о жены себе”».

Болотников начал свой поход на Москву из Путивля, двинувшись через Комарицкую волость на Кромь. Кромь вместе с Ельцом и явились важнейшими центрами борьбы между восставшими и войсками Шуйского в первый период восстания. Стратегическое значение Кром заключалось в том, что они закрывали (или открывали) путь на Москву с юга. Между тем Кромь оказались в числе первых городов, поднявших восстание против В. Шуйского. Этим следует объяснить спешность посылки В. Шуйским войск под Кромь, равно как и решение Болотникова двинуться на поддержку восставших Кром. Другим центром развернувшихся военных операций был Елец. Стратегическое значение Ельца в период похода Болотникова на Москву было еще более велико, чем Кром. Оно определялось тем, что Елец еще при Лжедмитрии I был превращен в главную военную базу для подготовлявшегося Самозванцем похода на Крым, в результате чего в Ельце оказались сосредоточены огромные количества амуниции и вооружения, в том числе много артиллерии.

В бою под Кромами войска воевод В. Шуйского потерпели полное поражение. Кромская победа Болотникова полностью

7. Краткий очерк истории восстания Болотникова

изменила всю стратегическую обстановку и способствовала дальнейшему распространению восстания вплоть до Калуги, к которой отступили остатки войска князя Трубецкого после безуспешной попытки задержать наступление Болотникова под Орлом. Под Ельцом восставшие одержали не менее блестящую победу, чем под Кромами. Воротынский был наголову разбит Истомой Пашковым и вынужден был отступить от Ельца по направлению к Туле. Победы Болотникова под Кромами и Ельцом, датируемые в источниках августом 1606 г., завершают первый этап похода Болотникова на Москву.

Сентябрь 1606 г. характеризуется лихорадочной деятельностью правительства Василия Шуйского по восстановлению боеспособности своих деморализованных поражениями полков и по мобилизации новых сил против Болотникова. 23 сентября 1606 г. в нескольких верстах от Калуги при впадении в Оку реки Угры произошло сражение между Болотниковым и войсками князя Ивана Шуйского, закончившееся новой победой Болотникова и отступлением воевод В. Шуйского от Калуги к Москве.

Продвижение второй группы отрядов восставших во главе с Истомой Пашковым также имело своим результатом дальнейшее расширение района восстания — на область Заречных городов, т.е. на Тульско-Рязанский район. Рязань явилась местом открытой борьбы уже во время восстания Хлопка в 1603 г. Еще более широкие масштабы и острые формы приняла борьба тульских и рязанских «мужиков» во время восстания Болотникова. Крестьяне сжигают помещичьи усадьбы, захватывают помещичье имущество, жнут на себя рожь с помещичьих земель, прекращают выполнять барщину и другие феодальные повинности. Рязанские помещики массами бегут от «воюющих мужиков», укрываясь от них за стенами рязанской «столицы» — города Переяславля Рязанского (современная Рязань). Наибольший размах эта борьба приобретает, однако, уже в 1607 г. Напротив, в начальный период восстания, во время похода Болотникова на Москву, участие тульских и рязанских городов в восстании Болотникова характеризуется рядом своеобразных черт и особенностей. Своеобразие это состояло в том, что во время похода Болотникова на Москву

к нему примкнули и приняли в нем активное участие тульские и рязанские дворяне-помещики во главе с Прокофием Ляпуновым. В факте участия тульских и рязанских помещиков в походе Болотникова на Москву нашла свое выражение борьба тульского и рязанского дворянства против Василия Шуйского. Однако Ляпунов оказался столь же бессилён овладеть и подчинить своим целям движение крестьян и холопов, как и Шаховской. Напротив, отряды рязанских и тульских дворян-помещиков были захвачены мощным потоком двигавшегося на Москву войска восставших и, таким образом, помимо своей воли, оказались на некоторое время своеобразными «попутчиками» восставших крестьян и холопов (с тем, чтобы позднее порвать все связи с лагерем восставших и объединиться с Шуйским в борьбе против Болотникова).

Поражение войск В. Шуйского под Калугой и дальнейшее продвижение Болотникова, занявшего Алексин и Серпухов, к Москве резко ухудшали положение правительства Шуйского, заставляя его принимать все новые и новые меры для отпора наступавшему Болотникову. Для отпора наступавшему Истоме Пашкову В. Шуйский мобилизовал все имевшиеся у него силы — «посла всех бояр своих и служивых людей, которые были на Москве, и посадских людей» («Новый Летописец»), но воеводам В. Шуйского не только не удалось разбить войско Истомы Пашкова, но, напротив, они сами в сражении у села Троицкого были наголову разбиты Истомой Пашковым. Отступившие к Москве воеводы В. Шуйского «град Москву затвориша и крепко утвердиша». Преследуя их, отряды Истомы Пашкова около 7 октября 1606 г. подошли к Москве и осадили ее. Продвижение самого Болотникова привело к быстрому распространению восстания на весь район городов, примыкавших к Москве с запада и юго-запада. Обойдя Москву с запада, Болотников через Волоколамск, Звенигород и село Вязему двинулся к Москве и около 28 октября 1606 г. соединился с отрядами Истомы Пашкова, став лагерем в селе Коломенском.

К моменту прихода войска восставших к Москве территория, охваченная восстанием, насчитывала около семидесяти городов, включая в себя почти все южные и юго-западные

7. Краткий очерк истории восстания Болотникова

города Русского государства, а также значительную территорию Среднего Поволжья — между Нижним-Новгородом и Казанью. Кроме этой основной территории, охваченной восстанием, влияние восстания Болотникова сказалось еще на трех районах, которые, не будучи непосредственно связаны с основной территорией восстания, тем не менее являли собой картину открытой и острой борьбы классов. Этими районами были: Вятка и Пермь — на северо-востоке, Псков — на северо-западе и Астрахань — на юго-востоке.

В Астрахани борьба с самого начала принимает характер открытого восстания против Шуйского, которое вспыхивает уже через месяц после его воцарения — 17 июня 1606 г.

Восстание в Астрахани приняло ярко выраженный антикрепостнический характер. Силами, враждебными восстанию, являлись дворяне и купцы, движущей же силой астраханского восстания были городские низы — от стрельцов до холопов, а также казаки — как терские, так и волжские и даже яицкие. Наиболее существенным выражением антикрепостнической природы астраханского восстания являлось освобождение холопов восставшими астраханцами, сопровождавшими расправу с дворянами и купцами уничтожением дворянских и купеческих подворий, роспуском кабальных холопов на свободу и выдачей им на руки кабал, определявших отношения холопов к их господам. В течение всего периода восстания власть находилась в руках восставших — городских низов, причем восставшие астраханцы создали в какой-то форме и степени свои органы власти, в том числе суд и тюрьму для своих политических противников.

Наконец, у восставшей Астрахани имелся и свой самозванный «царевич» Иван-Август, выдававший себя за сына Ивана Грозного и называвший себя братом «царя Димитрия». «Новый Летописец», сообщая о царевиче Иване-Августе и других «Астраханских царевичах», указывает на холопское и крестьянское происхождение этих «царевичей»-самозванцев: «иной боярский человек, а иной — мужик пашенной». Это известие раскрывает социальный смысл «царистской» психологии городских низов Астрахани, их мечты о «хорошем царе». Правительство В. Шуйского прилагало все силы, чтобы

подавить восстание в Астрахани. Однако воевода В. Шуйского Ф.И. Шереметев, простояв безуспешно больше года под стенами восставшей Астрахани (в «городке» на острове Балчике), в октябре 1607 г. снял осаду и отступил вверх по Волге.

Астраханцы в свою очередь стремились установить непосредственную связь с Болотниковым и принять участие в его борьбе с В. Шуйским. Выражением этого стремления явился поход «царевича» Ивана-Августа летом 1607 г. вверх по Волге, на соединение с «царем Димитрием» (т.е. с Болотниковым). Правда, Ивану-Августу удалось дойти лишь до Саратова, где воеводы В. Шуйского «отсиделися и на приступах, и на выласках астраханских воров многих побили, и вор, который назывался царевичем Иваном, от Саратова пошел с астраханскими людьми в Астрахань».

Осада Москвы

Наряду и одновременно с военными действиями между войсками Болотникова и В. Шуйского велась непрерывная и ожесточенная борьба за население Москвы. Болотников активно стремился привлечь московские городские низы — и прежде всего холопов — на свою сторону в борьбе против В. Шуйского. В. Шуйский с своей стороны всеми средствами и любой ценой старался удержать в своих руках власть над населением Москвы, не допустить открытого взрыва борьбы городских низов и соединения их с Болотниковым.

Одним из главных и наиболее действенных средств борьбы, применявшихся Болотниковым, была рассылка прокламаций («листов», как они названы в источнике) в Москву и по другим городам к городским низам с призывом к восстанию против бояр и за «царя Димитрия». Подлинный текст «листов» Болотникова не сохранился. Но самый факт их рассылки засвидетельствован как в русских, так и в иностранных источниках. Основное содержание «листов» Болотникова составляли призывы к «боярским холопом» и городским низам «побивати своих бояр... гостей и всех торговых людей» «и животы их грабити» (известные нам в такой редакции по грамотам патриарха Гермогена), призывы к московским холопам, «чтобы те взялись за оружие

7. Краткий очерк истории восстания Болотникова

против своих господ и завладели их именьями и добром» (о чем сообщает английская записка).

Борясь за привлечение народных масс на свою сторону, Болотников не ограничивался одной рассылкой прокламаций. Наряду с «листами» Болотников направлял в города своих агентов, задачей которых было поднимать народ на восстание. В источниках сохранилось несколько упоминаний об этих представителях Болотникова. Замечательна глубокая убежденность этих людей и их стойкость, отмечаемая источниками. Исаак Масса называет и имя одного из таких агентов Болотникова, «атамана Аничкина», «который разъезжал повсюду с письмами от Дмитрия и возбуждал народ к восстанию». Захваченный Василием Шуйским в плен, Аничкин до конца остался верен своему делу и, уже будучи посажен на кол, стремился «возбудить в Москве новое волнение в народе». Об аналогичном случае сообщает и английская записка, рассказывая о том, как одного из «захваченных в плен мятежников» «посадили на кол, а он, умирая, постоянно твердил, что пржезний государь Димитрий жив и находится в Путивле».

Особенно интересно и существенно свидетельство Исаака Массы, у которого мы находим не только характеристику положения в Москве, но который вместе с тем прямо связывает планы самого Болотникова с борьбой внутри Москвы: «Болотников нимало не сомневался, что отправленные им войска займут Москву... это могло случиться по причине великого смущения и непостоянства народа в Москве».

Главной силой, использованной В. Шуйским для идеологического воздействия на массы, была церковь. Особенно непримиримую позицию по отношению к восстанию Болотникова занимал патриарх Гермоген, грамоты которого, рассылавшиеся патриархом из Москвы во время осады ее Болотниковым, являются ярким памятником борьбы церкви против восстания. В этих грамотах, призывавших «всех православных христиан» на борьбу с Болотниковым, делалась попытка изобразить участников восстания Болотникова как людей, которые «отступили от бога и от православныя веры и повинулись сатане и дьяволским четам», а Василия Шуйского — как «воистину свята и праведна истиннаго крестьян-

ского (т.е. «христианского») царя». Наибольшего размаха идеологическая деятельность церкви достигла к середине октября 1606 г., когда положение внутри осажденной Москвы было особенно острым. Именно в этот момент появляется написанная протопопом Благовещенского собора в Кремле Терентием «Повесть о видении некоему мужу духовному», изображавшая восстание Болотникова как проявление божьего гнева, как наказание, посланное богом за грехи общества, и объявлявшая единственным путем спасения всенародное покаяние, прекращение «межусобной брани» и объединение всего народа вокруг царя. «Повесть» протопопа Терентия была использована правительством В. Шуйского для развертывания грандиозной агитационной кампании с церковными церемониями и молениями о том, чтобы «господь бог отвратил свой праведный гнев и послал бы милость свою на град свой святой и на люди своя во граде сем, не предал бы в руке врагом и злым разбойником и кровоядцем».

Особое место в политике В. Шуйского занимала борьба за разложение сил, восставших изнутри, путем политической интриги. Возможность такой интриги крылась в самом составе лагеря Болотникова. Наличие в войсках Болотникова столь разнородных в социальном отношении групп, как крепостные крестьяне и холопы, с одной стороны, дворянско-помещичьи отряды — с другой, делало неминуемым рост классовых противоречий и борьбы внутри войска Болотникова. Эти противоречия делались все более острыми, по мере того как расширялся размах восстания Болотникова и определялась его социальная программа. Грамоты Болотникова с призывом к холопам восстать против господ были столь же неприемлемы для дворянских элементов внутри лагеря Болотникова, как и для дворян вообще. Все это создавало благоприятную почву для завязывания тайных сношений В. Шуйского с отдельными военачальниками из войска Болотникова — сношений, имевших целью подготовить разрыв этих лиц с Болотниковым и переход их в лагерь В. Шуйского. Итогом действий Шуйского по разложению лагеря Болотникова явились «измены» — сначала Г. Сумбулова и П. Ляпунова, перешедших с своим отрядом на сторону В. Шуйского, а затем — Истома Пашко-

7. Краткий очерк истории восстания Болотникова

ва, также «изменившего» Болотникову и превратившегося из одного из руководителей восстания в его врага.

Центр войска Болотникова находился в селе Коломенском. Именно здесь был устроен укрепленный лагерь, называемый в русских источниках «острогом», а в иностранных источниках — «шанцами» или «обозом». Другим центром сосредоточения войск восставших было село Заборье (точное местонахождение села Заборья пока не установлено).

Исаак Масса подробно рассказывает о том, как был устроен лагерь в селе Заборье. После занятия войском Болотникова села Заборья его «тотчас укрепили шанцами». Кроме того, у войска восставших «было несколько сот саней, и поставили их в два и в три ряда одни на другие, и плотно набили сеном и соломою, и несколько раз полили водою, так что все смерзлось, как камень». По-видимому, и лагерь в селе Коломенском представлял собой сочетание земляных укреплений («шанцев») с «обозом» в собственном смысле слова, т.е. укреплением, образованным из повозок или саней, поставленных рядами вокруг лагеря и преграждавших таким образом доступ в него.

Важнейшим моментом, определявшим стратегическую обстановку под Москвой во время осады ее Болотниковым, являлось то, что осадившие Москву войска не блокировали полностью город, что давало возможность правительству Василия Шуйского получать подкрепления войсками и припасами. Новый план Болотникова заключался в том, чтобы перерезать дорогу, ведущую из Москвы в Ярославль, замкнуть окружение Москвы с севера и таким образом установить ее полную блокаду. Осуществление этого плана началось 26 ноября, когда отряды восставших перешли через Москву-реку и продвинулись к Рогожской слободе, а другой отряд, под начальством И. Пашкова, посланный для захвата Ярославской и Вологодской дорог, занял Красное село.

Наступление, предпринятое Болотниковым, побудило В. Шуйского нанести ответный удар, бросив для этого в бой все имевшиеся в его распоряжении силы. Главное сражение развернулось 27 ноября на правом берегу Москвы-реки — в Замоскворечье — и закончилось победой В. Шуйского. Бо-

лотников потерял много убитыми и пленными и вынужден был отступить в свой укрепленный лагерь — «острог» в селе Коломенском. Одной из причин поражения Болотникова в сражении 26–27 ноября была измена И. Пашкова, в самый разгар сражения 27 ноября перешедшего на сторону В. Шуйского и повернувшего свой отряд против Болотникова. Правда, И. Пашкову не удалось увлечь в своем предательстве весь отряд, находившийся под его начальством, и на сторону В. Шуйского перешла лишь небольшая часть его отряда — «дворяне и дети боярские», но тем не менее самый факт измены И. Пашкова не мог не подействовать дезорганизующим образом на войска Болотникова. Другим фактором, благоприятствовавшим В. Шуйскому в сражении 26–27 ноября, было общее укрепление положения В. Шуйского, в частности приход в Москву отряда стрельцов с Двины. Итоги сражения 26–27 ноября создали благоприятную обстановку для нанесения В. Шуйским решающего удара по Болотникову с целью ликвидации осады Москвы. Этот удар и последовал 2 декабря 1606 г.

Наиболее крупным событием за неделю, отделявшую 2 декабря от сражения 26–27 ноября, был приход к Москве на помощь В. Шуйскому смоленских и ржевских полков. Это новое усиление войск В. Шуйского ускорило развязку событий.

Болотников, однако, не захотел быть в положении осажденного и сам вышел навстречу воеводам, решив, таким образом, дать встречный бой. Местом сражения между царскими воеводами и Болотниковым явилась деревня Котлы, расположенная по Тульской дороге, между Даниловским монастырем и селом Коломенским.

Битва в Котлах закончилась победой царских воевод. Болотников был разбит и вынужден был вновь отступить в Коломенское, преследуемый воеводами В. Шуйского. Острог, сооруженный Болотниковым в Коломенском, оказался настолько прочным, что воеводы В. Шуйского «по острогу их биша три дни, разбита же острога их не могоша». Взять острог удалось лишь после того, как воеводы В. Шуйского через «языка» раскрыли характер укреплений острога, начали обстреливать острог особыми зажигательными ядрами,

7. Краткий очерк истории восстания Болотникова

и в конце концов «острог их огненными ядрами зажгоша», что и вынудило Болотникова оставить Коломенское и отступить по направлению к Серпухову и затем дальше, к Калуге и Туле. Наряду с Коломенским другим местом, где укрылась часть разбитой 2 декабря армии Болотникова, явилось село Заборье. В отличие от Коломенского, где Болотникову удалось вырваться и тем самым спасти оставшуюся часть войска от гибели, засевшие в Заборье отряды, состоявшие из казаков, сдались воеводам В. Шуйского и «добили челом» царю.

Падение Заборья было последним этапом сражения, начавшегося 2 декабря. Сражение это было наиболее крупной и по масштабу, и по значению операцией в ходе военных действий под Москвой. Буссов определяет размеры войска В. Шуйского в сражении 2 декабря в 100000 человек. Русские источники, говоря о потерях Болотникова в сражении 2 декабря, называют 21000 пленных и 500 или 1000 убитых. По польским данным, количество одних убитых в войске Болотникова превышало 20000.

В. Шуйский использовал свою победу прежде всего для расправы с побежденными. Массовые избиения начались еще на поле сражения. Та же участь постигла и пленных, которых сотнями «сажали в воду», т.е. топили в реке Яузе. Все эти казни имели своей целью не только физическое истребление попавших в руки В. Шуйского участников восстания. В неменьшей степени они преследовали цель воздействовать устрашающим образом на неустойчивые элементы как в лагере Болотникова, так и среди социальных низов Москвы и других городов, с тем чтобы заставить их отойти от борьбы и стать на путь принесения покорности царю.

Калужский период восстания

Основные силы Болотникова после отступления его от Москвы были сосредоточены в Калуге, где, по данным «Карамзинского хронографа», имелось «всяких людей огненного бою болши десяти тысяч», и в Туле, где также были «многие же люди с вошенным боем».

Наиболее уязвимым местом в системе укреплений Калуги было отсутствие в ней каменного кремля. Калуга являлась

важной крепостью Русского государства. Но ее «острог» был деревянным. Тактика воевод В. Шуйского и состояла в том, чтобы разрушить деревянный калужский «острог» при помощи различного рода стенобитных орудий и артиллерийского обстрела, а также путем поджога деревянных стен Калуги посредством особого сооружения, так называемого «примета» или «подмета».

По свидетельству современника, воеводы Шуйского «поставиша овны, и дела великия стенобитныя над градом поставляя, и огненные великия пищали, и разбивающе град и дворы зажигающе. Наведоша же на град и гору древяну, и мало избы град от взятия». Таким образом, тактика воевод Шуйского заключалась в комбинированном использовании разрушительного действия стенобитных орудий, обстрела города из «огненных пищалей» и, наконец, «наведения» на город «древяной горы».

Из всех этих средств борьбы наиболее опасным для осажденных явилась подвижная «древяная гора» или «подмет». Автор одной из современных повестей о восстании Болотникова так описывает маневр воевод: «Ведется подмет под градские стены, вал дровяной. Сами идущие ко граду за туры, пред собою же ведоша множество дров, аки стену градную, на сожжение граду, создаи убо емлюще дрова и наперед бросающе, и тако впредь ко граду идущие; самих же их со града за дровы ничем вредити не могут. И тако един конец дровяного валу уже и под стену придвинуша, другого же конца того дни не успеха придвинуть...; а того не повели нощи ради, отложиша до утра, придвинув и зажегчи в утре дрова». Другой современник — Исаак Масса, подтверждая рассказ «Иного Сказания», дополняет его рядом реалистических подробностей. По его словам, воеводы В. Шуйского «согнали крестьян из окрестностей, и они были принуждены каждый день рубить деревья в окрестных лесах, колоть дрова и возить их в лагерь на санях, которых было несколько сот, так что сложили целые горы дров вокруг Калуги, намереваясь придвигать примет с каждым днем все ближе и ближе к Калуге, чтобы при благоприятном случае зажечь его, когда ветер будет дуть на Калугу, и таким образом погубить осажденных».

7. Краткий очерк истории восстания Болотникова

Маневр же Болотникова состоял в том, чтобы, определив направление движения «подмета», уничтожить «подмет» и наступавшие под его защитой войска путем устройства подкопа за пределами стен Калужского острога и закладки туда пороха, с тем чтобы в нужный момент взорвать мину. Взрыв был исключительно сильным. По словам «Иного Сказания», «от лютой зелейные подняся земля и з дровы, и с людми, и с туры, и со щиты, и со всякими приступными хитростьми. И бысть беда велика, и много войска погибоша, и смятеса все войско». Эффект от взрыва «подмета» Болотников еще более усилил тем, что «вышед со всеми людми» из Калуги «и на приступе многих людей побиша и пораниша».

Таким образом, приход под Калугу воевод Шуйского не только не привел к падению Калуги, но, напротив, ознаменовался одной из самых блестящих побед Болотникова над царскими войсками.

В той или иной степени и формах борьба охватила большую часть территории страны. Можно выделить два района, где положение было особенно напряженным, а формы борьбы — наиболее острыми. Одним из этих районов была полоса городов к югу от Москвы — от Рязани до Брянска. Другим районом являлось Среднее Поволжье: «Арзамасские и Алатырские места».

Города к югу и юго-западу от Москвы, являвшиеся главными центрами восстания Болотникова на первом его этапе, во время похода Болотникова на Москву, сохранили это свое значение и после поражения Болотникова под Москвой и отступления его в Калугу. Эти города были непосредственно связаны и с Путивлем, где были сосредоточены силы «царевича» Петра (движение, возглавлявшееся самозванным «царевичем» Петром, к началу 1607 г. переросшее рамки чисто казацкого движения и слившееся с восстанием Болотникова). План правительства В. Шуйского заключался в том, чтобы подавить все центры и очаги восстания. Осуществление этого плана выразилось в посылке В. Шуйским воевод «под города на воровских людей».

Приволжский район восстания охватывал (считая лишь уезды, о которых имеются прямые данные источников) Му-

ромский, Арзамасский, Курмышский, Ядринский, Чебоксарский, Алатырский, Свияжский и частично Нижегородский уезды. Движение в Приволжском районе было очень сложным по составу участников, характеру и формам борьбы. С одной стороны, мы видим в числе его участников русских крестьян, холопов, бортников, что свидетельствует об антифеодальном характере движения. С другой стороны, крупную роль в движении играла борьба поволжских народов: мордвы, черемисов-марийцев, чувашей, татар, — борьба, носившая национально-освободительный характер. При этом обе отмеченные струи в движении приволжских уездов не являлись обособленными, а были тесно связаны как в плане идеологическом — ибо движение шло под лозунгом «царя Димитрия», — так и в процессе самой борьбы. Наконец, в Приволжье, как и в других местах, к движению угнетенных низов примкнули известные элементы из числа русских помещиков, а также отдельные представители феодальных верхов поволжских народов, пытавшихся использовать благоприятную обстановку для восстановления своих социальных привилегий.

Третьим моментом, определившим наряду с борьбой в Подмосковном районе и в Приволжье обстановку в стране в послемосковский период восстания Болотникова, было, как мы отмечали, движение «царевича» Петра.

Начало этого движения относится к зиме 1605–1606 г., когда у зимовавших на Тереке казаков возникло «воровское умышление» провозгласить казака Илейку Муромца «царевичем» Петром.

Характерной чертой начального периода движения «царевича» Петра было то, что в нем еще можно наблюдать проявления «разбойных» тенденций казачьих походов за добычей. Самое возникновение его было связано с тем, что во время зимовки «стали де казаки думать всем войском, чтобы итти на Кур реку, на море, громить Турских людей на судах, а будет де и там добычи не будет, и им де было казаком х Кизыльбашскому шах Аббасу служить» (показания «царевича» Петра). Однако движение все же не пошло по этому, разбойному, пути. Победила другая, социальная тенденция. В противовес предложению идти громить суда на Каспии, с тем чтобы

7. Краткий очерк истории восстания Болотникова

в случае неудачи похода отправиться служить персидскому шаху, «меж казаков» были произнесены такие слова: «Государь де нас хотел пожаловати, да лихи де бояре, переводят де жалованье бояря да не дадут жалованья» (те же показания). Смысл этого заявления состоял в том, чтобы вместо похода «на море» и в Персию идти против «лихих бояр» как главных врагов казаков, стоявших между казаками и «государем». Это предложение вызвало нечто вроде раскола среди казаков, и отколовшаяся часть «казаков человек с триста» провозгласила казака Илейку Муромца «царевичем» Петром, сыном (не существовавшим!) царя Федора Ивановича.

Принадлежа по происхождению к посадским слоям Муромца, Илейка, однако, как «прижитый» его матерью «без венца», оказался вне тех правовых норм, которые определяли положение посадского человека. Это обстоятельство способствовало опусканию Илейки вниз по социальной лестнице, вплоть до превращения в настоящего «гулящего» человека на Волге. Именно из гулящего человека Илейка превращается в казака и в течение нескольких лет участвует в походах казаков из Астрахани на Терек. Во время одной из зимовок с казаками на Тереке Илейка даже «приказался во двор» сыну боярскому Григорию Елагину, т.е. превратился в кабального холопа. Однако «холопство» Илейки продолжалось всего лишь одну зиму, а на лето он уже ушел опять в Астрахань, с тем чтобы из Астрахани вновь отправиться на Терек и там превратиться в «царевича».

Отступление Болотникова к Калуге и Туле явилось моментом, ускорившим объединение движения «царевича» Петра с основными силами восстания Болотникова. С этого времени отряды «царевича» Петра начинают принимать непосредственное участие в борьбе против войск В. Шуйского.

Источник успехов Болотникова в период осады воеводами В. Шуйского Калуги крылся в дальнейшем развитии восстания как территориально, так и вглубь — в смысле охвата более широких масс населения. В общую равнодействующую, которой определялась мощь сил лагеря Болотникова, входили все формы и проявления борьбы против феодального гнета: и рязанских мужиков, и псковских и астраханских городских

низов, и русских крестьян, и бортников вместе с нерусскими народностями Поволжья, и донских и волжских казаков.

Болотников, однако, не использовал исключительно благоприятную обстановку и не пошел на Москву, дорога на которую была вновь открыта успехами его оружия под Калугой, а ограничился тем, что оставил Калугу и перешел в Тулу, где соединился с «царевичем» Петром.

Обстановка, создавшаяся в Москве после поражения царских воевод под Калугой, вынудила В. Шуйского пойти на такой шаг, как созыв специального «съезда», для того чтобы «держат совет об успокоении земли». В. Диамантовский, сообщая об этом «съезде», указывает, что о съезде «ходили слухи», что «или намеревались другого царя избрать, или двинуться всей силой на неприятеля и на него ударить». Таким образом, «съезд» явился ареной острой политической борьбы. В конечном счете, однако, правительству В. Шуйского все же удалось преодолеть сопротивление враждебных ему кругов и добиться поддержки мероприятий по дальнейшей борьбе с восстанием. Мероприятия эти состояли в организации похода на Тулу, ставшую теперь местонахождением главных сил Болотникова.

Конец восстания

Тульский поход В. Шуйского начался 21 мая 1607 г. Правительство В. Шуйского с самого начала стремилось придать походу необычный, чрезвычайный характер, что подчеркивалось фактом личного участия в походе самого царя.

В основе нового похода Болотникова лежал смелый план — воспользоваться выводом из Москвы войск Шуйского (в связи с начатым Василием Шуйским походом на Тулу) для того, чтобы повторить поход на Москву и захватить ее. По свидетельству одного из современных сказаний о восстании Болотникова, руководители восстания «услыша..., яко царь, оставя Москву, пришел в Серпухов, и совещааша, и послаша князя Андрея Телятевского и с ними множество злонравных вои, бе числом их 38000, и повелевают им инем путем итти, ошед убо царев полк, да возмут царствующий град Москву, и разделиша себе и дома вельмож коиждо себе». Таким об-

7. Краткий очерк истории восстания Болотникова

разом, Болотников рассчитывал «обойти» основные силы Шуйского, его «царев полк», стоявший в Серпухове. В соответствии с этим, начав свой поход из Тулы по Серпуховской дороге, Болотников затем повернул с Серпуховской дороги на Каширу, намереваясь нанести удар по более слабой группировке войск Шуйского, находившейся в Кашире, с тем чтобы в случае успеха двинуться дальше на Коломну и затем по Коломенской дороге на Москву.

В ответ на движение Болотникова к Кашире В. Шуйский направил подкрепления своим каширским воеводам. Сами же воеводы вышли из Каширы и стали «ждать» противника на речке Беспуте в том же Каширском уезде. Здесь, «на речке Восме, что впала в Беспуту», и произошла 5–7 июня 1607 г. новая битва между Болотниковым и воеводами В. Шуйского.

В ходе боя одному из отрядов войска Болотникова, в количестве 1700 человек «казаков пеших с вогненным боем», удалось пробиться через «боярские полки» и перейти Восму, заняв на противоположном берегу примыкавший к ней «буерак», т.е. овраг, у которого стояли рязанцы. С этой новой позиции казаки начали обстреливать рязанцев и своим «огненным боем» наносили им потери: «людей ранили и самих и лошадей побивали». Рязанским воеводам, однако, удалось ответить на прорыв казацкого отряда за Восму маневром, оказавшимся весьма успешным для войск Шуйского. Маневр этот заключался в том, что рязанцы, невзирая на огонь казаков, засевших в буераке, обошли буерак и, оставив казаков, находившихся в нем, у себя в тылу, бросились к Восме и затем, перейдя ее, вступили в бой на противоположном берегу Восмы, где находились основные «боярские полки».

Атака рязанцев, по-видимому, способствовала перелому в ходе боя в пользу воевод Шуйского. К этому же моменту относится, очевидно, и переход на сторону Шуйского отряда из войска Болотникова (если принять сообщение Буссова). Во всяком случае удар рязанцев (в сочетании с изменой?) вызвал замешательство в рядах войска Болотникова, что было использовано воеводами Шуйского, бросившими в наступление на дрогнувшее войско Болотникова «боярские полки». Это завершило наметившийся успех и принесло победу войскам

Шуйского, закончившим первый день сражения организацией «погони» за «побежавшим» войском Болотникова. Этим заканчивается первый этап битвы на Восме.

Второй этап битвы на Восме — осада казаков в буераке — изображен в источниках с красочными и полными драматизма подробностями.

Окруженные со всех сторон казаки в течение двух дней выдерживали осаду в своем «городке», сделанном ими в «буераке», категорически отвергая многочисленные предложения о капитуляции, хотя воеводы и давали им обещания, что в случае, если бы они «здалися, из боярака вышли», им была бы «отдана их вина». По образному выражению «Карамзинского хронографа», осажденные казаки «упрямилися», заявляя, «что им помереть, а не здатца». Когда же на третий день осады воеводы решили взять казачий городок штурмом и «велели всем полком и всеми ратными людьми к тем вором приступать конным и пешим», то казаки остались стойкими до конца: «билися на смерть, стреляли из ружья до тех мест, что у них зелья не стала». Лишь после этого войскам Шуйского удалось сломить сопротивление ставших беззащитными казаков, после чего началась расправа с захваченными в плен участниками борьбы: «тех на завтрее всех казнили».

Продвижение воевод В. Шуйского привело к новому генеральному сражению между ними и Болотниковым на речке Вороньей «за семь верст от Тулы» 12 июня 1607 г.

Битва на реке Вороньей продолжалась три дня и отличалась исключительной жестокостью. По свидетельству одного из сказаний о восстании Болотникова, «бысть брань велика... в первый день и во второй», и лишь на третий день воеводы Шуйского «преодолеша врагов своих», причем воеводам удалось достигнуть этого лишь потому, что пошел «дождь» и войска Болотникова «не возмогоша стати» на топких берегах реки Вороньей.

Картина эта имеет следующий вид: «...сошлись бояре и воеводы (из Серпухова. — И.С.) с Коширским полком за тридцать верст до Тулы и пошли под Тулу, и пришли на речку на Воронью... И тульские многие воры, конные и пешие, московских людей встретили за семь верст от Тулы на речке Вороней

7. Краткий очерк истории восстания Болотникова

и был с ними бой. Пешие воровские люди стояли подле речки в крепостях, а речка топка и грязна, и по речке крепости, леса, и об речке воровские люди многое время бились, и милостию божиею московские люди воровских людей от речки отбили и за речку Воронью во многих местех сотни передовые люди перешли, и бояре и воеводы со всеми полки перешли жь и воровских людей учили топтать до города до Тулы и многих побили и живых поймали, а пехоту многую жь побили и лопали. И воровские люди прибежали в город, а московские люди гнали их до городских ворот, а человек здеся московских людей и в город въехали, и в городе их побили. А бояре и воеводы со всеми полки стали под Тулою и Тулу осадили».

Почти четырехмесячная оборона Тулы Болотниковым составляет заключительную и притом наиболее трагическую главу в истории восстания Болотникова.

Безуспешность попыток взять Тулу штурмом заставляла В. Шуйского искать других способов сломить стойкость защитников осажденного города. Так возник проект «водного потопления» Тулы путем устройства на реке Упе, протекающей через город, плотины, чтобы таким путем затопить Тулу. Этот проект, предложенный неким «муромцем сыном боярским Иваном Суминым сыном Кровковым», был принят. В течение двух месяцев была построена плотина по течению Упы, ниже города, и поднявшаяся в Упе вода вызвала в городе наводнение.

Длительная осада, голод, особенно в сочетании с наводнением после постройки плотины на Упе, не могли не вызвать внутренней борьбы среди «Тульских сидельцев». Болотников, однако, оказался в состоянии не только преодолеть колебания в рядах осажденных, но и укрепить в них решимость продолжать борьбу до конца. Яркая характеристика этой стороны деятельности Болотникова содержится в сочинении голландского писателя Элиаса Геркмана «Историческое повествование о важнейших смутах в государстве Русском», вышедшем в свет в Амстердаме в 1625 г. По словам Геркмана, когда в Туле начался голод, «народ начал роптать и намеревался перенести царю. Однако Болотников, как храбрый начальник, убеждал жителей не сдавать города. «Если, — говорил он, —

вам нечем будет питаться, то я лучше всего сделаю, если предоставлю вам свой труп». Таким образом день за днем он удерживал их, пока они, измученные голодом, не стали есть вонючую падаль и лошадей, источенных червями».

Из челобитной Василию Шуйскому некоего темниковского мурзы (помещика) Ишея Барашева, попавшего в плен к восставшим (и затем бежавшего), мы узнаем о том, что его, «приведши на Тулу, били кнутом, и медведем травили, и на башню ввозили, и в тюрьму сажали, и голод и нужду терпел».

Автор «Послание дворянина к дворянину», тульский помещик Иван Фуников, подобно Ишею Барашеву, попал в руки восставших, был доставлен в Тулу и «вкнут» в тюрьму, где и просидел 19 недель, т.е., как можно догадываться, до падения Тулы в октябре 1607 г. В своем «Послании» Иван Фуников, рассказывая о расправе с ним восставших «мужиков», рисует яркую картину жизни в осажденной Туле: «А мне, государь, тульские воры выломали на пытках руки и нарядили, что крюки, да вкинули в тюрьму; и лавка, государь, была урка и взяла меня великая тоска. А послана рогожа и спать не погоже. Седел 19 недель, а вон и с тюрьмы глядел. А мужики, что ляхи, дважды приводили к плахе, за старые шашни хотели скинуть з башни. А на пытках пытаются, а правды не знают: правду де скажи, ничего не солжи. А яз им божилися и с ног свалился и на бок ложился: не много у меня ржи, нет во мне лжи, истинно глаголю, воистинно не лжу. И они того не знают, больше того пытаются. И учинили надо мною путем, мазали кожу дважды кнутом».

Между тем к осени 1607 г. положение в стране стало вновь складываться неблагоприятно для В. Шуйского. Прежде всего длительное стояние под Тулой не только ослабляло войско В. Шуйского в результате потерь от военных действий, но и действовало разлагающим образом на ратных людей, составляющих его полки. Вторым моментом, определявшим обстановку в стране и оказывавшим воздействие и на положение В. Шуйского под Тулой, была непрекращавшаяся борьба крестьян и холопов. Если В. Шуйскому и удалось запереть в Туле основное ядро восстания, то отдельные отряды крестьян и холопов продолжали вести свою борьбу против феодалов, в частности

7. Краткий очерк истории восстания Болотникова

в непосредственной близости от Тулы — в Рязанском уезде. Такое положение дел вынуждало В. Шуйского выделять часть своих сил для борьбы против «воюющих» мужиков, что еще более ослабляло его тульский лагерь. К названным факторам внутреннего порядка к осени 1607 г. прибавился еще фактор внешний в лице нового Самозванца, провозгласившего себя в июле 1607 г. в городе Стародубе-Северском «царем Димитрием».

В данной обстановке, стремясь любой ценой добиться прекращения военных действий под Тулой, В. Шуйский предпринимает новый маневр в виде переговоров с Болотниковым об условиях капитуляции Тулы. Основу этих переговоров составляло обещание В. Шуйского в случае капитуляции Тулы сохранить жизнь и свободу участникам восстания и их руководителям, в том числе самому Болотникову и «царевичу» Петру. Переговоры закончились заключением «контракта», который В. Шуйский скрепил торжественной клятвой.

В. Шуйский, однако, не намеревался выполнить условия заключенного им договора. Одновременно с переговорами, ведшимися В. Шуйским с Болотниковым, В. Шуйский имел тайные сношения с определенными кругами в Туле, причем целью этих тайных сношений был захват и выдача царю Болотникова и других руководителей восстания.

В результате такой вероломной тактики В. Шуйского, когда 10 октября 1607 г., после заключения соглашения о капитуляции, Тула открыла свои ворота воеводам В. Шуйского, то именно в этот момент Болотников и «царевич» Петр были захвачены агентами В. Шуйского из числа «тульских сидельцев» и привезены «в полки» к царю.

Однако расправа с попавшими в руки В. Шуйского вождями восстания была затруднена наличием соглашения и «целования креста» В. Шуйским с обещанием помилования Болотникова и «царевича» Петра. Прямое и открытое нарушение этого обещания было слишком опасно для В. Шуйского, особенно если учесть то, что вся основная масса капитулировавшего войска Болотникова находилась на свободе и, очевидно, сохраняла и свое вооружение.

Выход В. Шуйским был найден в том, чтобы, прежде всего, как можно скорее добиться ликвидации войска Болотникова

как организованной силы и тем самым завершить ликвидацию восстания. Этому мероприятию был придан вид жеста великодушия со стороны царя, распустившего «восвояси» «тульских сидельцев».

Тогда же, сразу после падения Тулы, В. Шуйский рассылает грамоты по городам с извещением о взятии Тулы, в которых создает свою официальную версию об обстоятельствах падения Тулы, где тщательно скрывался факт соглашения с Болотниковым об условиях капитуляции и падение Тулы изображалось как результат «битья челом» «тульскими сидельцами», в том числе и Болотниковым, царю с признанием своей вины и с выдачей В. Шуйскому самозванного «царевича» Петра.

Вслед за тем В. Шуйский вернулся в Москву, куда были доставлены «в оковах» и Болотников с «царевичем» Петром.

Падение Тулы означало конец восстания Болотникова.

За возвращением В. Шуйского в Москву последовала казнь «царевича» Петра, повешенного, по сведениям, сообщаемым «Карамзинским хронографом», «под Даниловым монастырем, на Серпуховской дороге».

С Болотниковым же В. Шуйский решился расправиться лишь через несколько месяцев, уже в 1608 г., когда Болотников был отправлен в Каргополь и там сначала ослеплен, а затем утоплен.

8. Московское восстание 1648 года

Налоговые реформы Б.И. Морозова, который был фактическим правителем при Алексее Михайловиче, не дали желаемого экономического эффекта, и тем самым усилили социальную напряженность. Восставшие видели свою главную цель в освобождении Москвы от нечестивого Морозова и его сторонников.

Источник: Л.В. Черепнин «Земские соборы Русского государства в XVI–XVII вв.».

Народное движение в Москве в начале июня 1648 года вылилось в форму открытого восстания против боярского правительствa и приказной администрации в лице Б.И. Морозова, П.Т. Траханиотова, Л.С. Плещеева и пр., против феодальной знати и крупного купечества. Основными участниками движения явились черные посадские низы, к которым примкнули стрельцы, драгуны и другие приборные люди. По Псковской I летописи, «была смута великая на Москве», «били челом государю всею Москвою посадские и всяких чинов люди...». «Новый летописец» рассказывает, что «было на Москве велие смятение, приходили посадские и всякие черные люди скопом на дворец с великим невежеством». Согласно данным «Летописи о многих мятежах», «...бысть волнение, а восташа чернь на бояр; к ним же присташа и служилые люди, и бысть межусобица велика...». Томский казак Ивашко Лаврентьев в допросе показывал, что «на Москве чернь стала в скопе и бояр побили».

Круг сведений о социальном составе участников движения 1648 г. увеличился в результате изысканий М.Н. Тихомирова. Он привел новые данные о событиях 1648 г. в Москве из четырех рукописей XVII в. Исторического музея. В Новгородском Хронографе говорится: «И стрельцы, и драгуны, и солдаты, и казаки, и с чернью за их боярские великие неправды возмутися во граде Москве». В другом Хронографе имеется запись: «..черные люди восстали и мятеж велий починили». В третьем Хронографе читаем: «...бысть в Московском государстве смута в мире от бояр». В Степенной книге под 1648 г. рассказано: «В то же лето москов-

ский жители и от иных градов мужики и чернь сотвориша мятеж и учиниша челобитье на бояр и на судей».

Аналогичные сведения об июньских событиях 1648 г. сообщают и иностранные авторы. Шведский резидент в Русском государстве Поммеренинг говорит об участии в движении «простого народа», «простолудинов» и о том, что стрельцы не захотели сражаться за бояр против простого народа, но решили «вместе с ним избавить себя от их (бояр) насилий и неправд...». Примерно так же определяют социальный состав восставших анонимное шведское сочинение о событиях 1648 г., «Лейденская брошюра», Адам Олеарин.

Восстание вспыхнуло стихийно. Однако ему предшествовали мирские сходки, на которых говорилось о тяжелом положении народа и о том, что надо искать из этого положения выход. По словам Олеария, «из-за этих больших тягот и невыносимых притеснений простой народ стал выражать недовольство. Утром и вечером у церквей происходили сборища, причем совещались, как быть с той невзгодою».

Народное движение развивалось по восходящей линии. Расширялись его масштабы, обострялись формы. Дело началось 1 июня 1648 г. с попыток подачи возвращавшемуся с богомолья из Троице-Сергиева монастыря царю челобитной с жалобами «на неправды и насилия, какия над ними (челобитчиками) учиняются». Но надежды на мирный разбор и удовлетворение жалоб не оправдались. В первый же день народных волнений произошли столкновения между теми, кто шел с петицией, и царским окружением.

На следующий день, 2 июня, поле новых безуспешных попыток вручить царю челобитье во время крестного хода народ силой прорвался в Кремль к царскому дворцу. Часть стрельцов отказалась действовать против восставших и соединилась с ними. В течение 2 и 3 июня народ разгромил дворы ряда бояр, ведущих деятелей правительства и гостей: Б.И. Морозова, П.Т. Траханиотова, Л.С. Плещеева, Назария Чистого, Василия Шорина, Василия Гусельникова и др.

Восставший народ все больше становился хозяином положения в Москве, а правительство проявляло все большие признаки растерянности. 4 июня царь выдал восставшим Плещеева, и его казнили на Лобном месте. Правительство хотело спасти от народного

8. Московское восстание 1648 года

гнева Траханиотова и Морозова. Первый еще 3 июня был тайно отправлен из Москвы на воеводство в Великий Устюг, но по требованию восставших возвращен и 5 июня публично предан смерти. Морозова царю удалось спасти, но он был устранен от правительственной деятельности и 12 июня сослан в Кирилло-Белозерский монастырь. 5 июня было, по-видимому, кульминационным пунктом восстания в Москве. Затем начался его спад.

Интересно, что, несмотря на стихийный характер восстания, посадские люди действуют в его ходе не как мятежная разнузданная толпа, а в определенных формах мирской общественной организации. В этом отношении показательна терминология источников. Произошло «в миру великое смятение» («ее всей земле великое смятение»), люди «миром и всею землею возмутились» на Траханиотова и Морозова, «миром и всею землею государю царю челом ударили», «учели миром просити» об отставке и выдаче народу этих лиц. «Весь мир, вместе с чернью» просил об отставке Плещеева, чтобы «мир не был разорьем ради одного человека». Царь велел Плещеева «всей земле выдать головою» и его «убиша миром» («убили всем народом»). Траханиотова государь «велел... пред миром казнить на Пожаре». Бориса Морозова «государь царь у миру упросил». «На том миром и всею землею государю царю челом ударили и в том во всем договорились».

Некоторые формулы, употребляемые летописцами при описании московского восстания 1648 г., воплощают идею земского собора как органа, выступающего с петициями перед государем. «И того числа была смута великая на Москве и били челом великому государю всем народом посадския и всяких чинов люди во всяких налогах и в разоренье...», — читаем в одном сборнике. Или там же: «Того же году на завтрее приходили к великому государю всяких чинов люди на дворец бить челом великому государю з большим собранием...».

По всей видимости, городовые дворяне с самого начала принимали участие в волнениях 1648 г. не потому, что им были близки лозунги «черни», а с тем, чтобы использовать ее движение в своей внутриклассовой борьбе с боярской феодальной знатью. Не по пути с народом было, конечно, и зажиточному купечеству. Однако и последнее было не прочь воспользоваться выступлением народных масс, чтобы направить его в русло защиты своих

сословных интересов. На такой почве, вероятно, и был создан временный блок части дворян и купцов, поставивших перед царем вопрос о ряде реформ и о созыве земского собора.

Яркое своеобразие рассматриваемого документа позволяет думать, что перед нами не обычная жалоба, а публицистическое произведение, возможно, предназначавшееся не только для царя, но ходившее по рукам. Оно написано с гражданским пафосом, в приподнятом стиле, в нем имеются ссылки богословского и исторического характера. Челобитная направлена против «высших правителей», «мучителей и кровопийц», «губителей, всей страны властвующих». Дается резкая критика системы центрального и местного управления, построенной на взяточничестве, волоките, грабеже населения. В ней видно усиление и углубление той критики правительства, которая прозвучала на соборе 1642 г.

Челобитчики выступают в тоге защитников «простого народа» от злоупотреблений власть имущих. Эта защита вызвана весьма реалистическими соображениями классового порядка: избежать народного восстания. «Злые люди» — правители «возбудили» царя против народа и народ против царя. «И вот весь народ во всем Московском государстве и его порубежных областях от такой неправды в шатость приходит, вследствие чего большая буря подымается в твоем царском стольном городе Москве и в иных многих местах, в городах и в уездах...» Призрак недавней гражданской войны стоял перед глазами челобитчиков, и они прямо говорили, что боятся ее повторения: «...наказание божьего гнева, которое в прежния времена за такое беззаконие разразилось над Московским государством, ныне снова нас постигнуть должно».

Царское правительство приняло ряд мер, чтобы парализовать народное движение и внести раскол в среду его участников. Было выдано жалованье стрельцам, чтобы привлечь их на сторону власти. Был отменен правех недоимок с городского и уездного населения. Правительство заигрывало с дворянством, раздавая ему жалованье, награждая землями погибших во время восстания и подвергшихся опале людей и т.д.

**9. Бунт и побег на Амур
«воровского полка» М. Сорокина
в 1655 году**

Бунт М. Сорокина — один из многих случаев массового побега «всяких чинов людей» (служилый, гулящих людей, крестьян) для вольной жизни в дальневосточной Даурской земле.

Источник: Н. Оглоблин «Бунт и побег на Амур «воровского полка» М. Сорокина. (Очерк из жизни XVII века)».

Походы на Амур Василия Пояркова (в 1643–1644 гг.) и Ерофея Хабарова (в 1649–1653 гг.) вызвали необычайное движение среди русского населения ближайших уездов Сибири — Якутского, Илимского и Красноярского. Рассказы спутников Пояркова и Хабарова о богатствах новооткрытой Даурской земли возбудили всеобщее внимание к ней и стремление проникнуть туда. Особенно сильно действовали рассказы самого Хабарова — «старого Даурской земли заводчика». Один современный документ говорит (Сибирского приказа столбец № 519.), что когда в 1653 г. Хабаров ехал с Амура в Москву, вместе с стольником Дмитрием Зиновьевым, то Илимский уезд он проезжал «в камчатном платье нарядясь» и «всяких чинов людям хвалил Даурскую землю и подговаривал чтоб шли в ту богатую землю всякие люди», что там «житье богатое» и пр. И «всяких чинов люди» — служилые, посадские, промышленные, крестьяне, «гулящие люди» и др. жадно бросились на Амур, то в одиночку, то группами, гибли массами еще не доходя до заветной цели и только редкие достигали ее, присоединяясь к находившимся там русским отрядам, или образуя вольные — «воровские полки».

В истории этого чисто стихийного движения встречаемся с одним любопытным эпизодом — бунтом илимских служилых людей, организовавших под предводительством «атамана» Михаила Сорокина «воровской полк» именно для побега на Амур. Движение Сорокина в 1655–1656 гг. (Доп. Акт. Ист., IV, №№ 10 и 33) охватило почти весь состав служилых людей Илимского острога и вызвало волнение не в одном Илимском уезде, но и в соседних. Был момент, когда правительственная власть ви-

села в Илимске на волоске и легко могла очутиться в руках «воровского казачьего атамана»... И этой «поруки» не случилось единственно потому, что Сорокин с товарищами поставили задачей своего движения — достигнуть Амура и там «служить особь, а у государевых воевод под началом не быть» (столбец № 519).

Это своеобразное движение, не раз прорывавшееся среди сибирских служилых людей XVII века, почти неизвестно в исторической литературе. Известны, правда, два акта, говорящие о бунте М. Сорокина в 1655–1656 гг., но они рассказывают об этом событии очень коротко и глухо, совершенно умалчивая о мотивах движения.

Но подробную картину Сорокинского бунта можно нарисовать на основании илимского «сысканого дела» 1655–1657 гг., сохранившегося [в Москов. Архиве Мин. Юстиции, в Сибирском приказе в столбцах №№ 471 и 519] (Некоторые сведения о «сысканом деле» см. в «Обозрении столбцов и книг Сибир. приказа», ч. I, стр. 195). В состав дела входят «отписки» илимского воеводы стольника Богдана Денисовича Оладыина, «грамоты» ему, воеводские «сыски» о бунте, челобитные служилых и др. людей и др. документы. Извлекаю отсюда все существенное, опуская излишние подробности и повторения.

Побеги на Амур илимских служилых и жилацких людей происходили не раз и до Сорокинского движения. Первая крупная партия — около 300 человек — побежала туда в 1653 г., под начальством служилых людей Прокофья Кислого и Василия Черкашенина. Ядро партии составили 27 служилых людей Верхотенского острога, которые побежали в Даурскую землю — как говорит одна грамота якутским воеводам — «не хотя наших (государевых) служб служить». К ним примкнуло около десяти илимских крестьян, но главную массу в этой партии составляли промышленные и гулящие люди Илимского и Якутского уездов. Пробираясь на Амур, партия Кислого ознаменовала свой путь грабежами и насилиями над торговыми людьми, крестьянами.

В 1654 г. бежала партия служилых людей Давида Егорова и Федота Барана с товарищами. Побег был не из удачных: оба предводителя и многие из их спутников пойманы и наказаны. Конечно, это не остановило дальнейших побегов, и число их год от году увеличивалось. В 1655 г. илимский воевода Богдан

9. Бунт и побег на Амур «воровского полка» М. Сорокина...

Оладыин писал царю, что «всех русских людей (беглых) в Даурской земле, больше 1500 человек». Эти побеги стали таким обычным делом в Илимске, что тот же воевода, верстывая в казачью службу на места беглецов из «гулящих и молодших ссыльных людей» — приводил их ко кресту «на том, что им служить государю правдою, безо всякие хитрости, и не изменить — ни в которые иноземцы и в Даурскую землю не сбежать и без отпуску не сойти»...

Но и эта специальная присяга не помогала: Даурия неудержимо влекла к себе русских людей... Тот же Оладыин жаловался царю, что и вновь поверстанные им в службу казаки, забыв крестное целованье, «бегают с твоих государевых служб в Даурскую землю, а удержать их от даурского побегу некоторыми мерами не мочно», так как «уход стал блиско»: от Илимска вниз по р. Лене и вверх р. Олекмой можно в 8 недель пробраться «на Даурскую Амур реку и Шилку». От Якутска же и того ближе к Амуру.

Но не одна близость к Амуру и не одни рассказы о богатствах тамошней природы и людей тянули туда русских служилых и промышленных людей. Едва ли не самую крупную роль здесь сыграли невероятные тягости порубежной сибирской службы, усугубленные страшным произволом и злоупотреблениями воевод и других властей... От этих «прелестей» сибирской жизни русские люди готовы были бежать хоть на край света, мечтая о службе «особь» — отдельно от «государевых воевод»...

Илимск был город новый (с 1649–1650 гг.), построенный первым его воеводой Тимофеем Шушериним и населенный «сведенцами» из разных сибирских городов. Немногие из них перешли сюда добровольно, большинство же состояло из невольных переведенцев, которые не могли быть довольны этим насильным переводом из насиженных сравнительно спокойных по службе старых сибирских городов в неустроенный и беспокойный порубежный Илимск. Соседство немирных «братских» и «мунгальских людей» давало себя знать с самых первых моментов открытия Илимского воеводства.

В «заручной челобитной» 1655 г. илимских служилых людей читаем, что когда челобитчиков перевели в Илимск, то ничего им не дали — никакой «подмоги» на «дворовое строенье

и на селитьбу», так что «и по се время» они «дворишками не построилися, потому что покою себе не знаем ни днем, ни ночью, ни зимою, ни летом»... Именно этими «тяжелыми немирными службами» челобитчики и объясняют амурские побеги Прокофья Кислого и др.

Особенно усиленно жалуются челобитчики на тягости «судоваго дела» — на обязательную для илимских служилых людей постройку судов на устьях р.р. Муки и Куты, где «для якутской службы (т.е. для отправки хлебных караванов в Якутск) делаем кочи и дощаники и лоды, и к себе наймем в плотники в уставщики промышленных людей, дорогою ценою — от указа даем рублей по 40 и больши, а сами мы кочей и дощаников делать без мастера не умеем»...

Из другого документа узнаем, что в 1655 г. служилые люди просили освободить их от постройки 3 «кочей морского ходу» и кочи были построены «кочевыми деловцами» за 139 рублей, кои были вычтены из «денежных окладов» служилых людей. Вообще «судовое дело» наносило им огромные убытки и вызывало сильное неудовольствие.

Именно здесь — около «судоваго дела» и зародился бунт Михаила Сорокина.

Весной 1655 г. воевода Оладыин отправил на службу в Верхоленский острог отряд в 40 казаков, под начальством Михаила Сорокина. Отряд состоял частью из служилых «старого ленского наряда», т.е. переведенных из Якутска, а частью из илимского «новаго прибору из ссыльных служилых людей». Сорокину было дано специальное поручение заведывать на р. Тутуре постройкой пяти дощаников.

Сорокин прибыл на Тутуру перед Пасхой и принялся за порученное дело. Не окончивши дощаников, Сорокин на Святой неделе вдруг «стал сам четверт наряжатца» в Верхоленский острожек. Это удивило «приказнаго человека» Тутурской волости, пятидесятника Михаила Козлова, который стал удерживать Сорокина: «почто ты, Михайло, сам четверт едешь в Верхоленье, а дощаники государевы будут не сделаны?...» — «Я-де еду топоров делать...» — отвечал тот.

Козлов отпустил Сорокина, но о неожиданном его отъезде уведомил верхоленского приказнаго человека, атамана Ники-

9. Бунт и побег на Амур «воровского полка» М. Сорокина...

фора Качина. Очевидно, у Козлова были какие-то сомнения: до него должны были дойти слухи о замыслах Сорокина...

Действительно, после Егорьева дня Сорокин прислал на Тутуру казака Клима Донщину, который приехал «сам девят» и торопливо стал «дощаники государевы конопатить и весла и гребки делать». Донщина прямо заявил Козлову: «идем-де в Дауры!...» Для Козлова не осталось никаких сомнений, «что они даурцы...».

Донщина счел излишним скрываться в захолустном Тутурском зимовье, когда знамя бунта уже открыто было поднято Сорокиным в таком крупном пункте, как Верхоленский острог. Как мы знаем, он прибыл туда на Пасху и немедленно довел до конца переговоры с своими единомышленниками. Все у них было решено еще зимой, и теперь они действовали по хорошо обдуманному плану.

Прежде всего нужно было если не привлечь на свою сторону Н. Качина, то по крайней мере обезвредить его. Но первое не удалось: Качин решительно отказался на старости лет превращаться в «даурца»... Однако, он согласился не мешать планам Сорокина. Впоследствии, во время воеводского «сыска», Качин уверял, что когда Сорокин с товарищи свой «скоп и воровской завод и побег в Даурскую землю заводили», то он Качин «про тот их воровской злой умысел до их побегу не слыхал и не ведал, и в побеге-де тем вора́м ни в чем не норовил и не потачил»... Узнал он о побеге только 25-го апреля, когда Сорокин открыто поднял знамя бунта, Качину «от приказа отказал» и под угрозой «смертного убийства» запретил извещать воеводу Оладьина. Качин уверял, что бунтовавшие казаки «обсадили» его в острожке, вместе с оставшимися верными государю служилыми людьми. Так показывали и некоторые свидетели, и воевода Оладьин писал царю, будто бунтовщики «взяли сильно» Качина и «поневоле привели ко кресту, чтоб ему про их воровской завод и измену ко мне для ведома отписок не писать и вести не подавать».

Но большинство свидетелей говорит, что Качин «за караулом не бывал — ходил прост»... Верхоленский толмач Федор Степанов рассказывал, что 24-го апреля был он с Сорокиным и его товарищами, — «сидели, — пили братчину» у казака

Алексея Смирнова. Сорокин тут прямо заявил: «идем-де мы в Даурскую землю, а в сборе-де нас 30 человек»... Степанов немедленно передал это Качину, а тот ответил: — «добро-де!.. инде послать на волок (т.е. в Илимский острог) с отписками?..» — Однако, никого он туда не послал в тот день. На другой день, когда начался бунт, Сорокин распорядился поставить караулы вокруг острога и по дорогам, и никого «из острогу и из дворов не выпускали». Как бы ни были бдительны эти караулы, все же было возможно послать весть воеводе, особенно в первые дни волнений, когда бунтовщики еще не разобрались точно — кто из верхоленцев стал «даурцом», и кто остался верен «государевым воеводам». Но Качин не только не сделал ни одной попытки уведомить Оладыина о начавшемся бунте, но даже — как рассказывал тот же толмач Степанов, — в день бунта, очень мирно и охотно «мед ставил» Сорокину с товарищами и после не раз с нами «брагу пивали, хлеб-соль водили»... Правда, Качин оправдывался так: «Я по неволе пою их, что боюсь от них смертного убойства»...

Как бы то ни было, но если Качин и не был явным сторонником Сорокина, то все же он не мешал его планам, хотя отлично помнил данный воеводой «наказ» — немедленно извещать о всякой «шатости» служилых людей.

Как мы знаем, бунт начался 25-го апреля 1655 года. Ранним утром Михаил Сорокин и Федор Мещеряков явились в часовню св. Николая Чудотворца (церкви в остроге не было) и потребовали у «часовенного дьячка» Дмитрия Семенова выдачи «войскового знамени» Верхоленского острога. Семенов не хотел выдавать, но они «знамя войсковое у меня в часовне сильно взяли и оставили коня Николе в казну», т.е. — начиная бунт, прибегли к покровительству Николая Чудотворца и принесли ему жертву.

С знаменем в руках Сорокин вышел на площадь острога, где уже выстроилось «с оружием» его «войско». Устроили «круг», принесли крест и все под знаменем друг другу «образовались (крест целовали), что бы им умереть вместе за един человек»... Все они «крест целовали на том, что-де им итти в Даурскую землю, а атаманом быть у них в воровском полку» Михаилу Сорокину и «есаулом» Федору Краснояру: «а иново-де атама-

9. Бунт и побег на Амур «воровского полка» М. Сорокина...

на и есаула им никою не выбирать». Если по государеву указу «будут посланы на службу, или на них воров в Даурскую землю с Москвы государевы бояре, или окольничий и воеводы, или с городов приказные люди с ратными людьми, — и им-де ворами в Даурской земле в государевы полки к государевым воеводам не выезжать и не даватца, и никаких служб государю с воеводами не служить! А служить-де им с их воровским атаманом с М. Сорокиным, да с ясаулом с Ф. Красноярром в Даурской земле заодно особь, а у государевых воевод под началом не быть и не даватца — стоять за одно! И на том-де они воры атаману воровскому М. Сорокину крест целовали все».

Некоторые колебавшиеся «даурцы» пробовали остановить движение ссылками на долг «службы государевой». Но Сорокин с товарищами отвечали, «что-де их братья служилые люди в прошлых годах» много раз «из служб бегали» — из Якутска, Красноярска и Илимска, «а им-де за то государева указу и сыску не бывало: то они воры и изменники М. Сорокин с товарищи ставят себе в похвальбу и в удачу!»

Это говорит воевода Оладын в своей отписке царю, в которой не раз возвращается к этому предмету и ничем не опровергает показаний «даурцев», что все прежние побегі в Даурию совершенно игнорировались центральным правительством и не вызывали с его стороны ни «указов», ни «сысков». Значит, это была правда, и Сорокин, указывая колебавшимся на это обстоятельство, как бы намекал, что далекому царю нет дела до них — захолустных людишек.

Когда атаман и есаул были избраны, Сорокин «кликнул в круг» Качина и объявил ему, что «отказывает» ему от «приказа» в Верхоленском остроге, что ему «до них дела нет ни в чем» и пригрозил, чтобы он «вести не подавал» воеводе Оладыну, «а буде весть подашь — и ты на себя не пеняй! посадим в воду!»

Этой угрозы было достаточно, чтобы обезоружить Качина. Но все же ему вполне не доверяли — следили за ним и «из острогу без своих людей не выпускали». Следили и за остальными служилыми людьми, не приставшими к Сорокину. Против некоторых открытых противников были приняты крутые меры: так, казаков Терентья Пашкова и Игнатия Буракова и промышленного человека Ивана Галичанина избили, «в воду

посадить хотели», ограбили, ружье, порох, платье, у Галичанина отняли «судно с товары и хлебными запасы» и всех троих «за приставом в воровском своем полку держали».

Сорокин постарался привлечь на свою сторону ясячных людей и запретил им извещать воеводу о происходящем в остроге. Переговоры с инородцами не затрудняли Сорокина и Краснояря, так как они «язык братской и тунгусской знают».

После 25-го апреля, Сорокин прожил в Верхоленском остроге до 11-го мая, занимаясь организацией своего «воровского полка» и приготовлениями к далекому походу. Кроме найденных в остроге судов, 3 струга «пришлавили сверх Лены реки» промышленные люди, остальные суда заготавливал казак Донщина на Тутуре.

Ядро полка Михаила Григорьева Сорокина составили 25 казаков из отряда, посланного с ним на Тутуру. Позже, как увидим ниже, к нему присоединился отряд его брата Якова Сорокина, также из 25 Казаков. Таким образом, считая с атаманом, его братом и есаулом Федором Ивановым Красноярром — служилых людей собралось 53 человека. Любопытно, что между ними почти третья часть носит малорусские фамилии: Петр Панко, Андрей Некрасов-Хохол, Артем Муромко, Василий Мотус, Иван Кудря, Федор Пан, Петр Кисель и т.д. Очевидно, все это были служилые из ссыльной литвы и черкас.

Малорусские фамилии встречаются и среди 20 илимских пашенных крестьян, приставших к Сорокину: Нечай Ворон, Калина Черкашенин, Данило и Ефим Плужные и др. Некоторые крестьяне бежали с своими семьями. С семьей бежал и «соловар» с Усть-Кутского «государева усолья» Терентий Брилин. Бежали его два «подварка», мельник с «государевой мельницы», 2 «ямских охотника» и др. полу-служилые люди.

Но главную массу Сорокинского полка составили «многие промышленные люди и воровские бродящие люди». Здесь были «покрученики — работные люди» с торговых судов, «всякие нахожие люди и воры в зерншики» — по определению воеводы Оладына. Всего собралось у М. Сорокина до 300 человек из Илимского, Якутского и др. уездов.

Пробирался к М. Сорокину из Тобольска сын его Михаил, но дорогой был схвачен и посажен Оладыным в тюрьму.

9. Бунт и побег на Амур «воровского полка» М. Сорокина...

Некоторые увлечены были в движение насильно, например позже Оладыин получил из Киренского погоста «явку» торгового человека гостиной сотни Томилы Щепоткина о насильственном уводе Сорокиным его сына Тихона. Прокопий Федоров, приказчик гостиной сотни Остафья Филатьева, жаловался, что Сорокин увел у него всех «покручеников», на которых были «кабалы».

Несмотря на такой разнообразный состав Сорокинского полка, общая цель соединяла всех в крепкое и дружное сообщество. Все более важные вопросы решались сообща — в казачьем «кругу». Многие свидетели, сталкивавшиеся с полком на стоянках или в походе, согласно показывают, что видели, как на «станах» бунтовщики «в кругах под знамены говорили» о своих делах. Это отметил воевода Оладыин в отписке царю, как там же он отметил и следующее обстоятельство, усугублявшее, по его мнению, вину сорокинцев: «ведомо мне чинитца», что «воры, забыв страх Божий и крестьянской закон, в середине и пятак мясо и молоко ели».

И воевода Оладыин, и другие илимцы согласно говорят, что душой и главой бунта был именно Михаил Сорокин, — служилый человек «старого ленского наряда», т.е. переведенец из Якутска. Главными же помощниками его были казаки Федор Краснойр и Клим Донщина.

11-го мая Сорокин тронулся из Верхоленского острога и поплыл по Лене на Тутуру, где поджидал его Клим Донщина, окончивший к тому времени отделку государевых дощаников. Приказный человек Тутурской волости Мих. Козлов послал казака Ивана Гладкого к воеводе, с вестью о приходе Сорокина с «большими людьми». Но бунтовщики «изымали» Гладкого и «посадили в колоду», а когда прибыл Сорокин — «учели бить батоги» Гладкого, и потом взяли его «с собою сильно». Козлова же «караулили» все время, пока были на Тутуре.

С Тутуры Сорокин двинулся в Орленскую волость. По пути туда встретили приказного человека этой волости Ждана Савина, который хотел бежать, но его «изымали и связали и связана привезли на Орленгу». Он не мог подать вести воеводе, так как местные крестьяне и промышленные люди были «все за караулом». Вообще везде на попутных заимках Сорокин «за-

хватывал людей для вестей». Савин жаловался потом воеводе, что бунтовщики «грабежом у меня взяли государевы 4 листа бумаги».

Следующим довольно продолжительным пунктом останки Сорокина было Усть-Кутское зимовье, где происходила в то время «ярманга» (ярмарка) и куда он прибыл 15 мая. Здесь Сорокин встретил первое и последнее сопротивление со стороны оставшихся верными государю илимцев. На устье р. Куты находился острожек, куда, при приближении Сорокина, засели немногие служилые люди и часть собравшихся на ярмарку торговых и промышленных людей, под предводительством приказного человека Семена Безпалова и таможенных целовальников Семена Норицына и Луки Захарьева. Им удалось отсидеться от Сорокина, который «приступал» к острожку, убил 2 промышленных людей и 2 ранил, но острожка взять не мог.

Зато ярмарка очутилась вполне в руках Сорокина, за исключением тех торговых людей с их товарами, которые успели спрятаться в острожке. Ярмарка собралась богатая. Один таможенный сбор ожидался в громадных для того времени размерах — около 1000 рублей (т.е. более 10000 р. на наши деньги), да «десятинный соболиный» доход в казну — более 50 «сороков» соболей. Всего этого лишилась казна, благодаря Сорокину, который значительную часть торговых людей ограбил, а другим «торговать не дал — всех разогнал».

Торговые люди пострадали еще более государевой казны. Сорокин грабил все, что попадалось под руку, а особенно необходимые ему хлебные запасы, оружие, порох, свинец и пр. Например, у торгового человека Прокофья Федорова ограбили товаров на 2539 руб. 16 алтын 4 деньги. Любопытна приложенная им к челобитной «ценовая роспись» пограбленных у него «животов» и товаров. Больше всего захватили у него платья и разных материй: сукна, холста, крашенину, сапоги, зипуны, рубашки, штаны («вязанные», «англинские червчатые» — 7 штук оценены в 14 рублей), «опояски», «иглы — шпанки» и проч. Понадобилось «ворам» еще мыло, свечи восковые, блюда, «деревянные братины», воск, мед, перец, масло коровье (15 пудов на 60 р.) и проч. Но всего любопытнее, что «воры» захватили

9. Бунт и побег на Амур «воровского полка» М. Сорокина...

у Федорова несколько книг: «две Псалтыри Учительных, цена 4 рубли» и «Часовник, печатная цена рубль»...

В числе ограбленных оказался и якутский воевода стольник Михаил Семенович Лодыженский: у приехавших на ярмарку его людей сорокинцы ограбили «всякие запасы и вино горячее». Слух прошел, что на ярмарку ждут приезда илимского воеводы Оладыина. Сорокинцы его «дожидались — хотели грабить», но слух не оправдался.

Вместо Оладыина 18 мая прибыл на устье Куты очень лакомый для Сорокина груз — «государева оружейная казна», шедшая из Тобольска в Якутск, с подьячим Воином Якуниным и илимским казаком Безчасткой Анощинцовым, переходившим на службу в Якутск. С Безчасткой ехала и его семья. На требование Сорокина выдать государеву казну Воин и Безчастко отвечали решительным отказом: «и мы, холопы твои» — писали они в челобитной к царю — «не щадя голов своих, говорили тем воровским казакам встречно, с большими угрозами и уличали» их, что они «государю изменили, Верховенской острог выграбя покинули, и изменя побегали в Даурскую землю». Энергичные защитники государевой казны уговаривали Сорокина не трогать ее и отдать торговым людям все пограбленное у них. Последнего Сорокин не исполнил, но оружейной казны, действительно, не тронул и, вероятно, потому, что достаточно запаса ею еще в Верховенском остроге и у торговых людей Усть-Кутской «ярманги».

Но Воину и Безчастке не прошли даром их «жестокия уличныя встречныя слова»: их обоих и сына второго схватили сорокинцы и «били и мучили, и руки и ноги связав, переломали и изувечили», хотели в воду бросить, но отпустили едва живыми. Кроме того, Безчастку еще и «ограбили до-нага». Очевидно, им мстили за их «встречныя слова», которые могли вызвать смущение среди колебавшихся сорокинцев... За такие же речи мучили многих промышленных людей, и от тех пыток «многие померли».

Не дождавшись на устье Куты Оладыина, Сорокин «похвлялся разбоем идти» в недалекий оттуда Илимский острог, убить воеводу, а город разграбить. Но в конце концов Сорокин отказался от этого плана, торопясь захватить благоприятное

время для плавания в далекую Даурию. Около 20 мая воровской полк Михаила Сорокина оставил Усть-Куту и поплыл вниз по р. Лене, к Киренскому погосту.

Только 26 мая илимский воевода Б.Д. Оладыин получил первую весть о побеге М. Сорокина. Это была отписка с Усть-Кутской «ярманги», от таможенных целовальников Семена Норичина и Луки Захарьева, о разгроме ее и движении Сорокина вниз по Лене. Но из Верхоленского острога, лежавшего на расстоянии от Илимска более 1000 верст, все еще не было известия от Н. Качина. После оказалось, что Качин послал воеводе отписки с казаком Иваном Березовским, на другой день после отплытия Сорокина из острога. Но отписки перехватили сорокинцы из отряда Якова Сорокина и на устье р. Муки «те отписки вычитали и подрали». Содержание отписок Качина все-таки дошло до Оладыина, узнавшего между прочим, что «после воровского казачья походу, пришли под Верхоленской острожек братские люди многие» и острожек «обсадили».

Положение воеводы осложнилось, так как под руками у него не было свободных служилых людей и он мог послать в Верхоленский острог на выручку только ничтожную горсть из 6 Казаков, с казачьим пятидесятником Назаром Кистеневым. Оставалась, правда, надежда на значительный казачий отряд стрелецкого сотника Якова Онцыфорова, отправленный весной в Енисейск, для сопровождения оттуда в Илимск хлебных запасов. Но вскоре Оладыин получил известие, что и этот отряд изменил государю и увлекся сорокинским движением.

Бунт в отряде Онцыфорова произвел Яков Сорокин, брат Михаила Сорокина. Яков попал в служилые люди Илимского острога из «московских ссыльных людей». Из отряда Онцыфорова присоединилось к Якову 25 казаков. Остальных 13 казаков, оставшихся верными государю, сорокинцы ограбили дочиста, отняли у них оружие, порох, платье и проч.

К отряду Якова Сорокина присоединились «холостые пашенные крестьяне» из соседних займок и «гуляющие люди; всего у него собралось 75 человек.

Случилось это на устье р. Илима, в 200 верстах от Илимска. Покинувши здесь Онцыфорова с государевыми судами «на пу-

9. Бунт и побег на Амур «воровского полка» М. Сорокина...

стом месте», Яков Сорокин двинулся назад, к Илимску, грабя по дороге крестьян и промышленных людей и никого не пропуская с вестью к воеводе.

Дорогой на р. Илим отряд Якова Сорокина встретил судно с 6 илимскими казаками, которые везли в Туруханское зимовье пойманных в Илимском уезде «беглых аманатов» Мангазейского уезда. Сорокинцы звали этих казаков с собой, те отказались и за то были избиты и ограблены — отняли у них пищаля, порох, свинец и проч. Одного казака они все-таки увели с собой.

В половине мая Яков Сорокин подошел к Илимску.

Положение воеводы Б.Д. Оладьина было отчаянное... У него было в остроге только 10 служилых людей, да и те — «увечные и старые». Все остальные были в различных посылках — по заимкам, зимовьям и проч. Правда, в городе было еще 70 посадских людей, но оружия у них было очень мало.

Вот как Оладьин рассказывает о приходе Якова Сорокина: «и пришли они воры разбоем на Илимской острог, ведаючи в остроге безлюдство, нахально для разбою и грабежу, скопом и заговором, человек с 70 и больши, с знамены и с ружьем, и похвалялися на меня и на всяких илимских жилецких людей разбоем, грабежом. И меня в острог с служилыми и со всяких чинов людьми обсадили, к острогу приступали и из ружья стреляли, хотели острог стены распустить и над государевою казною дурно учинить, и меня и осадных всяких людей убить и розграбить, и тюрьмы розломать, и тюремных сидельцев — воров и изменника Федотка Борана (старого «даурца») с товарищи и иноземцев аманатов распустить»...

Трое суток продержал Я. Сорокин Илимский острог в осаде и отступил. Нельзя сомневаться, что если бы он продолжил осаду, то в конце концов овладел бы острогом. Силы Оладьина были ничтожны и близкой помощи ни откуда он не мог ожидать. Что же заставило Я. Сорокина так скоро отступить от Илимска? Прямых объяснений этого обстоятельства источники не дают. Но есть основания предполагать, что Яков получил от брата Михаила известие, что тот уже далеко ушел по пути в Даурию: в это время Мих. Сорокин приближался к Киренскому погосту. Михаил замедлял свой поход, поджидая брата. Последнему нужно

было торопиться на соединение с Михаилом, и вот почему он снял осаду Илимска и тронулся к устью р. Куты.

Дорогой на устье р. Муки Я. Сорокин встретил промышленных людей, коих сорокинцы «били и мучили, и огнем жгли, и вымучивали деньги», соболи, платье и пр. Здесь же захватили государевы суда и в них поплыли «на низ».

Как только еще Я. Сорокин отошел от Илимска, Оладыин тотчас послал «окольными дорогами и лесами» крестьянина Ивана Данилова на Усть-Кутскую «ярмангу», с вестью о приближении туда «воров». Воевода предупреждал приказного человека Семена Беспалова с товарищами и таможенных целовальников, чтобы они «уберегли» от воров таможенную, денежную и соболиную казну и «сели бы в острожке в осаду».

Данилов «ночью воров объехал и прибежал с вестью» на устье Куты вовремя, так что торговые люди (вновь собравшиеся там после разгрома Михаила Сорокина) «до их воровского приходу собралися в острожек в осаду». Всего собралось там 104 человека.

25 мая отряд Я. Сорокина приблизился к устью р. Куты и, не доплыв несколько до «ярманги», высадился на берег и «горами» дошел до острожка. Сорокин начал «приступать» к острожку, стреляя из пищалей и луков, причем у осажденных убиты двое промышленных людей и ранены 1 служилый и 1 промышленный. Не желая терять своих людей на решительном приступе, Сорокин приказал зажечь острожек.

«И осадные люди — писал Беспалов Оладыну — от них воров в острожке в осаде отсидетца не могли: вынесли из острожку против их воров икону Нерукотворенной образ... и говорили осадные люди им вора́м, чтобы они государева острожку с государевою казною не сожгли и их бы напрасно не побили...»

Яков Сорокин с товарищами убедились этими речами и не тронули ни служилых людей, ни государевой казны, но за то бесцеремонно обошлись с торговыми людьми — забрали у них запасы обуви, кож, платья и пр. Кроме того, захватили 2 дощаника и поплыли вниз по Лене, на соединение с «воровским полком» Михаила Сорокина. Вскоре это соединение и состоялось.

После присоединения отряда Як. Сорокина, воровской полк Мих. Сорокина ускорил свое движение в Даурию, которое

9. Бунт и побег на Амур «воровского полка» М. Сорокина...

несколько замедлилось только в Усть-Олекминском острожке. Здесь Сорокин простоял 6 дней, поджидая караван Воина Якунина с «государевою оружейного казною», шедший Леной в Якутск. Как мы знаем, с этим караваном Сорокин встретился на Усть-Кутской «ярманге», собрался ограбить казну, но затем отказался, убежденный «встречными речами» Якунина. Позже он пожалел о том и поджидал Якунина на устье Олекмы. Но Якунина предупредили о том, и он не трогался в путь, пока не узнал, что Сорокину надоело ожидание и он двинулся «Олекмою рекою в Даурскую землю». И государева казна Якуниным «сбережена и довезена в Якутской острог — дал Бог — здорово».

Когда «воры» совсем уже ускользнули из рук Оладыина, он сделал отчаянную попытку если не поправить дело, то хотя бы с формальной стороны оправдать себя пред Москвой и иметь основание отписать туда, что все меры были им приняты... Воевода послал в погоню за сорокинцами и «для розговору» с ними илимского «городничаго» Богдана Черепанова и «последних служилых людей», оставшихся в Илимске — всего 10 человек! Черепанов вез М. Сорокину «указную память» и должен был «воров розговаривать», чтобы они «из побегу воротились и в винах своих государю доби́ли челом», а в Даурскую землю не ходили «самовольством, скопом и заговором», никого впредь не грабили и вернули бы все раньше награбленное у разных лиц. Если эти «розговоры» не будут иметь успеха, воевода предписывал Черепанову собрать на Лене торговых, промышленных, гулящих людей и крестьян, и с этими ненадежными силами «воров переимать (sic!) и привести в Илимской острог...».

Конечно, воевода не верил в возможность такого чуда и просто искал предлога, чтобы в приличном свете «отписаться» в Москву... 4 июня Черепанов прислал Оладыину отписку, где говорит о полной неудаче своей миссии. Воров он не догнал и погони за ними не устроил. Встреченные им на Лене торговые и др. люди «ему Богдану отказали — в погоню за ворами за разбойники не пошли, а сказали и скаски свои за руками дали, что-де они торговые и промышленные люди грабленные и немногие, а воры-де люди многие — итти-де за ворами в погону невмочь, оружия — пищалей нет...».

Они говорили правду, и воевода все это отлично понимал, и все же у него хватило духу упрекнуть этих людей (в отписке царю), что они «твоего государева указу не послушали — по твоему государеву указу и по Соборной Уложенной книге за теми ворами... в погоню... не пошли...» На этом дешевом упреке по чужому адресу воевода и успокоился относительно поимки сорокинцев, так как с своей стороны не мог дать Черепанову «в прибавку» ни одного служилого человека.

Но относительно положения Илимского уезда Оладыин не мог быть покоен: положение было очень серьезное... Служилых людей осталось крайне мало, да и те были разбросаны маленькими группами и в одиночку по разным концам уезда, и в посылках в соседние города («для хлебные отдачи в Якутском отпуске» и проч.). Город остался почти беззащитным и, случись что-нибудь серьезное — восстание инородцев, набег зарубежных «мунгальских людей» и т.п. — Илимску несдобровать бы. А среди инородцев Илимского уезда уже начиналась «шатость...» Оладыин пишет царю, что к нему являются ясачные люди — тунгусы и «извещают», что среди их «шатость стала, потому что-де из Илимского и из Верхоленинского острогов из служеб служилые люди разбежались, а Енисейского-де уезду с Тунгуски реки иноземцы тунгусы собираются и илимских ясачных тунгусов побить и пограбить хотят...» Ясачные люди требовали защиты, но какую же защиту мог оказать им Оладыин, когда и сам сидел в городе беззащитным!

Беспокоило Оладыина и финансовое положение уезда. Восстание Сорокина нанесло значительные убытки государевой казне, особенно по случаю недобора таможенных пошлин: пропала для казны пошлина с громадного количества ограбленных Сорокиным товаров. Торговые люди были напуганы и боялись везти товары из Енисейска в Илимск и Якутск. Значит, и в будущем предвиделся таможенный недобор. Илимская казна совершенно опустела, и оставшиеся верными служилые люди, не получая жалованья, «хотят врознь разбрестися...»

«Вследствие шатости инородцев и в соболином сборе многая убыль учинилась»: ясачные люди неохотно вносят ясак, а побудить их к уплате некому — некого послать в их зимовья...

9. Бунт и побег на Амур «воровского полка» М. Сорокина...

«Государева пашня» не собрана с полей тех крестьян, которые бежали с Сорокиным. Вследствие увода им соловара и мельника — «соли варить некому и мельницу без мельника поставили же». Не на чем идти в Енисейск за хлебом, так как некому суда делать: Сорокин «сильно» увел с собой в Даурию «кочевого уставщика плотника промышленного человека Кондрашку Деребу, с братом и с сыном». Без него служилые люди не сумеют построить судов, да и мало их осталось в Верхоленском остроге — всего 10 человек.

Воевода мог бы сейчас набрать служилых людей из оставшихся в городе и уезде «гулящих и всяких бродящих холостых людей». Но воевода, помня недавние неудачные примеры набора служилых из других «вольных людей», решительно говорит, что верстать их в службу «ни которыми мерами нельзя»: взяв государево жалованье, они «бегают с государевых служб в Даурскую землю» и проч. «А надобно — говорит Оладыин — прислать в Илимской острог на житье добрых служилых семейных людей человек с 200 и больше». Иначе «запустеет» Илимский острог...

Воевода выражает даже опасение, как бы от этих даурских побегов «твоя государева Сибирская земля пуста не была»: так усиленно происходят эти побег и такую массу народа увлекает неведомая Даурия... Оладыин верит Сорокину, который говорит, «что-де и во 164-м (1656) году на весне и впредь по вся годы многие люди изо всех сибирских городов пойдут в Даурскую землю»... Воевода не один раз «о том к тебе государю о всем писал», предупреждая о вреде даурских побегов, но о тех «побещиках», об их «воровстве» и проч. «государеву указу не бывало третей год и по се время»...

Жалуется Оладыин и на равнодушие якутских воевод к даурскому вопросу, хотя в Якутске должны понимать, что хозяйничанье «воров» на р. Лене и Олекме «и в Якутской острог проезд запретъ». Река Олекма (т.е. главный путь в Даурию из Илимского и Якутского уез.) от Илимска «удалела», а к Якутску «блиска и уездом ведома» оттуда же. Еще в 1653 г. Оладыин предлагал якутским воеводам стольнику Михаилу Лодыженскому и дьяку Федору Тонкову устроить «заставу» на устье Олекмы и прислать отряд «для обереганья» дороги по Олекме

в Даурию, чтобы «не пропускать» туда «воров и изменников и всяких беглецов». Но якутские воеводы не послушали этого совета и заставы не устроили.

После побега Сорокина Оладыин снова о том же писал в Якутск и просил принять меры для поимки Сорокина и не-пропуска его «воровского полка» в Даурию. Воевода находит, что из Якутска это сделать удобнее и «есть кого» послать на р. Олекму в погоню за ворами. Действительно, в Якутске было в это время около 500 служилых людей, но почти все они были разбросаны мелкими отрядами по громадному пространству Якутского уезда.

Но Оладыин идет дальше и рекомендует послать в Даурию особого воеводу и «многих служилых людей, с нарядом и с ружьем», для преследования беглецов и для «сыску» об их побе-ге, грабежах и проч.

К отписке Оладыин приложил «заручную челобитную» от 94 илимских служилых людей — «останцов», не последовавших за Сорокиным. Во главе челобитчиков стоят стрелецкий сотник Яков Онцыфоров, «городничий» Богдан Черепанов, 2 подьячих, 3 казачьих пятидесятника (в том числе известный позже походом на Амур — Никифор Романов Черниговский), 7 десятников, затем — 80 рядовых казаков. Жалуясь на трудности илимской службы, особенно увеличившиеся после Сорокинского бунта, который отнял от государственной службы более 50 служилых людей и довел илимскую казну до такого оскудения, что «и нас останцов жаловать стало нечем», челобитчики просят — освободить их от «судоваго дела» и от посылок в Енисейск за хлебом (что следует возложить на енисейских служилых людей), денежное жалованье присылать из Москвы «ежегод» в виду скудости илимской казны, наконец — перевести в Илимск на службу людей «семьянистых», а холостых ссыльных людей не присылать, ибо они государственной службе не крепки.

Отправив в Москву наскоро составленную, но очень обширную отписку о Сорокинском бунте, воевода Оладыин принялся за «сыск» о бунте. Сыск продолжался в том же 1655 г., как в Илимске, так и в разных местах уезда, где происходило Сорокинское движение — в Тутурской слободе, Верхоленинском остроге, Орленской волости, Усть-Кутском острожке, Киренском

9. Бунт и побег на Амур «воровского полка» М. Сорокина...

погосте и др. Лица, заподозренные в содействии Сорокину — атаман Никифор Качин, приказные люди М. Козлов и Ждан Савин, после допроса отданы «на поруки, с записями, до государева указу». Для сыска в уезде посланы особые «сыщики» — подъячий Иван Левонтьев, служилые люди Томило Тарской и др. Большинство «обыкновенных людей» отзывалось неведением о подробностях бунта. Особенно сдержанно отвечали сыщикам служилые люди, хотя несомненно они знали многое.

Все «сыски» Оладыин отправил в Сибирский приказ, который откликнулся с лишком через год — в сентябре 1656 года, в грамотах уже преемнику Б.Д. Оладыина по Илимскому воеводству «стряпчему» Петру Андреевичу Бунакову и якутским воеводам М. Ладыженскому и О. Тонкову. Сибирский приказ предписывает принять именно те меры, кои рекомендовал Оладыин: поставить заставу на устье р. Олекмы, или выше по реке, «где пригоже», по выбору знающих людей. На заставу посылать «по переменам» 50 служилых людей — часть из Якутска, другую из Илимска, и велеть им никого не пропускать в Даурию «без отпуску и без проезжих грамот».

Грамота извещает воеводу Бунакова, что в Илимск послано из разных сибирских городов «на житье, добрых служилых людей 100 человек», с семьями. Грамота выражает надежду, что сорокинцы будут пойманы, и потому предписывает: «из самых пущих воров, по сыску выбрав из них человек 2 или 3, велеть вершить — повесить», чтобы «иным неповадно было так воровать без отпуску в Дауры бегать», торговых и промышленных людей грабить и проч. Остальным же беглецам «учинить наказание» и велеть по-прежнему жить там, откуда бежали.

Но, конечно, беглецы не были пойманы, и Олекминская застава не остановила стремившихся в Даурию. Побег продолжался и после Сорокина.

Какая же судьба постигла «воровской полк» Михаила Сорокина, добрался ли он до Даурии, или раньше рассеялся в разные стороны? Если он попал в Даурию, то как там устроился: присоединился ли «государевым воеводам», или держался первоначальных планов, — жить «особь» от воевод?

Что Сорокин добрался до Даурии — в этом нет сомнения. Если бы было иначе — если бы полк Сорокина рассеялся, не дойдя до

Даурии, по Якутскому и Илимскому уездам, — это было бы замечено тогда же на месте и дошло бы до нас в илимском «сыском деле», из которого взяты все предыдущие сведения о Сорокинском бунте. Но даже намеков на это нет, значит, полк Сорокина уже в 1655 г. совершенно вышел из сферы наблюдения илимских властей, т.е. проник в Даурию.

Но какова была судьба Сорокина в Даурии — неизвестно. Может быть, дальнейшее изучение документов Сибирского приказа (отписок илимских воевод, даурских приказных людей и проч.) раскроет судьбу Сорокинского воровского полка. Пока же приходится ограничиться указанием на следующий факт, говорящий, кажется, именно о сорокинцах.

В июле 1656 г. приказный человек Даурской земли Онуфрий Степанов писал между прочим якутскому воеводе М.С. Лодыженскому, что в 1655 г. на верховьях Амура «изменили Дючерские люди» и «государевых служилых людей побили, а сказывают: 40 человек было тех служилых людей, а плыли-де они сверху великия реки Амуру вниз в барке» и двух стругах. Других сведений Степанов не мог собрать: «и про то мне Онофрейку не ведомо — какие те плыли русские служилые люди, и откуда, и с которым государевым указом? и про то подлинно проведать не мог. И по многим улусам в юртах находил многие казачьи признаки — всяких борошней (т.е. имущества), а идучи вверх на плесах находил на берегу барки жжены, изрубленные» инородцами.

Возможно, что это были остатки «воровского полка» Михаила Сорокина, двинувшегося из Илимского уезда в составе 300 человек и постепенно растаявшего до незначительного отряда в 40 человек. Инородцы определенно называли эти 40 человек «служилыми людьми». Мы знаем, что в полку Сорокина было 53 человека служилых людей. Естественно, что именно это ядро сорокинцев сохранилось лучше остальной массы полка, состоявшей из промышленных людей, крестьян и др. Последние не вынесли всех невзгод трудного пути и частью отстали, частью погибли, и только группа служилых людей добралась почти в полном составе до Амура и здесь сложила свои кости в борьбе с местными инородцами.

10. Московское восстание 25 июля 1662 года («медный бунт»)

Из дневника Патрика Гордона:

«Мятежники толпою вышли из Серпуховских ворот. Их было около 4 или 5 тысяч, без оружия, лишь у некоторых имелись дубины и палки. Они притязали на возмещение [убытков] за медные деньги, соль и многое другое. С сею целью в разных местах города были расклеены листы, а один стряпчий перед Земским двором читал лист, содержащий их жалобы, имена некоторых особ, коих они мнили виновными в злоупотреблениях, и призыв ко всем идти к царю и добиваться возмещения, а также голов дурных советников».

Источник: В.И. Буганов «Московское восстание 1662 года».

Причины, приведшие к взрыву классовой борьбы в столице Русского государства в 1662 году сводились к общему расстройству хозяйственной жизни страны во второй половине 1650 – начале 1660-х годов, вызванному тяжелыми и длительными войнами и крахом финансовых мероприятий правительства царя Алексея Михайловича, резкому усилению феодально-крепостнической эксплуатации.

В начале 1660-х годов, особенно в 1662 г., изготовление фальшивой медной монеты приняло довольно широкие размеры. В описании Г.Н. Собакина приводится известие о челобитье царю «всего государства и всяких чинов людей на дворян и на дьяков, что оне... казну крадут и воровския денги делают и ими торгуют». «Про то денежное дело» был поручен И.Д. Милославскому, царскому тестю, главе правительства с конца 1648 г., начальнику Приказа Большой казны, ведавшего выпуском денег (при нем был монетный двор). Боярин И.Д. Милославский «разыскивал всякими сыски накрепко и пытал розными пытками жестокими». По сыску было указано казнить дьяка В. Солохова (отсечь «на Пожаре», т.е. на Красной площади, левую руку и правую ногу), «бить на козле кнутом нещадно» дьяка В. Неферьева, их поместья и вотчины «отписать на... государя», а дьяка В. Неферьева сослать в пожизненную ссылку в Астрахань; других «денежных мастеров» указано «четвертовать, вешать и горло заливать, а иных, бив кнутом, в ссылку ссылат з женами и з детми на вечное житье в... дальняя в сибирския городы на Лену и в ынья городы».

На совещании правительства с московскими торговыми людьми во второй половине января — начале февраля 1662 г.

представители торговых и посадских людей указывали, что «учинилась в Московском государстве... великая безмерная дороговль хлебная и соляная, от медных денег.» Чернослободцы заявляли, что от медных денег «обогатели денежные мастера, которые воровские деньги делали». В выпуске фальшивых денег был замешан сам правитель И.Д. Милославский, выбивший для себя монет на 120000 рублей. Неожиданные результаты сыска, в ходе которого выявились злоупотребления правящей верхушки, в том числе руководителя следствия и его помощника в Приказе Большой казны, не могли не взбудоражить жителей столицы. Следствие закончилось к началу июля; в это же время был объявлен сбор пятой деньги с посадских людей на жалованье ратным людям. Обесценение валюты, дороговизна, рост налогов, общее ухудшение положения народа, усиление крепостнической эксплуатации вызвали острое недовольство низших и средних слоев посадского населения Москвы, служилых людей московского гарнизона и армии.

Очевидно, выступление 25 июня было подготовлено заранее. О возможности близкого взрыва написал в своем сочинении А. Майерберг, уехавший из Москвы незадолго до восстания. Дьячок Алексеевского девичьего монастыря показал на следствии, что он еще «вскоре» после «светлой недели» (пасхи), т.е. месяца за три до восстания, слышал разговоры следующего содержания: «Чернь де сбирается и чаять от них быть погрому двору боярина Ильи Даниловича Милославского да гостя Василия Шорина и иных богатых людей за измену в денежном деле, будто он, Василий, да кадашевец, а как его зовут, того не ведает, деньги делали...».

Непосредственным толчком к выступлению послужили прокламации («воровские листы»), расклеенные в столице в ночь перед восстанием и составленные заранее. Их прибивали и приклеивали в разных местах города, на площадях, на решетках, перегораживавших улицы на перекрестках, и т.д. Прокламация состояла из двух частей: первая часть содержала список «изменников», в котором определенно упоминались восемь человек: И.Д. и И.А. Милославские, Ф.М. Ртищев, Б.М. Хитрово, Д.М. Башмаков, В.Г. Шорин, Б.В. Шорин, С. Задорин; пять фамилий — С.Л. и Р.М. Стрешневых, С. Заборовекого, Облязова,

10. Московское восстание 25 июля 1662 года («медный бунт»)

В. Стоянова, возможно, также упоминались в прокламации; по крайней мере, они тоже вызывали ненависть восставших, которые требовали расправы с ними. Все они составляли тот круг придворных деятелей и крупных торговцев, которые держали в своих руках управление государственными делами, крупные торговые операции и были виновны в различных злоупотреблениях (монетная операция, махинации с фальшивыми деньгами и т.д.), вызвавших справедливую ненависть городских низов и служилых людей. Во второй части характеризовалась «измена» бояр и гостей (сношения с Польшей), говорилось о бедствиях, связанных с введением медных денег, недостатком соли и других предметов первой необходимости. Лозунгом восставших был не только мотив боярской «измены», но и требование снижения налогов, прекращения злоупотреблений, вызванных медной реформой.

О начале восстания Г.Н. Собакин сообщает, что восставшие «лист воровской, вышетчи, многим людям и всему государству чли во многих местех и, четчи тот лист и бив в набаты и по церквам в колокола, и пошли бить челом великому государю в село Коломенское...». По словам автора-летописца 1624–1691 гг., «...во царствующем же граде Москве внезапно возмутися народ и яко волны морския, волнующийся без ветров, тако и смущающийся человецы... Егда же дню наставшу, собирахуея везде к тем хартиям народи, яко полки, и сия чтуще всем вслух, и собравшеся отвсюду в соединении множество народа на Красную площадь и вей вкупе учиниша гиль и мятеж...». Московские власти явно растерялись и не принимали никаких мер против восставших, которые заполнили Красную площадь. Их собралось несколько тысяч человек, большая часть которых (4–5 тыс. чел.) направилась в Коломенское. Восставшие «мужики», «чернь», московские «всяких чинов люди» бежали в большом количестве «розныгми улицами» из Москвы по направлению к Коломенскому; они несли в Коломенское не только прокламацию («воровской лист»), но и челобитную. Восставшие были очень возбуждены и настроены весьма решительно. В Москве били в набаты, по церквам звонили колокола, начались погромы дворов ненавистных народу лиц. К восставшим присоединилось некоторое количество ратных людей,

в первую очередь солдат полка А. Шепелева, более воловины которых в 1661 г. участвовало в сражениях. Московские власти не могли воспрепятствовать действиям восставших; они только послали в Коломенское весть, «что на Москве учинилась смута и начали дома грабить».

Приход восставших был неожиданным для коломенского двора. В Коломенском находилось все царское семейство, собиравшееся в этот день праздновать именины царской сестры царевны Анны Михайловны. Его обслуживал целый штат придворных. Охрана дворца состояла из стрельцов. В царской резиденции было, несомненно, более 1000 человек, способных оказать сопротивление. 4–5 тыс. восставших, пришедших в Коломенское, хотели идти на царский двор, но их не пустили стрельцы; стрелецкие головы докладывали царю, что восставшие «на двор великого государя насилством идут и ворота ломают», бьют челом, чтобы царь принял челобитную и прокламацию («лист»), выдал бояр «за их измену» и «велел казнить смертною казнию». Царь, бывший в церкви у обедни, выслал для переговоров бояр с указом взять у восставших «лист и челобитную», а повстанцам — идти в Москву; туда обещал направиться и сам царь. Но восставшие «боярам отказали и листа и челобитной не дали и учинилися великого государя указу силны и били челом с великим невежеством». Автор летописца 1624–1691 гг. говорит, что царь вынужден был после неудачи своих сановников выйти сам. По Майербергу, Алексей Михайлович обещал разыскать и строго наказать «уличенных» бояр, но сказал им, что требовать их выдачи «несправедливо». После «договора» с царем восставшие направились в Москву, где, согласно обещаниям царя и бояр, должно было начаться расследование боярской «измены».

В Москве события развивались еще более бурно. Очевидец событий шведский комиссар А. Эбере рассказывает, что народ ворвался в дома В. Шорина, С. Задорина; все в них было разграблено; восставшие (в погроме участвовало несколько тысяч человек) наводили ужас в городе; этим объяснялось продолжавшееся бездействие московских властей. Эбере добавляет, что у домов всех «знатных», против которых был направлен гнев восставших, поставили стражу. Из следственных

10. Московское восстание 25 июля 1662 года («медный бунт»)

материалов известно, что было арестовано более 225 «грабильщиков». Из них 18 человек были повешены 26 июля. Это, несомненно, наиболее активные участники погромов в Москве. Среди них — восемь посадских людей, пять служилых людей, два холопа и др.

Погромы продолжались до ухода новой партии восставших из Москвы в Коломенское с сыном В. Шорина. Во время погрома двора Шориных восставшие, очевидно, искали обоих «изменников» — отца и сына. Но В. Шорин спрятался в Кремле на дворе Черкасских. Борис, переодевшись в крестьянское платье, «побежал с Москвы в телеге»; его поймали в четвертом часу дня, т.е. между 7:30 и 8:30 часами утра, вскоре после ухода первой партии восставших в Коломенское. Б. Шорина привели в Кремль «ко Мстиславскому двору», где восставшие, не встречая противодействия властей, очевидно допрашивали молодого Шорина и «научили говорить, чтоб он сказывал, что отец его побежал в Польшу вчерашнего дня з боярскими листами». Восставшие после чтения прокламации были уверены в «измене» В. Шорина и его бегстве в Польшу, так как его не было дома во время погрома, а сын собирался бежать неизвестно куда. В Кремле собралось «воров болши 5000 человек», они вместе с Б. Шориным, свидетелем «измены» отца, направились в Коломенское. Восставшие, возбужденные «подтверждением» слухов об «измене», «бежали в Коломенское и говорили: повели де Васильева сына Шорина и с ним де сказывали письмо воровское». В городе снова начали бить в набаты. Встреча двух партий восставших (одна шла в Коломенское из Москвы, другая — из Коломенского в Москву) произошла где-то на полпути между столицей и царской резиденцией. Общая численность восставших почти удвоилась, хотя часть из первой партии уже отстала от движения и возвратилась в Москву. Огромная толпа снова заполнила площадь коломенского дворца, среди них по-прежнему были солдаты полка.

После прекращения погромов «бояре Москву велели запирать по всем воротам кругом», чтобы никого не впускать и не выпускать из города.

По свидетельству источников, повстанцы во время второго прихода в Коломенское снова пришли «к царю на двор

сильно». Здесь снова происходили какие-то переговоры бояр с восставшими («бояре выходили на улицу»). Однако переговоры не дали результатов, участники «гиля» «сердито и невежливо» разговаривали с Алексеем Михайловичем. Перепуганный Б.В. Шорин подтвердил слова восставших, будто его отец «побежал в Польшу с боярскими листами». Восставшие решительно потребовали выдать бояр «для убийства», царь «отговаривался» тем, что он едет для сыска в Москву. В ответ из толпы раздались крики, грозившие самочинной расправой с «изменниками», не считаясь с волей царя: «Будет он добром им тех бояр не отдаст, и они у него учнут имать сами по своему обычаю». Восставшие, очевидно, собирались перейти к действиям. Солдаты полка А. Шепелева в это время расправлялись со своими начальными людьми, некоторых из них «били» и «в воду вогнали». Обстановка становилась крайне напряженной для царя и его окружения.

К этому времени в Коломенское и вокруг него стянули большое количество войск, придворных и их холопов; их общее число составляло не менее 6–7 тыс. человек, возможно, даже больше, до 8–10 тыс. Собранных сил было вполне достаточно для расправы с повстанцами. Алексей Михайлович резко изменил тон и вместо продолжения разговоров с ними «тихим обычаем» дал сигнал начать резню. Восставших убивали и ловили в Коломенском, его окрестностях, на всех дорогах между селом и столицей, под стенами Земляного города. Атмосфера расправы хорошо передается в сообщениях современников. По Котошихину, «царь, видя их злой умысел, что пришли не по добро и говорят невежливо, з грозами, и проведав, что стрелцы к нему на помочь в село пришли, закричал и велел... тех людей бити и рубити до смерти и живых ловити. И как почали их бить,... почали бегать и топиться в Москву реку...». Собакин говорит, что после того, как восставшие «указу великого государя учинились непослушны», Алексей Михайлович велел их «имать и вязать и сажать в столовую избу, а иных велел побивать до смерти», «сечь и рубить их без милости, имавши их, вешать». В результате расправы «многих черных людей и бунтовщиков и всяких вольных людей в селе Коломенском побили и перевешали». Солдат полка А. Шепелева, участвовавших в восстании,

10. Московское восстание 25 июля 1662 года («медный бунт»)

царь «велел тоже рубить до смерти и, имавши, вешать и в реках топить и в болотах безо всякия милости и пощады».

В прибавлениях к Новгородской III летописи сообщается, что царь велел «воров» казнить, вешать и топить в Москве-реке; «тогда не точию чернь погубляху, но и всяк народ, смотрелщиков, множество разного народа погибло... А после многих невинных яша мужей и жен, в струги садиша и дны прорубаше и тако топиша». В летописце из Публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина говорится, что «бунтовщиков московские стрелцы побили и в Москве реке потопили». По словам автора-летописца 1624–1691 гг., московские стрелецкие полки «объедоша мятежников кругом и повелением царевым всех мечю предаша, овых в поле бежащих, иных же чрез реку плывущих конницею, боярскими людьми побиени и утоплени быша»; расправа была столь массовой и жестокой, что автор, сильно преувеличивая, заканчивает: «и ни один от них убеже, вси погибоша». Таким образом, современники говорят именно о массовой резне и диком погроме, учиненном властями в Коломенском, Москве и их окрестностях.

После подавления бунта к следствию в розыскных комиссиях в общей сложности было привлечено более 1700 человек, из них около 1500 арестованных и около 240 свидетелей. Из общего числа арестованных к различным казням было приговорено 30–32 человека. Большая часть арестованных — свыше 1400 человек — была сослана.

В ходе розыска пытали 196 человек, 180 из них получили в общей сложности 3896 ударов. Эти цифры не являются исчерпывающими, так как не все допросы арестованных и, вероятно, свидетелей сохранились. Картина следствия, которая вырисовывается достаточно отчетливо, хотя и неполно, из материалов сыска, дополняется показаниями современников. Так, Г. Котошихин сообщает, что, помимо пыток, казней (отсечение рук и ног, пальцев), ссылок, «иных, бив кнутием, и клали на лице на правой стороне признаки, розжегши железо на красном, а поставлено на том железе «буки», то есть бунтовщик, чтоб был до веку признатен».

Всего в результате подавления восстания было убито, потоплено, повешено и арестовано не менее 2,5–3 тыс. человек.

Правительство, конечно, оказалось в состоянии подавить недовольство своих подданных, но ненадолго. Уже через четыре года протест подавленного нуждой народа начинает прорываться наружу (поход Василия Уса 1666 г.) и выливается затем в грандиозный пожар Крестьянской войны под руководством Степана Разина. Глубоко символичным является факт участия в разинском восстании повстанцев 1662 г., поднявших «мятеж» и испивших свою чашу тяжких страданий незадолго до выступления удалого атамана и его «детушек».

11. Восстание Степана Разина

Комментарий Н. Костомарова:

«Ненависть к боярам, воеводам, приказным людям и богачам, доставлявшим выгоды казне и самим себе, приводила к тому, что жители перестали смотреть на разбойников как на врагов своей страны, лишь бы только разбойники грабили знатных и богатых, но не трогали бедных и простых людей; разбойник стал представляться образцом удали, молодечества, даже покровителем и мстителем страждущих и угнетенных».

Источник: Е.И. Заозерская «Восстание Степана Разина».

Существовавшие экономические трудности 1660-х годов являлись основой недовольства и в центре, и на окраинах, особенно казацких, где казаки привыкли добывать средства существования в походах «за зипунами». Быстрый рост «разбойного» отряда Василия Уса в 1666 г. (до 600 человек) говорит о том, что на Дону и близких к нему местах были сотни людей, искавших «в казаковании» выход из тяжелых условий жизни. В конце 1660-х годов налицо оказался другой предводитель — смелый казак Степан Разин, бывавший в Москве и в других местах и видевший, какие трудности переживает «простой народ». Дон и в это время был известен своим правилом в отношении беглого люда — «с Дону выдачи нет».

Наиболее ранние сведения о сборах Разина на Волгу весной 1667 г. мы находим в сокращенном изложении сообщений царицынского воеводы Андрея Унковского. Унковский писал в Москву о сборе на Дону «в Паншине и в Кагалинском городках» многих воровских казаков, «а чаять де, их будет с 2000 человек». Сам Разин, осадив Царицын 28 мая 1667 г., сообщал воеводе Унковскому причину и цель выступления: «В войске де им (т.е. на Дону) пить и есть стало нечево, а государева денежного и хлебного жалованья присылают им скудно, и они де пошли на Волгу реку покормитца». В отряде Разина насчитывалось тогда до 1500 человек.

Уже на первом этапе движения это был не просто «разбойный» поход. Приведем один из ранних, но выразительных актов разинского поведения. Под урочищем «Каравайные

горы», разинские струги задержали партию ссыльных, которых сопровождал из Казани в Астрахань и на Терек астраханец Карейтов. Разинцы ограбили последнего «совсем без остатку», а ссыльных «взяли к себе на струги и кандалы на них разбили и пометали в воду», предоставляя освобожденным выбор: «Хто де хочет итти с ними, воровскими казаками, охотою, а неволей де они никого с собою не емлют». Семнадцать человек — стрельцы и солдаты, беглые и гулящие — согласились на это. Но далеко не со всеми так милостивы были Разин и его товарищи. 13 мая 1667 г. саратовские воеводы сообщали, что на Волге Разин и его «войско» «многие струги и насады поймали и гостя Василья Шорина и многих промышленных людей погромили», а хозяев этих судов взяли «в полон». Работные же люди, человек 100, «пошли в казаки» к Разину. В том же сообщении из Саратова говорилось, что атаман Разин с товарищами «патриарших и дворянина, казанского митрополита приказчика, и одного работника Шорина повесили и четырех человек посадили в воду, да и других вешают», а пошли они «вниз Волгою рекою». Так с самого начала становилось ясно, кто для Разина и разинцев были «друзи», а кто — недрузи, с которыми они поступали достаточно жестоко.

Чебоксарский стрелец, плывший по Волге в июле из Царицына к Симбирску сообщил об «измене» стрельцов, которые были посланы из Астрахани против возмущившихся казаков, а теперь двигались вместе с ними на трех стругах. Успехи изменили и число участников движения Разина и условия похода. В разинском отряде было уже много людей, и плыли они не на плотах, а в 35 стругах. И на Дону были сторонники Разина, собиравшиеся к нему в поход. Так, из «памяти» Казанского дворца в Посольский приказ от 20 июля 1667 г. узнаем, что на Дону казак Микишка Волоцкой в конце июня собрал 40 человек и они «хотят итти на Волгу к Разину». Шестого июля донской казак, приехавший с Дона из Кагальницкого городка, донес Унковскому, что «в низовых донских городках прибираетца за Стенькою ж Разиным донской козак Ивашко Серебряков», который «прибрал» уже 250 человек и продолжает вербовать по городкам сторонников «безпрестанно».

Уже летом 1668 года Разин и его соратники находились в пределах Персии: выбрались они с базы в Яицком городке 23 марта «в ночи», а в «шахову область» пришли «в прошлом во 176 (1668) году после Петрова дни».

Между тем на Дону в зимние и первые весенние месяцы 1668 г. собралось большое количество голытьбы — беглых крестьян и холопов из разных мест России. Они намеревались ранней весной направиться для соединения с Разиным и выбирали для этого предприимчивых атаманов Н. Волоцкого, И. Мызникова, С. Кривого, В. Уса, И. Серебряникова, А. Каторжного и др. Постройка у Переволоки крепости Камышина не остановила голытьбу, она находила окольные дороги на Каспий и, выйдя на морские просторы, добывала как могла (главным образом нападая на торговые суда) себе пропитание. Но пропитание искали и разинцы, попавшие в чужие края, о чем сообщали военным начальникам в Астрахани прибывавшие с Кавказа и из Персии люди. Со слов жителя приморского города Терки, узнаем, что здесь «сшелся» Разин с Сергеем Кривым, и вместе со своими казаками они город Шевран «пограмили», взяв ясырь, и «живота, и скотины». Из Астрахани воеводы летом 1668 г. сообщали в Москву более тревожные сведения о том, что казаки «многие шаховы городы и уезды», в том числе Фарабад и Астрабад, «вырубили и выжгли» и взяли большой полон. Ясно, что оставаться в персидских водах (где они пробыли больше года) разинцам было рискованно, тем более, что местная беднота — «иноземцы, скудные многие люди» — охотно приставала к ним, и шах поэтому готовился к походу на казаков.

Воинственные настроения и походная практика в течение двух лет глубоко вошли в быт и сознание голытьбы, тем более что ей доставались из взятого имущества не только необходимые, но и ценные вещи, которые голытьба не могла получить никаким другим путем. Отряд сохранил добытые в походе товары и, по словам Фабрициуса, получил «волю» «торговать захваченными в Гиляни вещами» и даже пленниками, которых выкупали персидские купцы, имевшие постоянные торговые связи с Астраханью. Торговля продолжалась 1,5 месяца; когда кончилось пребывание Разина

в Астрахани, казаки на веслах добрались до Царицына, а оттуда за один день до Паншинского городка.

С Дона в поход вышло 600 человек, вернулось же в Астрахань 1200 и «полона» привели 93 человека. Воевода Прозоровский обещал отпустить их в мелких судах на Дон, «хто на Дон итти с атаманом со Стенькою Разиным похочет», а которые «похотят в Астарахани быть или куды в прежние житья итти, и в том у них, казаков, приговорено повольно, где хто похочет жить». 5 октября 1669 г. разинцы пошли к Дону. Оттуда последовало известие, что донские казаки возвращению Разина «ради и называют де ево, Стеньку, отцом». Со всех сторон к нему шли голутвенные и «многие» гуляющие люди, которых он и его товарищи снабжали ружьем и платьем. Ожидалось новое возмущение гольтьбы: «Без воровства конечно не будет, потому что на Дону стало гораздо много, а кормитца им нечим». Разин со своим «войском», которое все увеличивалось, не стал жить в казачьих городках. Они нашли остров, «длиною версты с 3», где сделали себе «земляные избы». Донских казаков, которые не видели своих родных три года, он отпускал «на срочные дни за крепкими поруками», а казаков, запорожских и донских, «которые голутвенные люди» и к нему «идут беспрестанно», Разин принимал, ссужал деньгами и уговаривал «всячески» оставаться с ним. В результате, в декабре 1669 г. у него уже было 2700 человек, «и приказывал он казаком беспрестанно, чтоб они были готовы».

Какова же была цель первого похода? Это «разбойный» поход, какие искони совершались южными казаками, в том числе донскими, из нужды в хлебе и одежде, а также в погоне за восточными ценностями. Немаловажное значение имела большая нужда в предметах первой необходимости, и прежде всего в хлебе. Эта мера вызывала практику казачьих «грабительских» походов по сухопутным и морским путям.

Но и в период первого похода уже создавались условия для будущих действий Разина как руководителя Крестьянской войны. Оказавшись на Дону, он, как сообщает Фабрициус, «начал тайком привлекать к себе простых людей», намереваясь «истребить изменников бояр». И это была не случай-

ная или необдуманная фраза. Из того же источника узнаем, что уже в Астрахани Разин не скрывал своих намерений. По словам Фабрициуса, он «сулил вскоре освободить всех от ярма и рабства боярского, к чему простолудины охотно прислушивались, заверяя его, что все они не пожалеют сил, чтобы прийти к нему на помощь, только бы он начал».

Осень 1669 и зиму 1669–1670 гг. Разин со своим войском провел, как указывалось, на Дону, обособившись от «войска Донского», в заново сооруженном земляном городке. В течение нескольких месяцев разинское войско увеличивалось за счет молодого поколения донских казаков и пришлых, точнее, беглых людей. Беднейшие слои крестьянства и холопства из центра и южных уездов и раньше бежали на Волгу и Дон. Теперь же слухи об удачливом атамане, привечавшем «голытьбу», распространялись все шире, и к весне 1670 г. войско Разина достигло 4000 человек (т.е. значительно выросло по сравнению с тем, каким оно было по возвращении из похода). Решался вопрос: куда идти весной; в решении принимал участие не только «командный» состав, но и все войско, теперь вооруженное, одетое и более дисциплинированное. В конце 1669 г. собранный в Черкасске круг выявил, что абсолютное большинство желает следовать по пути первого похода на Волгу, а затем, очевидно, и на море. Но это было предварительное решение, а более обязывающим явился круг в апреле 1670 г. в Паншине, куда передвинулось разинское войско. На этот раз Разин выступил с предложением идти «на Волгу, а с Волги итти в Русь» для борьбы «против государевых неприятелей и изменников, чтоб им из Московского государства вывести изменников-бояр и думных людей и в городах воевод и приказных людей», а «чорным людям дать свободу».

Первой большой победой разинцев было взятие Царицына. За ней последовали победы над двумя отрядами: присланным из Астрахани во главе с князем Львовым и пришедшим с севера под командой Лопатина. От Царицына и Черного Яра Разин двинулся вниз с войском, увеличившимся до 10000 человек. Но еще до ухода из Царицына Разин, верный демократическим порядкам в своем войске, организовал

снова круг для решения вопроса о предстоящем пути; дело было в том, что, очевидно, сам он понял, что оставлять за собой непокоренную Астрахань опасно, тем более что там было много разных запасов. Ни Каспийское море, ни Волга как цели похода в это время уже не выдвигались. Осталось одно направление — центр государства. Но достигнуть его можно было двумя путями: или «итти вверх по Волге под государевы города и воевод из городов выводить или б де итти к Москве против бояр». Но было необходимо занять Астрахань, куда 5 июня, по словам пленного Колесникова, войско Разина двинулось через Черный Яр.

Астрахань была взята 24 июня, Разин задержался там на месяц. Ряды его снова пополнились. Численное увеличение сподвижников похода позволило Разину 4000 человек оставить в Астрахани с Василием Усом, 2000 послать на Дон с братом Фролом, а около 8000 взять с собой. Все это вызывало тревогу и в Москве, и в других местах, особенно в городах, лежавших на пути Разина. До представителей господствующего класса доходили слухи о том, что с Волги «воры» пойдут «к Москве и на Москве побьют бояр»; к этому добавляли: «...а ныне де Волга река стала их, казачья».

Челны Разина поднимались вверх по Волге, прошли мимо Саратова и Самары, защита которых была слаба. Слава и силы атамана казачьих войск настолько окрепли, что заставляли его противников молча склонять головы и пропускать его челны без боя, а сторонников почтительно и ласково называть его «батюшкой Степаном Тимофеевичем». К этому времени значительно изменился состав войска восставших. Донское и хоперское казачество, составлявшее не только ядро, но и большую часть разинского войска на первом этапе и при выходе с Дона в 1670 г., не получало на Волге не только такой добычи, как на Каспии, но и достаточного пропитания. Это привело к бегству людей от Разина при приближении к Царицыну. При многочисленности войска сокращение основного костяка армии казалось незаметным. Однако обучать на ходу вливавшуюся массу новых людей, преимущественно из среды крестьян, приходивших безоружными, привыкших к земледельческому труду, или

11. Восстание Степана Разина

из холопов, нередко чуждых военному делу и походной жизни, было невозможно. Обстановка же под Симбирском, куда царские полководцы успели двинуть настоящую армию под предводительством умелых военачальников, требовала максимальных усилий.

В августе 1670 г., когда Разин направлялся к Симбирску, царское войско еще только мобилизовывалось. Рассылались в десятки городов и городков центра грамоты с изложением поведения Разина, и требовалось от дворян и детей боярских, чтобы «они ехали в полк» Ю. Долгорукова «тотчас, безсрочно, безо всякого мотчанья». У тех, кто не поедет, царь указал отнимать вотчины «бесповоротно и отдавать челобитчиком, которые будут на нашей службе»; если же кто сбежит со службы, «тем... быть казненным смертью безо всякие пощады».

Но и Разин не терял времени. В отписке из Алатыря от 16 сентября 1670 г. воевода Бутурлин сообщал, что в Симбирском уезде повсеместный «бунт», так что проехать в город «никоторыми делы нельзя». В Симбирск направлялись многие дворяне и дети боярские, мурзы и татары, но их не пускало местное население, истреблявшее также своих дворян и детей боярских. «Бунт» был вызван грамотами Разина и его соратников, которые призывали «бить и грабить» своих недругов.

Разин не дал времени собраться правительственным войскам и 4 сентября двинул свое войско на Симбирск. Об упорных, продолжавшихся четыре дня сражениях казаков с войском Бярятинского последний рассказывает в своей отписке в Приказ Казанского дворца от 6–14 сентября. Осторожно сообщая о полном поражении и прося о помощи людьми, он в то же время презрительно кончает: «И тако с ним вором такой же бой будет, и ево само вору-казаки, свезав, отдадут или убьют».

Разин взял Симбирск, кроме его крепости, где продолжал отсиживаться воевода И.Б. Милославский с небольшим числом стрельцов, ждавший помощи. Тем временем Разин готовился к будущей схватке, проявляя большую энергию и организованность. На обитавшее в здешних местах населе-

ние должны были оказать влияние «прелестные письма», посылаемые с верными людьми, являвшимися в какой-то степени агитаторами. В самом Симбирске установлен был строгий военный порядок. В городе и уезде истребляли «служилых людей», а со стороны в Симбирск нельзя было проникнуть.

Пензенский воевода Е. Лачинов сообщал тамбовскому воеводе, что Разин в Симбирске спешит вооружить вновь приходящих к нему безоружных людей: «Делает... бердыши всяких чинов людьми день и ночь беспрестанно...»

Тем временем разинские «загонщики» по всему уезду расправлялись с землевладельческими верхами, которые, собравшись, могли оказать содействие царским воеводам: «Помесных де людей, дворян и детей боярских, и мурз, и татар, за которыми крестьяне есть, рубят и лошадей берут». Вести о приходе и победе Разина распространяли его «загонщики», которые поднимали вокруг Симбирска народ. «Мордва и черемиса и чюваши» и «их помещиков люди и крестьяне» — теперь главная сила восстания.

18 сентября изменили правительству «атемарцы» и сдали город разинцам. 19 сдались жители Инсара и Саранска. Симбирский и соседние уезды охватила Крестьянская война.

Сражение, решившее судьбу восстания, произошло 15 сентября, когда обе стороны еще были не вполне готовы к нему. К городу по требованию и военачальников, защищавших Симбирск, и самого правительства двигались войска; Разин не мог откладывать решительное сражение. 10 сентября он повел свое войско на приступ Симбирской крепости, где засел со стрельцами воевода Мирославский; «из города ево (Разина) побили». Пришлось отступить и потратить на отдых и новые сборы три дня, после чего на приступ пошли ночью: Разин «велел всякому нести дрова и зажигать город». Однако было и «на том де приступе безмерно воров многих побито». Но Разин, понимая значение взятия Симбирска — этих ворот на Русь, проявлял упорство и, «опустя немногие дни, велел валить вал от казанские стороны сажень на 4 в длину». Это было огромное сооружение «близко з городом наровень»; Разин распорядился снова вооружиться дровами и «метать через вал, меж валу и городовые стены». Карти-

на была зловещая; огонь поднимался выше стены, дым окутал город, Милославский распорядился, чтобы «в которых местех огонь был высок, и из города де завесили парусами и заливали водою». Перед нами картина средневекового боя. В это время к Милославскому подошли подкрепления; и снова на приступе у Разина «много людей пропало»; тяжело был ранен сам атаман на поле боя; в беспорядке его войско стало отходить. Бежали к стругам, ранили друг друга, стремясь попасть на них («за суды кололись»), бежавших добивали «государевы ратные люди», а которые разинцы «метались в струги, и те все от тяжести потон».

Из расспросных речей некоего Андрюшки, бежавшего из Симбирска и оказавшегося в гребцах струга, на котором был Разин, видно, что сопровождавшие атамана донские казаки (около 40 человек), не сломленные неудачей, говорили, что «на весну де пойдут они» снова, вот только не знают, «где им зимовать». Казаки доставили Разина в Кагальник, затем он перебрался подальше от домовитых казаков на устье Медведицы, чтобы весной поднять 4000 калмыков и «быть с колмыки в Танбов». Уверенные речи поправлявшегося Разина доходили до местных воевод, а через них до Москвы, что нашло отражение в царской грамоте о подавлении восстания: Разин, живя в Кагальнике, «нимало не помышлял» отказаться от борьбы с угнетателями народа, «писал вновь в Астарахань, чтоб к весне готовились прежнюю итить рекою вверх, а он с ними готов». Сборы вверх, а не на море означали, что Разин думал не о богатой добыче, а о трудной борьбе с народными «кровопивцами». Сборы не осуществились, домовитые казаки выдали Разина на страшнейшие муки в московских застенках, затем на Красной площади (по другим данным — на Болотной) Разин был казнен.

Разин умер, преследуемые казаки ушли на Дон. Голытьба шла туда, где в это время вспыхивали крестьянские восстания под теми же лозунгами, что и движение Разина. Это отмечали даже иностранцы. «Повсюду обещал он народу вольность и избавление от ига (так он именовал сие) бояр и дворян, которые, как говорил он (Разин), держат страну под гнетом», — пишет неизвестный иностранный автор со-

чинения под названием «Сообщение касательно подробностей мятежа...» И дальше автор приводит знаменательные слова об отношении к вождю «мятежа» в самой Москве, где «люди открыто восхваляли Стеньку, полагая, что ищет он общего блага и свободы для народа». И «народ», не только сопровождавший его и с верой подчинявшийся ему, но и никогда не видевший его, хранил к нему то же отношение. Тот же автор приводит любопытный факт: «Человек один, уже в годах, будучи спрошен, что надобно делать, ежели Стенька подступит к стенам города Москвы, отвечал, что надобно выйти ему навстречу с хлебом-солью, а это, — замечает иностранец, — как известно, является в России знаком дружелюбия и приязни».

**12. Сопротивление старообрядцев
во второй половине XVII века:
от разинского бунта
до федосеевской общины**

Раскол — одно из важнейших событий в истории России. Преследования со стороны властей сторонников старого обряда вызвали множества форм протеста: от открытого противостояния и массовых самосожжений до создания максимально изолированных старообрядческих общин, отвергающих не только новую церковную власть, но государство в принципе. Старообрядчество в том или ином виде не раз еще проявит себя в различных исторических потрясениях, включая пугачевское восстание и революцию 1917 года.

Источник: С.А. Зеньковский «Русское старообрядчество».

В результате раскола русской церкви сторонники старого обряда оказались в оппозиции к церковным и светским властям. Главные идеологи старообрядчества — протопоп Аввакум, священник Лазарь, диакон Феодор, соловецкий инок Елифаний — были сосланы и помещены в заточение в Пустозерске.

Зима 1669–1670 годов была очень беспокойной. На Дону волновались голутвенные казаки, которые готовились к большой войне против московского правительства. Дела в Малороссии принимали все более сложный характер, и на ее границах под главенством Дорошенко сосредоточивались большие силы крымских татар и запорожских казаков, занявших недружелюбную России позицию. Переговоры с Польшей и Швецией о вечном мире, который уже давно должен был быть заключен, бесконечно затягивались. Немудрено, что подобные условия подсказали московскому правительству мысль о необходимости навести порядок внутри самой столицы и показать свою решимость в отношении все еще не смиравшихся церковных мятежников. Письма, челобитные и трактаты, которые посылали из Пустозерска тамошние узники, затягивавшаяся блокада Соловецкой обители и наконец страстная пропаганда Авраамия, проповедовавшего, что все власти попали под влияние Антихриста, показывали, что активность церковной оппозиции делается все более и более опасной для спокойствия страны.

Первой жертвой этой новой «чистки» стал апокалиптический проповедник Авраамий. При аресте в ночь с 13 на 14 февраля 1670 г. у этого юродивого поэта и агитатора нашлись писания игумена Феоктиста, игумена Антония и Неронова и недавно

полученные из Пустозерска письма Аввакума и Феодора. Для пресечения сношений пустозерского центра с Москвой и особенно с начавшим волноваться Доном на Север для соответствующих увещаний и наказаний был послан стрелецкий полуголова Иван Елагин. Прибыв в Пустозерск, стрелецкий полуголова потребовал, чтобы все четыре ссыльных приняли трехперстное крестное знамение, новый символ веры и другие обрядовые новшества. Не сдавшиеся на увещевания собора пустозерцы, конечно, не реагировали и на аргументы и угрозы Елагина. Тогда Елагин «взял из тюрьмы протопопа Аввакума, попа Лазаря, дьякона Федора и старца Епифания и шли они до уреченного места на посещение, где плаха лежит и мучительная вся готова, и палачь готовитца для посещения их. Они же никак не унывшие, вкупе народ благословляли и прощались, светлым лицом, веселы в своем благочестии непоколебимо стояли и за отеческое предание смерть принимали, а к народам говорили: не прельщайтесь Никоновым учением! За истину страждем и умираем!» Но на этот раз им еще не пришлось умереть. Аввакум был снова пощажен, а Епифанию, Лазарю и Феодору полуголова приказал «за их речи языки резать, а за крест руки сечь».

«Пустозерская казнь» совпала с развитием больших событий на юге и юго-востоке России. Уже с 1667 года, когда Стенька Разин покинул Дон и основал на северном берегу Каспийского моря казачий городок-базу для налетов на Персию, вся юго-восточная русская Украина глухо волновалась. В конце 1669 года Разин вернулся на Дон, захватил там власть, а весной двинулся в новый большой поход, но на этот раз не на персиан, а на бояр и помещиков всея Руси. Как раз накануне «пустозерской казни», 13 апреля 1670 года, его войска взяли Царицын, а летом и осенью бунт разлился от Воронежа до Камы и от Астрахани до Лыскова у Нижнего Новгорода, где когда-то Аввакум служил священником. В сентябре пали Саранск и Пенза, и мятеж, казалось, переливался из казачьих укрин в самый центр Московского государства. Но занявшись грабежом Астрахани, казаки Разина упустили время, и после их первых успехов пришли поражения. Социальный мятеж скоро остался без главнейших — опытные и энергичные воеводы князь Юрий Алексее-

12. Соппротивление старообрядцев во второй половине XVII века...

вич Долгорукий и князь Юрий Никитич Барятинский разбили главные силы разинцев, а 14 апреля следующего 1671 года сам Разин был схвачен домовитыми казаками и выдан на казнь в Москву. Пламя крестьянского и инородческого пожара пылало еще сравнительно долго, и воеводам и правительству пришлось применить самые жестокие меры, чтобы приостановить эту попытку расправы с правящим классом.

Само разинское движение было религиозно нейтрально. Часть старообрядцев поддержала Разина, и к нему примкнуло немало священников, недовольных и обрядом, и властями, и епископатом. Так, например, склонный к старой вере поп Никифор Иванов все время сопутствовал самому Разину. Некий поп Савва оперировал во главе повстанческих отрядов. Во многих селах и городах священники встречали повстанцев с иконами и колокольным звоном. Однако несмотря на свое паломничество в Соловецкий монастырь, сам Степан Разин был довольно безразличен к церковным, да и вообще религиозным вопросам и был настроен скорее антиклерикально, почему его трудно подозревать в склонности к «старой» или «новой» вере. Недаром, как после подавления восстания показывал атаман донских казаков Михаил Самаренин, Разин советовал своим казакам не строить церквей, не ходить на церковные богослужения и велел им вместо церковной свадьбы «венчатца около вербы». Во всяком случае при подавлении разинского бунта и последующей чистке бунтовавших областей, правительственные войска и их начальники расправлялись со всеми подозрительными им элементами, и тысячи и даже десятки тысяч виновных и невинных людей погибли от меча, виселиц и огня карательных отрядов. После их усердной работы в одном из нижегородских уездов число домов-хозяйств уменьшилось на 10000, а число официально казненных достигало 11000. Многие предпочитали скорее сжечься сами, избегая одновременно и палачей, и антихриста, чем подвергнуться пыткам и мучениям.

На связь нижегородских гарей с казнями указывал и Аввакум в своей «Книге Бесед», написанной вскоре после этих ужасных событий и во всяком случае не позднее 1675 года: «А по Волге той живущих во градах, и в селех, и в деревенках тысяща тысящами положено под мечь, нехотящих принять печати антихри-

стовы. А иные ревнители закона суть, уразумевше лесь отступления, да не погибнут зле духом своим, собирающиеся во дворы з женами и детьми и сожигаются огнем своею волею».

Другие старообрядческие материалы тоже говорят о происходивших в это время горях и насчитывают до 2000 добровольно сгоревших человек в районе Нижнего Новгорода, особенно по реке Кудме, на берегах которой родился и Аввакум. Немало последователей Капитона и его учеников кончали жизнь добровольным голодом — так в это время оба способа «самоубийственных смертей» были еще одинаково популярны среди «непокорников», убегавших от Антихриста и царских воевод. «В нижегородской области многие бо тысячи огнем во овинах и избах сгореша, в луговой стороне в морильнях от своих учителей закрыты померли», — сообщал Фролов. Правительственные сообщения, к сожалению, подтверждают эти рассказы старообрядческих писателей. «В том же году, в Нижегородском Закудемском стану во многих селах и деревнях крестьяне к Божиим церквям не приходили и пенье церковное и таинств не принимали, и во всем от раскольников розвращались, и многие по прелести их с женами и детьми на овинах пожигались», — доносили царские власти с Волги.

Волна расправы со всеми противостоящими властям и церкви мятежниками и недовольными захватила также и Москву и другие оставшиеся в стороне от Разиновщины города. Дворецкий боярина Салтыкова, некий Исайя, был сожжен, а с ним, по всей вероятности, пострадали и другие менее известные старообрядцы. Молодой князь Иван Хованский был бит батогами. Старец Авраамий после долгих попыток духовенства во главе с митрополитом Павлом переубедить его был 13 августа 1670 г. расстрижен, брошен в новую гражданскую тюрьму и зимой 1671–1672 годов сожжен. В это время власти, по словам Аввакума, «и иных поборников Христовых, многое множество погубили». Имена многих из них сообщает он сам: «На Кольском полуострове рассекли на пятеро соловецкого старца Иону, который проповедовал в Поморье; в Киеве сожгли стрельца Илариона; в Нижнем Новгороде одного и в Казани тридцать человек; в Холмогорах был сожжен юродивый Иван, во Владимире шесть». Сосланный в Печенгский монастырь за обличения царя

12. Соппротивление старообрядцев во второй половине XVII века...

Иван Красулин был сожжен в 1671 году. В июне того же года был обезглавлен соловецкий дьячок Иван Захаров.

Начатая в 1668 году блокада Соловецкого монастыря была не эффективна, и поэтому правительство неоднократно обращалось к монастырю с предложением прощения, если он покорится и примет новую веру. Но братия каждый раз с негодованием отвергала предложения правительства. Население берегов Белого моря, вполне сочувственно относившееся к защитникам монастыря, снабжало монахов дополнительными, к имевшимся уже в обители на складах, запасами продовольствия, по преимуществу рыбой и овощами. Только весной 1674 года А.И. Мещеринов, сменивший полковника Клементия Евлева, второго командира блокировавших монастырь войск, высадил свои войска на главном острове архипелага и начал регулярную осаду крепости. Вокруг монастырских стен были построены бастионы и окопы и установлены стенобитные орудия.

В последние годы осады в монастыре среди его защитников начались раздоры. По мере того, как осада затягивалась, начал замечаться союз между наиболее фанатичными противниками новых книг и политическими радикалами из среды мирян, пришедших на помощь монастырю. По некоторым донесениям часть разинцев после разгрома основных сил казачьего восстания в 1670 году проникла в монастырь и призывала монахов «стоять и биться против государевых людей за воров, за сотников и помереть всем заодно».

Никанор и служба Федюшка Бородин стали с 1674 года вдохновителями сопротивления. Несмотря на все попытки царских войск Мещеринова овладеть монастырем, братия и мирские ее сторонники отбивали правительственные отряды. Зима 1675–1676 года была наиболее тяжелой для Соловков, так как теперь осада уже не прерывалась и сообщения с внешним миром были почти что совершенно отрезаны. Правда, большой штурм 23 декабря 1675 года был отбит, но настроение осажденных падало. В январе перебежавший из монастыря к осаждавшим войскам монах Феоктист указал Мещеринову на существование неохраемого ночью тайного пути в монастырь. Ночью 22 января 1676 года стрельцы проникли через

этот тайный путь внутрь монастырских укреплений и открыли ворота войскам. Защитники старообрядческой твердыни проснулись слишком поздно и были почти все перебиты. Никанор и вождь мирян, видимо разиновец, казак Самко были повешены. Перед казнью Никанор, по данным С. Денисова, смело заявил воеводе: «Не боюсь я тебя, ибо и самодержца душу в руке своей имею». Немало и других защитников Соловков погибло в страшных мучениях от рук палачей.

Почти что десятилетнее стояние Соловков за старую русскую веру произвело очень сильное впечатление на всю Россию и особенно на преданное традиции население Севера и Востока России. Еще в середине XIX века на Севере и среди казаков продолжали петь песни о Соловецком стоянии. Действительно, в умах людей старой веры осада Соловков была ничем иным, как лишним проявлением попыток епископов и царя ввести в России вместо древнего православия новую, наполовину греческую, наполовину латинскую веру. Поэтому на Севере России, где падение обители тяжело переживалось большинством населения, оно вызвало большое религиозное напряжение и большую злобу против людей нового обряда. Кроме того, немало соловецких монахов, успевших оставить монастырь до его падения сыграли значительную роль в религиозной радикализации Поморья. Спасшиеся при разгроме монастыря и разбредшиеся по Северу монахи, как, например, старцы Игнатий, Савватий, Евфимий, Иосаф и другие, составили в Поморье наиболее упорные кадры распространителей старой веры. Некоторые из них стали проповедниками самосжигания.

Религиозная радикализация беломорских областей, происходившая с одновременным ростом противоправительственных настроений, началась уже во время Соловецкой осады. «Воры, сотник Исачко Воронин, да кемлянин Самко Васильев», по-видимому, бывшие участники разинского восстания, проникшие в монастырь еще до начала его блокады Мещериновым, «про великого государя говорят такие слова, что не только писать, но и помыслить страшно», — показывал один из перебежчиков. Эти «воры» запрещали молиться за царя, выскребли из церковных списков имена всех членов царской семьи и постоянно заявляли, что они против царской власти. «Не восхотиша

12. Соппротивление старообрядцев во второй половине XVII века...

благочестивого царя себе в государях иметь». Эти же мятежники, а с ними и некоторые монахи начали проклинать всех священников, называли их еретиками, не приходили на исповедь и к причастию, и вместо этого исповедовались один у другого. Многие вообще отказывались ходить в церковь, когда там служили священники. Никанор, хотя и был архимандритом, сам поддерживал этих «воров» в их противосвященнических настроениях и говаривал: «Мы-де и без священников проживем, а в церкви-де часы сами станем говорить, а священники нам не нужны».

Одним из важных районов для постоянного или временного исхода из Москвы, видимо, было Пошехонье, область к северу от Волги в пределах бывшей Костромской губернии. В 70-х и начале 80-х годов Пошехонье стало одним из главных районов распространения гарей. Евфросин говорит о четырех или даже пяти тысячах погибших в Пошехонье на кострах самосжигателей только в 1670-х и 1680-х, а возможно, даже уже и в 1660-х годах. Наоборот, другой современник этих гарей, старец Игнатий, рассказывал Дмитрию Ростовскому, что к началу 1680-х годов было «всего» 1920 жертв. Пошехонье было всегда одним из наиболее отсталых и заброшенных районов в Средней России, и здесь уже в 1630-х годах старец Капитон начал свою проповедь радикальной аскезы. Его ученики могли легко скрываться в пошехонских дебрях, и сведения об их проповеди с трудом доходили до Москвы. Не менее энергично, чем в Пошехонье, пропаганда самосожжения и религиозного радикализма велась в Вязниковских лесах. Здесь заправилами гарей эсхатологического миссионерства были прежние ученики Капитона, оставшиеся на свободе после «похода» 1666 года.

С Верхней Волги и Пошехонья пропаганда гарей легко перекинулась в Новгородский край и в Поморье, всегда тесно связанное с Новгородом. В Новгородском крае почва для церковного мятежа была очень хорошо подготовлена. Уже в XIV веке здесь начала быстро распространяться ересь стригольников, вслед за которой в конце XV началось движение жидовствующих. По всей вероятности, традиция этих ересей сохранялась под спудом в дебрях этого края, в котором всегда легко могли укрыться преследуемые в Новгороде и Пскове еретики. Орга-

низатором первой дошедшей до сведения властей гари в Новгородском краю был некий поп Петр села Федово Ново-Торжского уезда. Ночью с 9 на 10 марта 1682 года его последователи из деревень Блюдиха и Будово и из погоста Прутна в числе полусотни человек покончили с жизнью добровольным аутодафе. Встревоженные власти послали в село Федово пристава, чтобы остановить дальнейшее распространение самосжиганий, но местные крестьяне спрятали священника и чуть не убили самого пристава. Дальнейшие посылки властей для уговора ни к чему не привели, но когда в деревню были посланы стрельцы, то население встретило их крайне враждебно, избито до «полумертвия» дьячка Егорку, прислужника Федьку Санина и пристава Прошку Сидорова, так что сопровождавшие их стрельцы — всего пять человек — и десятские с перепуга разбежались. К сожалению, дальнейшее развитие событий в Федове осталось ввиду отсутствия последующих документов неизвестным, но и сохранившиеся данные показывают, как решительно были настроены крестьяне, решившие защищать своего проповедника гарей. Во время другой новгородской гари сгорели шестнадцать человек, но главные районы распространения самосжиганий лежали не непосредственно около Новгорода, но далее на восток в Поморье, в землях старой новгородской колонизации.

Поморье, расположенное вблизи Пустозерска и Соловков, стало в 1670-х годах главным оплотом старообрядческого движения. Главными центрами движения в этом краю были Троицкая Сунарецкая обитель, устроенная иноком Кириллом, в которой одно время проживал и пустозерский старец Елифаний, и Курженская обитель, основанная автором «Отразительного писания о новоизобретенном пути самоубийственных смертей» старцем Евфросином. Кирилл, в миру Карп Васильев, родился в Андрееве на Волоке, около устья реки Суны, еще в 1608 году и почти всю свою жизнь провел как странствующий инок, которых было так много на Руси XVII века. Когда он однажды вернулся в свой родной край, то родные уговорили его осесть на Виданьском острове на реке Суне. Там в 1640 году Кирилл построил свою келью, вокруг которой разросся целый скит. От церковных властей он получил разрешение поставить храм

12. Сопротивление старообрядцев во второй половине XVII века...

во имя Пресвятой Троицы и поэтому его небольшая обитель и стала называться Троицко-Сунарецкой или попросту «у Троицы». Сунарецкий монастырек постепенно расширялся, а после никоновских новшеств стал склоняться к старому обряду. Около 1682 года Новгородский митрополит приказал схватить Кирилла и жившего в его пустыни иеромонаха, но они успели скрыться, и последующие годы своей долгой жизни до самой смерти, последовавшей около 1690 года, Кирилл жил дальше на севере, на реке Выг, где стали собираться старообрядцы монахи. Хотя по бумагам Сунарецкая обитель в 1682–1683 гг. считалась новообрядческой, но фактически она продолжала жить по старому обряду и нередко давала приют беглецам — ревнителям старого благочестия. Судьба Курженской пустыни, построенной у Повенца иноком Евфросином, была печальнее. После смерти в 1663 году «кроткого владыки» Макария Новгородского обитель просуществовала всего несколько лет, так как, по словам Ивана Филиппова, ее разорил митрополит Питирим, ставший уже в 1672 году патриархом, а ее церковь была даже сожжена. Но, несмотря на короткий период своего существования, обе обители сыграли значительную роль в развитии северного старообрядчества и особенно его умеренного, позже называемого «поповским», крыла.

Противоположным полюсом старообрядческого движения на Севере, возле озера Онеги и на путях от Онеги к Соловкам, были бывшие монахи Соловецкого монастыря, покинувшие обитель перед началом осады. Самым выдающимся среди них был соловецкий экклезиарх дьякон Игнатий, который положил основание знаменитой Выговской общине. После начала гонений на ревнителей старого благочестия Игнатий бродил по скитам и деревням Поморья, избегая встреч с царскими и церковными властями. В последние годы своей деятельности он постоянно бродил в обществе своего друга и последователя Емельяна из Повенца, который так же, как и Игнатий, проповедовал самосжигание. В 1670–1680 годах Игнатий был наиболее выдающимся представителем крайнего пессимистически-радикального крыла старообрядчества, и своим отказом от причастия и духовной помощи священников он стал одним из самых видных представителей раннего беспоповства, еще задолго до оформления этого направления раскола.

Тоже видным соловчанином, работавшим в Поморье, был другой черный дьякон, инок Пимен, новгородец по происхождению. Он стал монахом в Соловках еще в бытность Никона митрополитом Новгородским. До осады монастыря, по всей вероятности, когда туда в 1655 году привезли новые книги, он ушел с Соловков в леса Поморья и вместе со своим учеником Григорием и соловецким писарем Иваном Захаровым долго проживал около Сумского острога. Во время осады Соловков все трое были схвачены по приказу командующего царскими войсками, но, как уверяет Ив. Филиппов, когда этот командир увидел «вериги железные в тело праведного заросшие, тело же все от великого поста и от железные тяжести все истаявшее», то приказал отпустить его с Григорием. Захаров же за распространение противцерковных писаний был казнен тут же на месте. По выговским преданиям, Пимен предсказал будущему главе Выга, что он создаст этот важный старообрядческий центр. Так же, как и Игнатий, он принадлежал к числу проповедников самосжигания и погиб 9 августа 1687 года во время одной из первых больших гарей, в которую он увлек более тысячи человек.

Поморье, да и вообще весь русский Север были особо подходящей почвой для распространения «старой веры», так как там до начала следующего XVIII века каждый приход являлся независимой и сильной церковной и административной единицей и выполнял почти все функции местного самоуправления. До учреждения в 1681 году епархий в Холмогорах и Устюге эти приходы были почти вне контроля и наблюдения центральной духовной и светской власти, сами приглашали своих священников, сами строили церкви и сами управляли церковным и общественным имуществом. Земли и здания приходских церквей были собственностью прихода-общины, а не епархиального или патриаршего управления. Приход-община являлся на Севере основным руководителем местной жизни, ответственным за все имущественные права, коллективные работы и обязательства жителей этой территориальной единицы. На Севере часто создавались крупные и мощные земские объединения приходов-общин, нередко выраставшие в уездные федерации, финансовое, общеэкономическое и моральное влияние которых было часто сильнее, чем влияние местного

12. Сопротивление старообрядцев во второй половине XVII века...

архиерея. Отсутствие на Севере института крепостного права и дворянства позволяло этим общинам и их союзам сохранять старые традиции земской демократии и делало их социально более однообразными, в результате чего они могли избегать значительных внутренних конфликтов. Поэтому Север отнесся враждебно к никоновским «реформам», видя в них желание центра навязать этим прочным свободолюбивым общинам свой новый порядок и новый стиль церковной жизни, а жестокие и авторитарные замашки самого Никона еще более усилили их опасения и сделали из северных общин один из самых стойких районов сопротивления новому обряду. Общины-приходы не хотели слушаться предписаний вводить новый обряд, а священники, которых общины сами избирали, тоже не могли ничего сделать без согласия своих прихожан.

Помимо чисто церковно-общинной традиции играла на Севере очень значительную роль в сопротивлении иерархии древняя привязанность к свободе. Это была традиция не так уж давно подчиненных Москве республик Новгорода, Пскова и Вятки. Здесь колонизация свободных земель также была делом не князей и помещиков, а индивидуальных и свободных крестьян и промышленников. В годы разрухи Смутного времени привычка к самостоятельной деятельности сказалась особенно ярко, когда Галич, Вологда, Великий Устюг, Тотьма, Холмогоры и другие более мелкие города сами проявили инициативу создания ополчения и обороны государства. Здесь в церковной и особенно монашеской жизни сохранялся дух заволжских старцев, которые не любили ни централизации, ни предписаний в духовной жизни и организации своих скитов.

Тесная связь русского Севера с Уралом и Сибирью, население которых в большинстве пришло из бывших новгородских восточных областей и с которыми оно в XVII веке сохраняло тесные экономические связи, сказалась и на распространении раскола в этих новых русских землях. Конечно, корни старообрядчества начали разрастаться в Сибири еще в 50-х и 60-х годах, когда сосланные туда патриархом Никоном протопоп Аввакум, поп Лазарь, подьяк Феодор Тимофеев и другие противники новых обрядов и книг начали там борьбу за «старую веру». Их усилия дали богатые плоды, и в 70-х годах значительная часть

населения этого края была уже в рядах последователей старого обряда. 6 января 1679 года друг Аввакума поп Дометриан, принявший иночество под именем Данилы, организовал недалеко от Тюмени на берегах речки Тобола первую сибирскую гарь, в которой он сам сгорел с 300 или даже, судя по другим сведениям, 1700 своих последователей. Немногим меньше чем через месяц после первой сибирской гари, 4 февраля того же 1679 года, недалеко от Тюмени крестьяне, драгуны и казаки собрались на дворе драгуна Константина Аврамова и, несмотря на уговоры местного приказчика, «послушались дьячка Ивана Федорова и все сожглись».

Пропаганда миссионеров раскола, особенно его крайнего крыла, нигде не находила такую подходящую почву, как в Сибири. Северная традиция свободолюбия и самоуправления была здесь сильна с самого начала колонизации, и, конечно, в эту глухую часть азиатского материка шли наиболее сильные и волевые, не склонные к подчинению начальству люди. Само начальство было редко и далеко, духовенство немногочисленно, и желание правительства ввести новый обряд, естественно, воспринималось этим населением, как попытка наложить на него новые узы, от которых они уходили из европейской части русской земли. Поэтому к концу XVII века значительное большинство населения Сибири примкнуло к расколу или, вернее, просто осталось со старым обрядом, предпочитая своих проповедников редким и не всегда слишком ретивым приходским священникам.

По всей вероятности, по этой же причине старообрядческая проповедь имела значительный успех и на юго-восточной окраине России, на Средней и Нижней, тогда еще почти пустынной Волге, в Астрахани и особенно на Дону, куда тоже уходили свободолюбивые элементы, не уживавшиеся в Московском царстве. Правда, после восстания Стеньки Разина 29 августа 1671 года донские казаки впервые принесли присягу на верность царю, но новые правила все же сохраняли за ними автономию, урезанную главным образом в вопросах внешних сношений Дона. Кроме того, донское казачество обязалось выдавать государственных преступников и этим как бы признало право Москвы на контроль донской территории. Старшины

12. Соппротивление старообрядцев во второй половине XVII века...

и домовитые казаки стояли за порядок и более тесное сотрудничество с Москвой. Менее обеспеченные низшие слои казачества, состоявшие из недавно пришедших на Дон семейств, были настроены более свободолобиво и даже анархически и среди них, особенно в северных районах донской казачьей территории, было немало сторонников старой веры или, вернее, противников нового обряда и более тесного контроля Москвы над донскими приходами.

Связи Пустозерска с внутренними русскими центрами старообрядчества и новыми местами его расселения, особенно с казаками Дона, не могли не беспокоить правительство. Обращение Аввакума к царю Феодору в 1676 году, его обширная корреспонденция, бесконечные послания, шедшие из Пустозерска, и его сношения с энергичным игуменом Досифеем, путешествовавшим от Белого моря до Дона, организовавшим старообрядческие общины и неизменно ускользавшим из сетей, поставленных ему правительственными агентами, раздражали и беспокоили гражданские и церковные власти. Немудрено поэтому, что на церковном соборе 1681–1682 годов было решено усилить борьбу с церковным расколом. Одними из первых жертв этой политики явились пустозерцы. Как указывают старообрядческие историки, 1 апреля 1682 года все четыре вождя церковного мятежа, — Аввакум, Феодор, Елифаний и Лазарь — были сожжены по приказу из Москвы.

Несмотря на то что со времени царствования Ивана Грозного южная граница русского государства быстро продвигалась в направлении Черного и Азовского морей, Дикое Поле все еще по-прежнему отделяло пределы Московского царства от казачьих поселений на Дону и Тереке, которые продолжали оставаться прибежищем для недовольных социальным строем и церковными делами беглецов. Проживание в столице и центрах страны было крайне опасно для старообрядцев, которых повсюду искали, арестовывали и судили как церковные, так и гражданские власти. Так, например, по свидетельству иностранцев, в течение нескольких недель перед Пасхой 1685 года в срубках были сожжены не менее 90 последователей древней веры. Бесконечные степи, перелески и леса Дона, мало заселенные основным казачьим населением и кое-где кочевавшими ногайцами, давали новым эмигрантам идеальный приют.

Вожди этой старообрядческой эмиграции на Дону вскоре сошлись с атаманом С. Лаврентьевым, представителем той партии казаков, которая сопротивлялась все растущему контролю центральной власти, и который неоднократно бывал выборным главой Черкасской станицы. Лаврентьев уже долгие годы поддерживал беглецов с севера, снабжал их оружием для самозащиты и грабежа караванов, шедших из России в Персию или Турцию, за что и получал часть добычи их военных «подвигов». В начале 1686 года старообрядческой партии и приверженцам Лаврентьева удалось достичь на Дону значительных успехов. В это время войсковой атаман Фрол Минаев уехал по делам в Москву, а на его место был избран сам Лаврентьев. Весной следующего 1687 года Лаврентьев провел в настоятели главного донского собора в Черкасской станице старообрядческого священника, а на войсковом сборе в мае того же года казаки постановили признать старую веру официальным, «государственным» исповеданием Дона. В северной части донских поселений, особенно по притоку Дона реке Медведице, где население было чисто старообрядческим, начали собираться вооруженные отряды, готовые защищать свои селения и своих вождей от нападения царских войск. Здесь старообрядческие миссионеры открыто провозглашали: «Мы не боимся ни царей, ни всей вселенной; вся христианская отпала, и в Московском государстве благочестия нет, ни церквей, ни попов». Наряду с чисто религиозной проповедью начали слышаться и социальные мотивы. На реке Медведице проповедник Козьма Косой заявлял, что все люди равны и что все «мы по созданию Божьему братья». Другим центром такой проповеди на Дону был городок Боровск, где черные попы Памва и Феодосий учили «за великих государей и святого патриарха не молитесь» и говорили о царе, властях и церкви непристойные речи.

Возвращение войскового атамана Фрола Минаева положило конец господству старообрядцев в донской столице Черкасске. Москва, узнав о событиях в Черкасске и на Медведице, потребовала ареста и выдачи вождей смуты. Козьма был схвачен в августе 1687 года и выдан в Москву, такая же судьба постигла и черного попа Феодосия. Вскоре был арестован и Лаврентьев. Московское правительство и церковь, казалось, одержали лег-

12. Соппротивление старообрядцев во второй половине XVII века...

кую победу на Дону; даже некоторые монастыри были отобра- нны от казаков и переданы в управление Тамбовского владыки. Но несмотря на эти неудачи, старообрядцы Дона во главе с До- сифеем не капитулировали. Начиная с весны 1688 года их во- жди и отряды начали концентрироваться по северо-восточному притоку Дона, Медведице, где они были вдалеке от обычных путей царских агентов. Оставив станицы, они построили кре- пость на одном из островов реки. Часть их там прочно укрепи- лась, поставила пушки для обороны своих укреплений.

Медведицкая старообрядческая крепость и селения просу- ществовали более десяти лет и только осенью 1698 года верные Москве казаки осадили ее. Весной 1699 года казаки — сто- ронники Минаева начали более активные военные операции и 4 апреля взяли крепость приступом, ликвидировав этот упор- ный казачий очаг старообрядческого сопротивления. Но много старообрядцев-казаков спаслось после разгрома их укреплений на Медведице. Через девять лет после подавления этого перво- го казачьего старообрядческого движения Кондратий Булавин снова поднял там восстание против «князей, бояр, прибыльщи- ков и немцев» за то, что они «вводят всех в еллинскую веру и от истинной веры христианской отвратили своими знаменьями и чудесы прелестными». Так в своей борьбе за старые порядки и старую церковную традицию казаки сливали в одно целое ре- лигиозные и социальные мотивы.

Бунт Булавина, а через семьдесят лет бунт старообрядца Пугачева были подавлены, но казаки Дона и других областей юго-востока России сохранили свою преданность старой вере, и до XX века значительное количество донских казаков оста- лись верными старому обряду и старым взглядам на церковь.

В те же два последних десятилетия XVII века началось на- копление старообрядцев вдоль нижнего течения Волги, от Саратова до Царицына, и дальше до всегда бурной и готовой к бунтам Астрахани. В конце 1670-х и начале 1680-х годов они заселили Барынные и Мечев буераки у Саратова, начали устраивать там свои скиты и даже построили церковь. Эти но- вые поселения энергичных и твердых старообрядцев, постоян- но пополнявшиеся беглецами из центра страны, стали первы- ми негородскими русскими поселениями края. Дальше на юг

и ближе к Царицыну, у Черного Яра, тоже образовались станицы казаков-старообрядцев, которые летом 1693 года в числе 500 бойцов даже напали на крепость Черный Яр.

Несмотря на всю радикальность учения идеологов беспопыщины, эти учителя очищения душ огнем гарей имели широкий успех в среде крестьян и посадских людей Севера. После казни пустозерских отцов безнадежность, охватившая противников нового обряда, была так велика, что массы преданных старому обряду простых людей, ожидая с года на год окончания века и второго пришествия, и, видимо, предаваясь отчаянию, находили, что единственный верный способ сохранить от греха и спасти свои души от царства Антихриста лежит в самоочищении в огне гарей. Поэтому именно в 1680-х годах эпидемия самосжигания принимает ужасающий массовый характер. В 1687 году все тот же активный проповедник беспопыщества и самосжигания черный дьякон Игнатий захватывает со своими приверженцами Палеостровский монастырь и при появлении правительственных войск 4 марта того же года сжигает две с половиной тысячи добровольных жертв и сам гибнет с ними. Через полтора года сподвижник Игнатия, другой знаменитый проповедник «самоубийственного способа смерти» Емельян Иванович Второго опять овладевает Палеостровом и, несмотря на все попытки правительственных войск остановить подготавливающуюся гарь, 23 ноября сжигается там с полутора тысячей своих последователей. В больших пошехонских гарях, которые «прошли под руководством попа Семена», сгорели «четыре тысячи, инии же яко и пять тысячъ бе», в Кореле в лесу сожглись около пятисот человек, а в Совдозере, тоже в Корельских пределах, до трехсот, в Олонце в 1687 году около тысячи человек тоже сразу погибли в огне. Наряду с этими грандиозными самоубийственными аутодафе десятки, а может быть, и сотни меньших гарей, в которых каждый раз погибало от нескольких десятков до нескольких сот человек, озаряли в 1682–1692 годах своим зловещим пламенем северные леса вокруг Онежского озера и между Онегой и Белым морем.

Какой-то дикий и страшный энтузиазм смерти и самоуничтожения охватывал увлеченных апокалиптическими вождями и приверженных старому обряду жителей Севера. Участники

12. Соппротивление старообрядцев во второй половине XVII века...

гарей, обнявшись, прыгали с крыш верхних горенок изб в пламя костров. Охвативши друг друга, девушки с разбегу бросались в огонь, дети тянули в огонь родных, отцы и матери шли на гари с младенцами на руках. Василий Волосатый не только водил свои жертвы на костры, но и уговаривал замаривать себя голодом; некоторые бросались целыми семьями в реки. Многие, ожидая с часу на час, особенно в 1666, 1667, 1691 и 1692 годах, окончания мира, ложились в гробы, чтобы встретить Страшный суд на смертном ложе.

Движение, развившееся в городах северо-западной России, главным образом в Новгороде, Пскове и Яме, и определенное беспоповскими новгородскими соборами 1692 и 1694 годов, заняло наиболее радикальную позицию даже среди самих беспоповцев. Уже в конце 90-х годов, видимо, после смерти их первого вождя Харитона Карпова руководящее место среди этой группы беспоповцев занял дьячок Крестецкого Яма Феодосий Васильев, один из главных отцов новгородских соборов. Настойчивый и крутой Феодосий, давший свое имя этим крайним радикалам среди беспоповцев, в 1696 году ушел со своей семьей и приверженцами из России в Литву, где и обосновался около Невеля. В общежительной коммуне Феодосия Васильева у Невеля проживали около 600 мужчин и 700 женщин, но и те, и другие должны были придерживаться бракорбических новгородских правил и, по крайней мере в принципе, соблюдать строгое целомудрие. «Праздность — училище злых», — постоянно напоминал суровый глава общины, не позволяя никому лениться и требуя, чтобы при вхождении в общину новый член ее передавал ей свое имущество. Даже обувь, одежда и прочие необходимые предметы обихода «всем из казны общие подаваху», отмечает биограф Феодосия. Пища была для всех простая и одинаковая, которая раздавалась в общей трапезной: «хлеб и иные потребы общия бяху, и трапеза едина всем бяше, токмо престарелым и больным». Федосеевцы вслед за отцами Второго Новгородского Собора 1694 года утверждали, что самый институт государства является злом и что члены их церкви должны уклоняться от всякого соприкосновения с его органами и избегать всякого сотрудничества с правительством и властями, на которых лежала печать Антихриста. Федосеевцы

никогда не приняли молитву за царя, среди них наиболее часто сказывалась враждебность к российской «никонианской» государственности, и даже в XIX веке они отождествляли русского государя с самим антихристом. В отношении к своей собственной стране федосеевцы по своим убеждениям, несомненно, являлись принципиально антигосударственным элементом.

Невельская беспоповская община Феодосия Васильева существовала недолго. В 1709 году она была разграблена польскими солдатами. Опасаясь, что и позднее в результате войны Карла XII с Россией и Польшей, которая в те годы в значительной степени происходила на польской территории, его община окажется между молотом и наковальней, Феодосий решил возвратиться в Россию. С позволением Петра община Феодосия переселилась под Псков, где и поселилась на так называемой Ряпиной Мызе. Но вскоре Феодосий был задержан церковными властями, а его надломленные странствованиями и постом здоровье пошатнулось, и он скончался в заточении. Через несколько лет его община, находившаяся все еще на Ряпиной Мызе, распалась, но федосеевство пережило своего основателя и в конце XVIII и начале XIX века оно стало одним из самых сильных и влиятельных согласий не только среди беспоповцев, но, может быть, даже во всем русском старообрядчестве.

13. Астраханское восстание 1705–1706 годов

Поводом к восстанию явились царский указ, запрещающий носить русское платье и бороды, и последовавшие за ним жестокие меры наказания. Уставшие от произвола местного воеводы астраханские стрельцы и солдаты, а также примкнувшие к ним добровольцы, расправились с военной верхушкой и организовали в городе и окрестностях самоуправляющиеся общины, основанные на выборном круговом управлении.

Источник: Н.Б. Голикова «Астраханское восстание 1705–1706».

Обстановка, сложившаяся в начале XVIII века в Астрахани и ближайших к ней городах, вызывала сильнейшее недовольство всех слоев местного населения. Особенно сильно оно охватывало служилых людей, стрельцов и солдат, которые, ощущая тяжесть общего роста налогов и повинностей не меньше, чем посадские люди, кроме того, остро реагировали на изменения в своем положении, а также на произвол полкового начальства и городских воевод.

Астраханские служилые люди давно пытались найти управу на капитана Л. Мейера. Поводом к недовольству послужило то, что Мейер заставил солдат занять деньги в долг, затем взял их, вернул ростовщику, а получив от него расписку, вычел сумму, якобы заплаченного за них долга, из жалования солдат. Уже тогда солдаты испытывали сильнейшую ненависть к Мейеру, но надеялись найти правосудие у недавно назначенного в Астрахань воеводы Т. Ржевского. Однако Мейер и Ржевский быстро нашли общий язык: 10 солдат были арестованы и биты за жалобу кнутом «безвинно». Самоуправство всемогущего и наглого в своей безнаказанности астраханского воеводы Т. Ржевского, поборы и произвол офицеров совпали в начале 1705 г. с указом о снижении хлебного жалования стрельцам. Поскольку спекулировавший хлебом Ржевский систематически затягивал выдачу хлеба служилым людям и приписным ремесленникам, указ правительства был воспринят как новая «обида» воеводы. Назначение пленных шведов, работавших на селитренном заводе, на административные посты и «матрозами» (для обучения солдат морскому делу) породило разговоры об измене воеводы. Волну-

ющие слухи ходили по городу всю весну и особенно усилились в начале лета, когда Ржевский начал проводить в жизнь указы о немецком платье и брадобритии, которые из-за его жесткой тактики оказались последней каплей, переполнившей чашу терпения населения Астрахани.

После Ильина дня возмущенные происходящим мужчины и юноши, собираясь кучками, взволнованно обсуждали события, и не только служилые, но и посадские и работные люди были внутренне готовы к восстанию. Своей основной задачей заговорщики считали захват власти и установление порядка, который обеспечил бы «правду и веру». Таким порядком они считали выборное круговое управление, существовавшее у казачества.

В конце июля по Астрахани пронесся новый тревожный слух, что воевода «неведома ддя какова вымыслу у них у всех хочет обрать ружье». Слух имел вполне реальную основу, и позднее, когда восставшие судили воеводу, дьяк приказной палаты С. Васильев письменно подтвердил, что «Тимофей Ржевской, велел обрать ружье, собою, без указу». Видимо, Ржевский слышал о недовольстве служилых людей и намеревался их обезоружить, но не успел. Узнав о намерении воеводы «обрать ружье», заговорщики поняли, что медлить нельзя. Последнее собрание заговорщики «учинили без назначенья дня, ночью». По согласованному плану, «июля против 30 числа, в понедельник, часу в четвертом ночи, собрався они у Никольской церкви, человек с тристо».

У кремлевских Пречистенских ворот имелась охрана, но часть людей находилась в караульной избе. Сержант Т. Вятчанин и капрал В. Степанов спали. У ворот, которые были «задвинуты за совом да замком заперты», стоял солдат. Увидев вооруженный отряд «человек с шездесят», он бросился будить капрала. Тем временем Т. Корешило «подлез под щиты и у ворот замок сломил», а П. Носов «ухвата капитана, прозвищем Малую Землю, ударил о землю, да иноземца, от шмаков матроза, порубал саблею». Брошенный Носовым на землю капитан Малая Земля был заколот, убили также капитана и двух матросов-иноземцев.

В Кремле часть заговорщиков, пробежав мимо стоявшего на карауле у соборной церкви солдата и мимоходом сообщив ему, что «стали они за веру», отправились на воеводский двор. Часть отряда двинулась на Житный и Зелейный дворы. «Часовой ка-

раульщик, которой стоял у набату», спокойно пропустил на колокольню «неведомо каких людей», а другие солдаты пропустили заговорщиков на воеводский двор. Одновременно в Кремле и других частях города началась расправа с офицерами и дворянами. Полностью расправиться с «начальными людьми» восставшим не удалось. Полковник Д. Галачалов бежал в степь. Братьев Кореитовых воевода еще до восстания послал к калмыцкому хану Аюке. Не нашли сначала и воеводу, хотя заговорщики искали его «на воеводском дворе и в хоромаш, на дворе у митрополита и в митрополичьих кельях».

Число принявших участие в расправе с «начальными людьми» было весьма велико, потому что по набату в центр города бросились ждавшие этого сигнала в слободах стрельцы и солдаты, а затем и другие жители города. Впоследствии среди казненных за участие в восстании оказалось 190 человек, которые «к бунту пристали по набату». О том, как вооруженные люди бежали к Кремлю по набату, рассказывали и очевидцы событий. Москвич И. Турчанинов, отбывавший посадскую службу на астраханском Кружечном дворе, проснулся ночью оттого, что били в соборный колокол и в колокол на караульне у Вознесенских ворот. Думая, что случился пожар, он влез на крышу посмотреть, где горит, но вместо пожара увидел, что «мимо двора... по улице бежали в город с ружьи, с копы... стрельцы и солдаты, великим многолюдством».

Однако набат внес в действия восставших некоторую сумятицу и беспорядок: люди, не осведомленные о плане восстания, начали действовать по собственному усмотрению. Предвидя такую возможность, заговорщики, чтобы обеспечить порядок, тут же ночью ставили караулы около учреждений, складов и во дворах «начальных людей». Таким образом, заговорщики стремились не допустить стихийного разграбления материальных ценностей и документов. Но полностью обеспечить порядок не удалось. Некоторые дворы подверглись настоящему разгрому. И. Турчанинов утверждал, что при аресте подьячего А. Иванова «на дворе ево всякие ево пожитки все без остатку разграбили».

К утру город полностью перешел в руки восставших, и заговорщики приступили к созданию нового аппарата управления. По городским слободам, пригородным поселкам и станам

были посланы люди созывать жителей на общую сходку — круг. Первое заседание круга, начавшееся утром 30 июля, было многочисленным, бурным и продолжалось несколько часов. В нем участвовала вся основная масса жителей города, включая русское и нерусское население. По словам Рычкова, «с четыре тысячи человек стояли с ружьями». Пришло на круг и приезжее купечество.

Собрание круга происходило на Соборной площади в Кремле. Руководил им Шелудяк. Прежде всего он объяснил собравшимся причины переворота и призвал всех поддержать восстание. Речь Шелудяка вызвала общее одобрение и круг единодушно принял решение поддержать восставших. Тут же предложили обратиться с призывом примкнуть к восстанию в Красный Яр, Гурьев, Черный Яр и Терки, а также к донскому, яицкому и гребенскому казачеству. Собравшиеся «кричали, чтоб выбирать на Терек и в Гребени с воровскими письмами, чтоб на Терках и в Гребенях учинить такой же бунт и за веру с ними заодно б постояли». Круг также принял решение «под Царицын учинить посылку, для того, что всем же войском говорили, что будто государя на Москве в живе нет, и чтоб про него государя под Царицыном проведать, а от Царицына итти верховыми городами до Москвы». Убедившись в поддержке круга, Шелудяк приступил к выборам старшины.

Люди, вошедшие в состав старшины, значительно отличались друг от друга и по положению, и по образу мыслей, и по характеру. Различной оказалась и их роль в восстании.

Одной из самых интересных и колоритных фигур, вошедших в состав астраханской старшины, был, несомненно, Я. Носов. Он был бурмистром «государевых рыбных промыслов» и придерживался старых традиций и раскола. В вопросах религии он был тверд и неуступчив. Перед смертью, после тяжелых пыток в Преображенском приказе, он отказался исповедоваться, «явился расколом и отца духовного не приняв, умре». К нововведениям Петра I в области быта Носов относился неодобрительно. Сызранец Д. Бородулин обвинял его в том, что во время восстания он резко и непочтительно отзывался о царе. «Здесь де стали за правду и за христианскую веру, — якобы говорил он, — коли де нибудь нам всем умереть будет, да не вовся бы и не всякому так,

как ныне нареченной царь, которой называется царем, а христианскую веру порудил. Он де уже умер душою и телом, не всякому бы де так умереть». Как утверждал Бородулин, Я. Носов отказался пить за здоровье Петра, сказав: «Я про ево государево здоровье пить не стану, как нам пить про такова православных христиан ругателя». Вместе с тем Я. Носов не принадлежал к числу лиц, помышлявших открыто выступить против правительства. Выбранный атаманом против воли и вынужденный возглавить управление Астраханью, а затем и всем районом восстания, он не относил себя ни к числу вдохновителей и организаторов восстания, ни к числу инициаторов проводившихся в его правление мер. «Те де астраханцы, всяких чинов люди, которые приходили в круг, всякие дела делали своею волею», — подчеркивал он, и это утверждение было лейтмотивом всех его показаний. Но что бы ни говорил Я. Носов на следствии, его деятельность показывает, что он не был просто послушным орудием круга, а энергично осуществлял и решения круга и те меры, которые сам считал необходимыми. В Астрахани он пользовался всеобщим уважением. Фельдмаршал Б.П. Шереметев, столкнувшись с Я. Носовым и называя его «великим вором и раскольником», не мог не отметить, каким огромным авторитетом он пользовался даже после подавления восстания.

Линия его поведения определялась несколькими чертами. Во-первых, воспитанный в традициях посадской общины, он не представлял, что может отказаться от мирского поручения или выполнить его недобросовестно. Во-вторых, осуждая отдельные мероприятия Петра I и возмущаясь произволом администрации, Я. Носов считал протест астраханцев справедливым. Будучи противником крайних мер, он все же принимал до определенных границ борьбу с властью как борьбу за восстановление законности и традиционных устоев. Но как крупный купец и управитель промыслов, Носов инстинктивно боялся размаха восстания. Он не доверял «голытьбе», особенно массе работавших на рыбных промыслах людей, значительная часть которых состояла из беглых. Он опасался ситуации, в которой они могли бы захватить инициативу, и «взяв волю», стали бы распоряжаться, как хотели. Он не очень уважал с трудом тянувших посадское тягло ремесленников и мелких, погрязших в долгах, торго-

шей. Его пугали и солдатско-стрелецкие низы, набербованные из крестьян и «гулящих людей», жившие на скудное жалование и случайные заработки, озлобленные произволом офицеров и готовые на самые крайние меры. Поэтому он считал главным, оказывая сдерживающее влияние на восставших, обеспечить спокойствие и справедливый порядок, не допустив тем самым «до разорения». Наилучшим выходом он находил компромисс с правительством, если оно согласится на некоторые уступки. Внутри старшины и круга Я. Носову была гораздо ближе умеренная часть, состоявшая из представителей посадской и стрелецкой верхушки, родственная ему и по положению, и по духу. В дальнейшем, хотя Носов, сохраняя реалистический подход к фактическому положению вещей, часто шел на уступки радикальному большинству круга.

Совершенно другим человеком был выбранный в состав старшины второй представитель гостиной сотни, таможенный бурмистр О. Твердышев, принадлежавший к богатой семье известных симбирских предпринимателей и купцов. К организации восстания Твердышев отношения не имел, ему не сочувствовал и его боялся. В число старшин он вошел только потому, что не видел в данный момент иного выхода, и потому, что это положение давало ему возможность не опасаться за свою жизнь и имущество. В старшине он представлял интересы купечества, стремившегося сдержать восстание в определенных рамках и достичь примирения с правительством. Во время восстания Твердышев вел себя сдержанно, Петра I не критиковал, но и против решений круга не высказывался. Впоследствии Твердышев в противоположность Я. Носову перешел в лагерь фельдмаршала Б.П. Шереметева, открыто изменив делу восстания.

Окончив выбор старшин, круг приступил к решению судьбы арестованных. Особый гнев вызывал воевода Ржевский. Солдаты обнаружили Ржевского, прятавшегося «на воеводском дворе, за поварнею в курятнике», и привели в круг. Суд над воеводой длился более часа. Кроме обвинений по поводу немецкого платья и бритья бород воеводе предъявили множество претензий. По мере допроса, который вел Шелудяк, возбуждение росло. Многие, вспоминая незаслуженные обиды и оскорбления, бросали в лицо воеводе свои упреки. «Ты де меня за три обруча кну-

13. Астраханское восстание 1705–1706 годов

том бил», — кричал солдат Тысячного полка Е. Обручник. Ответы воеводы только раздражали восставших и в конце концов они «скололи» воеводу копьями.

В тот же день круг принял решение о конфискации имущества убитых и арестованных «начальных людей», а затем выбрали лиц, которые должны были ее осуществить. Одновременно круг принял решение о захвате селитренного завода. Отряд отправился на завод прямо с собрания круга. В операции по захвату завода приняли участие не только служилые люди, но и присоединившиеся к ним добровольцы. Всего, по словам стрельца Е. Григорьева, их было «человек с 300».

Отряд отправился на лодках и беспрепятственно высадился на берег. Охрана, русское и татарское население городка, сразу поддержали восставших, так как ни о каком сопротивлении с их стороны не упоминается. Войдя в городок, астраханцы быстро и беспощадно расправились с работавшими там пленными шведами. И. Турчанинов считал, что на селитренном заводе убили «человек з двести» шведов. Имущество их было разграблено. Стрелец Г. Вергун, «мертвых вытаскав из воды, здирал с них рубахи». Много «немецких» вещей участники операции потом продавали. Бедрин приобрел, например, «серебряной немецкой ароматничек з духами, на цепочке».

К вечеру улицы Астрахани были приведены в порядок. Как рассказывал И. Турчанинов, трупы складывали на телеги и вывозили на кладбище. Мимо его дома проехало 7 или 8 таких повозок.

На первом этапе Астраханское восстание объединило русских и татар, местных жителей и приезжих, крупное купечество и мелких ремесленников, промышленников и работных людей. Оно приняло всеобщий характер и, хотя, как показали последующие события, это единство оказалось непрочным, оно во многом определило особенности и характер движения.

Возбуждение, охватившее Астрахань, продолжалось несколько дней. Люди не расставались с оружием, город напоминал военный лагерь. Постепенно восстание охватило всю астраханскую округу. В показаниях на следствии многие участники событий 1705–1706 гг. говорили, что они «пристали к бунту» на второй, третий или четвертый день. Собрания круга, такие же

шумные, как и в первый день, но еще более многолюдные, происходили ежедневно и длились часами. Наиболее радикальная часть круга, которую возглавляли участники заговора, опираясь на слова Шелудяка, предлагала немедленно поднять соседние города и «учинить посылку под Царицын». Работник одного из речных судов, И. Дедов, который «в круги с теми бунтовщиками ходил», впоследствии показал, что слышал, как обсуждали поход «на Царицын и в верховые города, и до Москвы».

Весьма важной темой, тщательно обсуждавшейся на круге, было содержание писем-обращений в близлежащие города, а также к донским, яицким и гребенским казакам, составление которых началось на второй день восстания. Текст обращений сложился не сразу. Его обработка велась по линии уточнения причин восстания, и если в первых набросках говорилось только о необходимости «постоять за веру обще», причем довольно сумбурно и невнятно, то в окончательной редакции акцент перенесли на рост налогового гнета и произвол, сопровождавший проведение указов о брандобритии и немецком платье. В текст были внесены жалобы на снижение жалования, новые налоги и «великие тягости», а невнятные фразы о преследовании «веры» превратились в яркий и связный рассказ о насилиях и издевательствах, которым подвергалось население, носившее бороды и русскую одежду.

К 3 августа все обращения были подписаны и 4 августа посланцы круга с ними уехали. Для этих поездок круг сначала избрал 12 человек, но потом число их увеличил. Кроме того, решили, что к казакам, в Терки и Гурьев посланцы поедут в сопровождении небольшой охраны, а в Красный и Черный Яры с вооруженными отрядами, способными подавить сопротивление воевод и их сторонников. В Черный Яр послали отряд из 60 человек.

Первым отбыл отряд, который должен был организовать переворот в Красном Яру, так как существование в тылу у восставшей Астрахани вооруженных сил во главе с воеводой представляло для нее известную опасность. Отряд действовал весьма быстро и решительно. На следствии Хортик рассказывал, что он и Одоленов «для того бунту, чтоб учинить, на Красный Яр из Астрахани с бунтовщики ж, с московскими стрельцами с Терентием Корешилой, с Федором Полетаем, прибежали на лошадех верха-

13. Астраханское восстание 1705–1706 годов

ми нарочно и красоярского воеводу сковали». Обезвредив его, они «ударили в набат», собрали на площади всех местных жителей, объяснили, чем вызван приезд отряда, предложили присоединиться к восстанию и выбрать старшин. Речи и действия астраханцев встретили активную поддержку населения, которая обеспечила успех переворота.

Собрание красоярского круга прошло шумно. За восстание высказывалось большинство, но часть, опасаясь последствий, выступила против. Завязался спор. Наиболее возбужденные сторонники восстания прибегли к угрозам. На круг привели воеводу С. Долгорукого, и некоторые стрельцы на него «за его обиды кричали». В конце собрания круг выбрал старшин из числа красоярцев, а воеводу отдали бунтовщикам в Астрахань. Выполнив задание, Корешило с отрядом, старшина М. Мелетин и 15 местных стрельцов увезли скованного Долгорукого. Они взяли и адресованную астраханским старшинам и кругу челобитную, в которой, просили «воеводу, бут-то за ево к ним налоги, чтоб его убить до смерти». На убийстве воеводы особенно настаивали стрельцы И. Одоленов и Д. Жировой, которые не без основания опасались: «Есть ли де ево до смерти не убьют и будет он по-прежнему у них в городе, и он де у нас в городе всех выест, не оставит де ни кожи, ни топора». Круг, выслушав челобитную и допросив воеводу, признал его виновным в разных злоупотреблениях и вынес смертный приговор. Получив санкцию круга, красоярцы тут же убили Долгорукого саблями и бердышами.

В Черном Яру возглавлявший отряд заговорщик И. Баран, не желая рисковать людьми, остановился недалеко от города и послал туда лазутчиков, чернойрских стрельцов. Не привлекая к себе внимания, они проникли в крепость и собрали на тайное совещание людей, которым доверяли. Единомышленников восставших среди чернойрцев нашлось немало. Получив от лазутчиков известие, что стрелецкая охрана не окажет им сопротивления, Баран с отрядом неожиданно для воеводы проник за крепостные стены и восставшие тотчас захватили инициативу. Воеводу Ватутина арестовали, а затем стрельцы ударили в набат и собрали круг. Далее события развернулись так же, как в Красном Яру. Часть чернойрцев была против восстания, но оказалась в меньшинстве и оказать противодействие его сторонникам

не смогла. Стрельцов, выступавших за восстание, охотно поддерживали работные люди. Гуляющий человек Е. Григорьев, вспоминая о перевороте, признавался, что «как на Черном Яру забунтовали, и в то время про тот бунт уедава, ...к тем ворах пристать хотел и товарищев своих, к тому воровству и бунту призывал». Отсутствие единства проявилось и в отношении к воеводе, у которого нашлось много защитников, поэтому его и оставили в Черном Яру под домашним арестом.

Терскому воеводе Д. Молостеву о событиях в Астрахани стало известно еще 3 августа, из сообщения, приехавшего оттуда татарина. Новость насторожила воеводу, и он в тот же день пригласил к себе черкасских князей Дивея и Алдигирея, всех мурз, терских дворян, детей боярских и офицеров «на совет о том, чтоб астраханских воров к Тереку не припустить и терчанам никому к ним не приставать». Но уже 5 августа денщик воеводы, стрелец по прозвищу Лапша, донес ему, что в Терки возвратились Князев и Самара, которые «терских жителей, всяких чинов русских людей возмущают к бунту, а говорят де, что в Астрахани стали за веру» и что вслед за ними едут астраханские посланцы с письмами. По словам Лапши, «терские жители всяких чинов люди к тем двум человекам стали приставать и собрався ходят кругами». Воевода приказал доставить стрельцов в Приказную избу для допроса. Однако Князев и Самара уже успели собрать людей и рассказать, что астраханцы выступили против новых налогов, введения немецкой одежды и насильственного брадобрития. В городе началось брожение. Терчане не дали арестовать астраханцев, привели их в городские слободы и «вскоре учинился в слободах великий шум и крик». Основная масса терчан отнеслась к призыву присоединиться к Астрахани с большим сочувствием. Терчане организовали сбор всего населения и вечером открыли на площади у таможни собрание круга. Кроме стрельцов всех терских полков на нем присутствовали дворяне и «всяких чинов жители, все до одного человека, потому что но иных, которые было из дворов не пошли, посылали нарочно». Собравшиеся «закричали всем кругом, что они с астраханцы за веру стоять заодно готовы», хотя кое-кто согласился на это из страха, полагая, что иначе «не отпустят из Астрахани к ним на Терек бусы с хлебными запасы». На заседании круга терчане приступили

13. Астраханское восстание 1705–1706 годов

к выбору старшин. Атаманом был избран московский посадский человек В. Авдеев, который вел в Терках торговые дела, имел там двор и лавку. Сначала он отказывался, но затем уступил при условии, чтобы «к нему в товарищи дали ему выбрать добрых людей, ково он знает, для того что де ему одному меж ими суда не управить». Кроме того, он заявил, что «есть ли де они, терчания, меж себя друг друга станут побивать и воеводу и начальных людей побьют и дома их и животы станут грабить, и он де, Василий, начальным их не будет, хотя де они, терчания, ему голову отрубят». В состав терской старшины было избрано 25 человек. На следующий день старшины привели все население к присяге, причем русские «целовали святое евангелие и животворящий крест», а мусульмане «куран целовали». Текст присяги включал обязательство «с астраханцы стоять за веру заодно», а также «на Терке досмерти никого не побивать и меж себя никакого дурна не чинить, и на воеводу, и ни на кого зла не мыслить».

Затем астраханцы отправились в Гребени. Там они, по рассказам, объявили, что «государя на Москве в живе нет, а Москвою и боярами и князьями овладели немцы, осталось всего бояр три человека и те в бегах... говорили». Однако известие о восстании сочувственно встретила только часть казаков, а поехать в Астрахань «на помочь» выразили желание всего 18 «бездомовных и гулящих людей».

В Терках после проведения присяги волнения в городе не улеглись. Умеренная политика Авдеева многих не удовлетворяла. Особенно недовольны были «московские» стрельцы, которые жестоко страдали от произвола подполковника Некрасова и требовали справедливого возмездия. Стрелец В. Артамонов и старшина В. Патрушев официально обратились к кругу от имени своего полка и «во весь круг били челом их же полку на подполковника, на Илью Некрасова, что он, Илья, будучи у них в полку отцов их и братьев безвинно побил до смерти, и чтоб они старшины его, Илью, в том во всем велели распросить». После этого «тот атаман и старшины, и всеми полками стрельцы по того Илью к приказу приходили и водили ево, Илью, в застенки и роспрашивали, и пытали». Закончив допросы, круг вынес Некрасову смертный приговор. Его вывели на площадь и там при огромном стечении народа обезглавили. Казнь Некрасова чрез-

вычайно испугала В. Авдеева и воеводу Д. Молостев запаса порохов, оружием, свинцом и с верными ему людьми заперся в своих хоромах, превратив их в крепость, способную выдержать осаду. Авдеев, человек хитрый и изворотливый, решил проявить осторожность и выждать, а пока принялся устанавливать тесные связи с астраханской старшиной, чтобы получить от нее хлеб на жалование служилым людям. Он надеялся, что, обеспечив город хлебом, уменьшит недовольство местного гранизона и ослабит зависимость Терок от Астрахани.

Делегация на Дон выехала из Астрахани вслед за отрядом, посланным в Черный Яр. В пути они встретили двух отставных царицынских стрельцов, которые сообщили им, что в Царицын явился гонец от сына хана Аюки. После прибытия гонца воевода А. Турчанинов, «собрав всех грацких жителей, сказывал им, чтоб немецкого платья не носить и бород и усов не брить», заявил, что в Астрахани «учинилась заваруха, а за что, того де он не знает» и приказал поставить «на Волге реке по обе стороны» и в степи заставы. Посоветовавшись, астраханцы не рискнули идти в город, а повернули обратно в Черный Яр, захватив с собой царицынских стрельцов «для подлинной ведомости». В Черном Яру они оставались пока не прибыл туда астраханский отряд, сформированный для похода вверх по Волге. К этому времени данные царицынских стрельцов пополнились сведениями, что бежавших из Астрахани полковника Д. Галачалова и управителя селитренного завода Г. Мансурова, нашедших убежище у калмыков, переправили в Саратов, откуда они отправились в Москву. Сомнений в том, что царская администрация ближайших волжских городов знает о событиях в Астрахани, не оставалось. В таких условиях поддержка донских казаков казалась восставшим особенно необходимой. Отряд решили отправить степью, минуя Царицын.

За 2 дня прибытия астраханского отряда в Черкасск, туда явился гонец из Паншина, который привез донскому атаману Л. Максиму отписку от А. Турчанинова, где он, сообщая о восстании в Астрахани, просил помощи. Обсудив это известие, донская старшина приняла решение сохранить верность правительству.

Когда астраханские посланцы прибыли в Черкасск, донские старшины хотели отобрать у астраханцев прокламацию, но они

13. Астраханское восстание 1705–1706 годов

воспротивились и потребовали сбора круга. Старшины согласились, собрали круг и послание прочитали, но казаки, выслушав, «единогласно закричали, чтоб тех воров взять». Посланцев мятежной Астрахани обезоружили и заковали в кандалы. Их отправили из Черкаска 30 августа и привезли в Москву 16 сентября. Из Посольского приказа их перевели в Преображенский приказ, где началось предварительное следствие по «Астраханскому делу».

В начале августа из Астрахани выехали делегации к хану Аюке и к яицким казакам. Удар восставшим неожиданно нанесли их собственные представители. Т. Дмитриев и С. Татаринов через полковников Кореитовых заявили хану, что на Яик ехать не хотят, а поедут в Москву с доносом и попросили проводников. В челобитной о предоставлении подвод, чтобы «к Москве ехать с поспешением», они написали: «Державнейший царь, государь милостивейший! В нынешнем государь 705 году в июле месяце, в последних числах, в Астрахани учинилось от воровских людей бунтовое время и мы, нижайшие твои рабы, из Астрахани, о том бунтовом времени ушли для извету к тебе, великому государю...». В Москве предатели явились в приказ Казанского Дворца и отдали письмо, адресованное яицким казакам, Б.А. Голицыну.

В августе–декабре 1705 г. активность масс проявилась наиболее сильно, так как, захватив власть, восставшие были полны решимости установить порядки, казавшиеся им справедливыми. Принимая деятельное участие в заседаниях круга, широкие слои городского населения, добивались проведения самых разнообразных мер организационного и социального плана, в которых ярко отразилась общая направленность восстания.

Документы астраханской старшинской канцелярии позволяют установить, что на территории, охваченной восстанием, сложился своеобразный союз городов. Условия, на которых он возник, ясно сформулировали посланцы Терок на круге, собранном по случаю их приезда в Астрахань 3 октября 1705 г. «Сказка» терчан была записана и скреплена их подписями, превратившись в официальный документ. В нем, передавая слова терчан, подьячий А. Олферов записал, что они согласны присоединиться к восстанию и быть с астраханцами «во всякой думе вопче», а «буде вам какая нужда починитца и нам людей вам на помочь

давать, а буде нам на Терке понадобится также какая нужда, и вам пожаловать, людей на помочь нам из Астрахани присылать на выручку, будет нашей мочи не будет». Как видно из текста, обязательства были равными и взаимными. Равенство городов проявилось и в том, что их жители составили самостоятельные «Астраханское», «Красноярское», «Черноярское» и «Терское» войска, каждое со своим кругом и выборными старшинами, то есть организовали самоуправляющиеся общины.

Верховным и полновластным органом каждой общины стал круг, обсуждавший и решавший важнейшие вопросы внешнего и внутреннего порядка. Отменить принятое решение мог только сам круг. Он был также высшей судебной инстанцией. Старшина являлся исполнительным органом и должен был обеспечивать выполнение решений круга, осуществлять административно-финансовые функции и организовывать оборону города и его округи. Один из старшин считался главным и носил звание атамана. Полномочия старшин были весьма широкими. Но о всех своих действиях они обязаны были информировать круг, который утверждал или отклонял их решения. В случае недовольства деятельностью старшин круг мог отставить любого из них и выбрать на его место нового. Городские старшины считались между собой равными.

При рассмотрении местных дел городские общины пользовались полной свободой. Астраханская старшина, дорожа их поддержкой, вела себя весьма корректно и осторожно, без просьбы во внутренние дела общин не вмешивалась, а приказы городам формулировала как просьбы. В то же время городские общины признавали главенствующую роль Астрахани и ее старшин. Это объяснялось и тем, что Астрахань начала и возглавила восстание против ненавистного режима гнета и насилия, и ее положением столицы края. Немалое значение имело также и то, что Астрахань всегда снабжала города своей округи всем необходимым для жизни и военной помощью. Поэтому за астраханской старшиной признавалось право распоряжения делами, касавшимися края в целом. Она командовала соединенными войсками восставших, ведала снабжением городов деньгами, хлебом и боеприпасами. К ней обращались по поводу отмены царских указов, поскольку местные старшины не всегда на это решались.

Принцип выборности последовательно распространялся во время восстания и вглубь. Вследствие этого во главе всех сохранных восставшими сословно-корпоративных групп также оказались выборные лица. Там, где выборная администрация существовала и раньше, она была сохранена.

Наиболее значительные организационные перемены восставшие произвели в войске: сохранив в неприкосновенности его старую структуру и число полков, но, введя выборность офицеров, они коренным образом изменили сам принцип управления полками. Все командные должности в полках стали замещать теперь не путем назначения сверху, а по выбору самих служилых людей, объединенных в полковые круги. Вся инициатива выдвижения и утверждения кандидатов была, таким образом, предоставлена рядовым стрельцам и солдатам. Избранные вместо полковников командиры получили название полковых старшин. В их функции входили не только организационно-хозяйственные дела и военное командование, но и разбор возникавших между служилыми людьми конфликтов. В помощь полковым старшинам избирались есаулы, пятисотники и сотники. Пятидесятники и десятники, если их не передвинули на более высокие посты, остались в основном прежние. Новая полковая администрация подчинялась общегородской старшине, но одновременно была подотчетна и избиравшим ее полковым кругам, которые периодически собирались для обсуждения полковых дел и оказывали на жизнь полка активное воздействие.

Перестройка системы управления полками имела огромный социальный смысл: в результате выборов все дворяне лишились командных должностей. Тем из них, кто хотел продолжать службу, предложили стать рядовыми. Таким образом, их прежние привилегии полностью ликвидировали. Интересно, что отдельные дворяне на это предложение соглашались. Принцип выборности управления не распространился только на национальные общины коренного нерусского населения Астрахани и Терок. Это было связано с позицией местной национальной знати, которая высказалась за поддержку восстания. Причины ее поведения отчасти определялись недовольством местных феодалов хозяйничанием городских воевод и их окружения. Но главным образом ее действиями, несомненно, руководило сознание соб-

ственной слабости и страх за свою судьбу, вызванный размахом восстания.

28 августа собралось чрезвычайное совещание находившихся в Москве приказных судей и бояр. Совещание квалифицировало астраханские события как «опасный бунт» и приняло решение о формировании и отправке в «низовые города» войска. Воеводой был избран князь П.И. Хованский, занимавший ранее должность астраханского воеводы и хорошо знавший местные особенности и людей.

Петр I узнал о восстании 9 или 10 сентября и послал распоряжение фельдмаршалу Б.П. Шереметеву взять полки из действующей армии и двинуться на подавление восстания. Назначение Б.П. Шереметева — одного из лучших полководцев русской армии, показывает, что восстание вызвало у Петра серьезную тревогу.

Царицынский воевода А. Турчанинов, который должен был первым принять удар восставших, не надеялся, что сможет быстро получить помощь из Москвы. Это заставило его принять ряд оборонительных мер. Стремясь обеспечить спокойствие в городе, он, как приостановил действие указа о немецком платье и брандиритии, привел население к присяге, перестал пропускать вниз по Волге торговые суда и начал готовиться к осаде. Он попытался произвести разведку, послав сотника Р. Обманщикова с 20 стрельцами в Черный Яр. Когда отряд не вернулся, воевода понял, что Черный Яр в руках восставших. После этого Турчанинов отправил гонцов в донскую станицу Паншин, в Черкасск и Саратов. Обратился Турчанинов и к хану Аюке. Хан Аюка сразу принял сторону правительства, с которым сравнительно недавно подписал выгодное соглашение и успешно сотрудничал. Считая необходимым удовлетворить просьбу Турчанинова о помощи, Аюка и его тайши не сомневались, что тем самым оказывают большую услугу правительству и могут надеяться на получение наград, льгот и пушек. Под Царицын решено было отправить несколько крупных отрядов. Прибытие первых отрядов калмыков сразу улучшило положение Турчанинова. Он расположил их по обеим берегам Волги и снабдил пушками, а 600 калмыков ввел в город. Сочувствующие восстанию оказались в меньшинстве.

В Черкасске войсковой атаман Л. Максимов, проведя после получения писем от Турчанинова присягу и арестовав астраханских посланцев, тоже начал готовить помощь Царицыну. В отписке от 30 августа в Москву и в сказке казака С. Кочета сообщалось, что в Черкасске решили сформировать 2 отряда. Всего «по смете» в походе должны были участвовать более 10000 человек.

В Саратове отписки Турчанинова вызвали большую тревогу. Город был совершенно не готов к сопротивлению и его воевода Ф. Змеев немедленно разослал «посыльщиков» в Петровск, Нижний Ломов и Пензу. Из Пензы гонцы поскакали в Саранск, из Саранска в Арзамас, а оттуда в Москву, Нижний Новгород и Муром. Распространилась новость и по городам Среднего Поволжья. В последующие дни тревога продолжала нарастать. Страх воевод перед выступлением народа подстегивал их лучше, чем любые указы центра. Наиболее четко выразил их отношение к восстанию воевода Нижнего Ломова: «А что они воры положили такую прелесть, будто им рубить немцев, и то они положили для знаку, а мысли их воровские не к тому, но такого же продчего их злу начальника и богоотступника Стеньки Разина».

Решение о походе вверх по Волге астраханский круг принял в первый день восстания. Часть восставших, главным образом экспансивная молодежь, о союзниках не заботилась, думая, что они найдутся всюду. Она требовала немедленного взятия Царицына и выступления к Москве, предлагая «всех призывать к себе, а кто б не пристал, и тех было всех побивать до смерти». В Москве они хотели «немцев всех, кто б где попался, мужеска и женска полу, побить до смерти и сыскать государя, и бить челом, чтоб старой вере быть по-прежнему, а немецкого платья бы не носить и бороды и усов не брить». А если он не согласится, то «и его, государя, за то убить до смерти, чая... что он государь подлинно подменной». Основная масса стрельцов, солдат, посадских и работных людей, которую возглавляли заговорщики, считала, что надо, овладев Царицыном, двигаться к Казани. Далее, «есть ли б к ним пристали, итти до Москвы и спрашивать про государя бояр, и будя бояря на разговор с ними не пошли б, и их побить». Третья группировка восставших считала возможным осуществить поход только при условии совместных операций

с донскими казаками, в которых они видели главную силу, гарантирующую успех. В случае отказа казаков они полагали, что следует уйти из России на «вольную» реку Аграхань. Эта группа объединяла людей, работавших за низкую плату или за хлеб и одежду, кабальных должников, холопов и другие категории дворовых людей, а также разного типа беглых, мечтавших слиться с «вольным казачеством» Дона или основать новые казачьи сообщества на свободных землях. Четвертая группа состояла из наиболее нерешительно и осторожно настроенных; их больше привлекала мысль о компромиссе с правительством, чем идея похода против столицы. В эту группировку входили посадская и стрелецкая верхушка, богатое приезжее купечество и частично шедшие за ними средние слои посада. В то же время они не решались идти в разрез с большинством круга. Мнение этой группировки разделяли умеренное крыло старшины, а также атаман «походного войска» Дериглаз и его ближайшие помощники. Общим для всех группировок положением была уверенность в поддержке донских казаков.

17 августа «походное войско» двинулось в путь. Первые дни пути прошли без волнений и помех, но, немного не доехав до города, «против верхнеизголовья Сарпинского острова», отряд внезапно подвергся нападению калмыков. Появившись на Луговой стороне Волги, они хотели «взять людей для языка». Силы калмыков были невелики и, несмотря на неожиданность нападения, астраханцы с ними «управились», часть «побили, а иных ранили». Подойдя к Царицыну, отряд Дериглаза начал высадку на Нагорной стороне в непосредственной близости к городу. Дериглаз остановился, решив ждать донских казаков. Этим немедленно воспользовался Турчанинов и «был бой, и от калмык били по ним ис пушек, и из города Царицына по ним стрельба была». Дождавшись ночи, Дериглаз приказал отступить и стать лагерем на расположенном против Царицына Сарпинском острове. Главной задачей в этот момент он считал переговоры с царицынцами и тем фактически обрек свое войско на бездействие.

Сначала Дериглаз отправил в Царицын заготовленное еще в Астрахани письмо, содержание которого было идентично другим посланиям астраханцев. Ответа не последовало. Та же участь постигла и два следующих письма, а время шло и удобный момент

для приступа к городу был упущен. К Царицыну продолжали подходить калмыки и число их быстро увеличивалось, подоспел и первый казачий отряд во главе с С. Чекуновым. После прибытия казаков Турчанинов решил ответить на послания Дериглаза и на Сарпинский остров от него поехали 2 пятидесятника, 3 казака и священник. Атаман рассказал посланцам о причинах восстания, а затем призвал их поддержать борьбу. Посланцы Царицына ответили, что «у нас де вера по-прежнему, не отнета, и царицынской де воевода их и все жители к ним не пристанут, и мимо Царицына вверх их не пропустят, и чтоб они шли в Астрахань по-прежнему». Донские же казаки «астраханцев бранили... и говорили, вы де в прошлых годах наших отцов и братьев побрали на Аграхане и в Астрахани перевешали..., как вы затеяли, так и ведайтесь». Сообщение об упреках казаков весьма любопытно. Оно показывает, что донская старшина, стремясь настроить рядовое казачество против восстания, старалась разжечь в них вражду к низовым стрельцам и солдатам, вынужденным по долгу службы выступать против отрядов «воровских казаков» с Дона.

Стояние на Сарпинском острове и фактическое бездействие отряда вызвали резкую критику поведения Дериглаза. Чтобы исправить положение, круг решил отправить к Дериглазу пополнение в 500 человек с приказом овладеть Царицыном. В период подготовки отряда Дериглазу послали письмо, где сообщалось, что к нему скоро придет подкрепление, а затем гонец привез атаману приказ «братъ Царицын боем». Между тем, Дериглаз, стоя на месте, ограничивался тем, что отбивал ежедневные атаки калмыков.

Упорство царицынского воеводы, нападения калмыков, приход в Царицын первой казачьей станицы, неудача переговоров и бездействие атамана не могли не вызвать в «походном войске» сильного брожения. Оно увеличивалось благодаря слухам, что скоро придут на помощь воеводе казаки из Черкаска, а сверху движутся «государевы ратные люди». 27 августа из Царицына привезли ответ, составленный от имени городских жителей, на все послания Дериглаза. В письме подчеркивалось, что больше ответов астраханцам не будет ни от горожан, ни от казаков, которые «к вашему приобщению приставать не хотят», а Дериглазу грубо напоминали «наперед сего к вам присылали выборных

людей, чтоб вы поехали прочь, а вы стоите по всякой час...» и угрожали, что если он с войском не уйдет, то станут «над ним воинской промысел чинить». Письмо показалось Дериглазу достаточно веским оправданием для астраханского круга. Получив его, он не стал ждать подкреплений и решил отступить. По возвращению в Астрахань отряд был распущен, а Дериглаза предали суду круга. Круг назвал поведение Дериглаза близким к измене, его лишили всех полномочий и звания.

С середины августа торговые суда и хлебные насады перестали приходить в Астрахань. Запасы зерна, муки и круп можно было только двумя способами: захватить Царицын, где выгружались задержанные Турчаниновым суда, или пойти на компромисс и добиться от воеводы снятия блокады, не прибегая к вооруженной силе. Обсуждая это положение, круг решил послать к Царицыну новый отряд. Походным атаманом утвердили А. Хохлача, его отряд составлял 1000 человек.

13 сентября калмыки осуществили серьезный налет уже на окрестности Черного Яра. 14 сентября они его повторили, и горожане были вынуждены сесть в осаду.

Наказ предписывал отряду Хохлача идти в Черный Яр «для обережи того города» и только, когда он будет избавлен от опасности, двигаться дальше, «до Царицына и до Саратова». Калмыки на отряд не нападали, а когда он подошел к Черному Яру, отступили в степь. Осаде города был положен конец и там восстановилась нормальная жизнь.

Между тем обстановка под Астраханью осложнилась. Узнав об уходе оттуда большого военного отряда, калмыцкие феодалы начали налеты в районах Красного Яра, Гурьева и самой Астрахани. На восставших трудности оказывали разное воздействие. Главным виновником бед большинству рисовались в этот момент калмыки, и население активно объединялось на борьбу с ними, стойко перенося ее последствия. Поддерживая меры старшины, горожане часто непосредственно вступали в стычки с калмыками как собственными «артелями», так и примыкая к служилым людям. Но трудности постепенно обостряли противоречия между городскими низами и верхушкой. Беднейшее население стало чаще и резче выражать недовольство действиями отдельных купцов, которые исподволь спекулировали хлебом и други-

13. Астраханское восстание 1705–1706 годов

ми товарами, увеличивали ростовщические проценты, снижали цены на продукты местного ремесла и, ссылаясь на трудности, уменьшали плату работникам. В посадских низах упорнее стали разговоры об уходе «на вольную реку Аграхань». Городскую верхушку эти настроения пугали, и ее наиболее деятельные представители лавировали, пытаясь придать восстанию более спокойное течение. Зажиточные посадские люди и стрельцы, особенно из конных полков, старались теперь отстраниться от участия в собраниях круга, где шумели низы, справиться с которыми становилось все труднее. Если посадские низы строили планы ухода из Астрахани, то основное ядро местной посадской и стрелецкой верхушки, восточное купечество, татарские головы и мурзы обсуждали пути компромисса с правительством. Опасаясь говорить об этом открыто и внешне продолжая проявлять лояльность, внутренне они уже были готовы к капитуляции. Средние слои городского населения и основная масса служилых людей оставались на прежних позициях. Но среди них стало расти число колеблющихся, которые сомневались, что удастся самостоятельно справиться с трудностями.

Хохлач вел свой отряд вверх от Черного Яра медленно и осторожно. Обдумав со своим штабом план действий, он остановил основные силы ниже Сарпинского острова, а туда послал небольшой отряд во главе с есаулом С. Кондратьевым, который легко захватил остров. Астраханцы перетаскивали свою артиллерию «на приверх» Сарпинского острова и начали обстреливать город. Первые 2 дня, как видно из отписок Турчанинова и донских старшин, между обеими сторонами шла упорная перестрелка. Восставшие «по Царицыну ис пушек и из мелкова ружья били и бомбы бросали». Им отвечали тем же, но добиться перевеса никому из противников не удавалось. Через 2 суток Хохлач решил провести переговоры с донскими казаками. Казаки ответили, что «к вашему воровству не пристанем и будем с вами битца и за него государя умирать». После переговоров Хохлач пробыл под Царицыном немногим более суток. 24 октября он отдал распоряжение погрузиться в струги и отплыл назад, захватив с собой пленных, взятых на Сарпинском острове. Другого выхода у них не было, ибо стало ясно, что добиться перевеса в свою пользу их сравнительно небольшому отряду не удастся, а продол-

жать стоять на Сарпинском острове бессмысленно. В Астрахань «походное войско» прибыло в начале ноября, и его приняли без всяких эксцессов.

После возвращения отряда Хохлача атаки калмыков только усилились. В районе Черного Яра к ним присоединились донские казаки. Вот как описывает положение черноморцев один из защитников города: «...Не выдайте, чтоб нам напрасной смертью с черноморскими жителями не умереть, с калмыками и с царицынцы битца мочи нашей не становитца... мы бьемся с ними боем семая неделя, денно и ночью, и у нас на Черном Яру свинцу и пороху не становитца. Пришлите к нам войска и свинцу и пороху, не помешкав. Вам город Черный Яр застава не бедная и нас не покиньте, не дайте нам в конец разоритца. А буде не пришлете, на нас не покручинитесь, мочи нашей не становитца».

Разногласия среди терчан, имевшиеся даже в первые дни восстания, привели, как мы видели, к тому, что в состав старшины вошли проправительственно настроенные лица. Сохранив жизнь воеводе, они действовали в тесном контакте с ним и делали все, чтобы привести восстание к поражению. В ноябре между сторонниками и противниками воеводы стали происходить открытые столкновения. Но большинство круга продолжало стоять за союз с Астраханью. Некоторых, наиболее откровенных заступников воеводы «хотели побить» и тогда многие из них «из города разбежались». Не выдавал себя только Авдеев. Возрастающая опасность заставила подумать о бегстве и воеводу. После 15-недельного сидения взаперти он решил выбраться в водовозной бочке, в которой восставшие разрешали его слугам возить воду. Для бочки было изготовлено третье днище и воевода Молостев «велел себя в той бочке другим дном заделать и на телеге вывезть, будто с тою бочкою ехали по воду». Он предполагал «соединитца с Гиреем шавкалом да с Чапаном шавкалом и с иными владельцы и учинить бы над теми ворами воинской промысел и город бы очистить». Затея удалась. Слуги вывезли воеводу в камыши, откуда он бежал в степь подобрался к баргунскому владельцу Кучуку, который переправил его к князю Дивею. На сторону воеводы перешли многие жители Новокрещенской слободы и «из московских тайно стали приходить». Посланные кругом на переговоры с воеводой выборные были

схвачены. Узнав об этом, терчане «сели в малом городе в осаде». Но силы были уже неравны. Ночью Молостев послал отряд на приступ. Осажденные ночного боя не ожидали, и отряду удалось завладеть городом. После допросов и пыток 10 человек казнили, нескольких отправили в Москву, а часть приговорили к различным наказаниям, после которых их привели к присяге и воевода им «велел жить на Терке по-прежнему до указу».

24 февраля в Царицын прибыл фельдмаршал Шереметев, посланный Петром I для подавления астраханского восстания. Одновременно с ним приехал черноморский атаман К. Калентьев с известием, что Черный Яр готов открыть царским войскам свои ворота. В Астрахани и ее округе за январь и февраль 1706 г. положение не улучшилось. Хотя из-за наступившей зимы калмыки несколько ослабили натиск на города и учуги, напряженная обстановка там сохранилась. Всю первую неделю марта круги в Астрахани были такими же бурными, как и в начале восстания. Напряжение достигло высшей точки, когда стало известно, что черноморцы решили сдать город, а следовательно, никакого заслона между восставшими и правительственными войсками больше нет. Договорились, что фельдмаршал «буде придет к Астрахани, в город не пустить, разве с малыми людьми, с 50 человек или меньше». Начали готовить пушки и снаряды. Загородные дворы и слободы решили сжечь, а людей с учугов, из Красного Яра и Селитренного городка перевести в Астрахань и сесть в осаду. В дальнейшем предполагали «большой снаряд, которой будет им не в мочь, затопить в воду и итить на Аграхань».

Между тем, при известии, полученном от дозорных, что авангард фельдмаршала приближается к Круглинской заставе, восставших охватили страх и растерянность. Этим не замедлили воспользоваться сторонники правительства, к которым примкнула посадская и стрелецкая верхушка во главе с Я. Носовым, татарские мурзы, купцы восточных колоний и представители средних слоев городского населения, не собиравшиеся бросать свои дома и хозяйство ради Аграхани. Круг постановил выслать навстречу фельдмаршалу выборных лиц. На встрече Б.П. Шереметев объявил астраханцам, что царь «шатости их предал вечному забвению», а они должны «вины заслужить» и быть «во всяком послушании». Далее все двинулись вместе, но вскоре

встретили бурмистров О. Твердышева, А. Анциферова, сотника С. Блинова и 2 подьячих, которые заявили, что «в Астрахани забунтовали по-прежнему и ево, боярина, в город пустить не хотят». Изменение обстановки в Астрахани началось сразу же после отъезда посланных встречать фельдмаршала. Донской казак Зиновьев на следствии показал, что сомнение в правильности решения круга высказывали многие и пошли разговоры, что посылать к фельдмаршалу было незачем. Оправившись от первого потрясения, часть восставших снова вернулась к мысли, что до возвращения челобитчиков впустить войска в город нельзя и надо защищаться.

12 марта караульные, стоявшие на башнях, выходивших к Кутуму, заметили, что солдаты фельдмаршала заняли Ивановский монастырь. Одновременно со стороны степи, за митрополичьим садом, появились калмыки. Таким образом, расстояние между противниками резко сократилось. Когда Б.П. Шереметев пошел осматривать местность и прибыл в Ивановский монастырь, сидевшие в засаде в садах и на валу астраханцы не удержались, открыли стрельбу и пошли в атаку. «Увидя меня, почали к тому монастырю приступать и стрелять из пушек и кинули три бомбы», — рассказывал Шереметев. Но никто не поддержал, так как в это время шло приготовление отряда восставших к вылазке, и полк Абрама легко отбил атаку. Но, опасаясь повторения, фельдмаршал подтянул к Кутуму эскадрон, батальон и полк Билса. Теперь отряду восставших предстояло столкнуться с отборными частями регулярной армии. Ворота, за исключением выходивших к Ивановскому монастырю, заперли, а ведущие к ним мосты разломали. Когда отряд был, наконец, составлен, его возглавил Зиновьев. Развернув знамена, люди вышли за ворота Земляного города, прошли сады, спустились к Кутуму и, перейдя реку, начали атаку. Но, столкнувшись с регулярными полками, неопытные добровольцы дрогнули и побежали обратно. Кадровые солдаты и стрельцы удержать их не смогли, а одни противостоять превосходившему их по силам противнику они были не в состоянии.

Видя бегущих, не выдержали и люди, сидевшие в садах. Бросив пушки, они тоже побежали к воротам. Только защитники стен подняли стрельбу и, остановив солдат Шереметева, помог-

ли беглецам войти в ворота и запереть их. Неудачу восставших фельдмаршал немедленно использовал и отдал приказ штурмовать Земляной город.

После нескольких часов боя астраханцы стали уставать. Уверенность, что удастся удержаться, таяла. Начиная думать об отступлении, старшины приказали возить из Земляного в Белый город хлеб. Туда же потянулись женщины и дети. Возбуждение сменила подавленность. Пытаясь поднять настроение, Зиновьев пошел на хитрость. Подозвав рабочего человека Д. Потапова, он дал ему икону и велел «в народе возмущение чинить, будто... богородица ему явилась и сказала, что генерал фельдмаршал града Астрахани не возьмет, чтоб астраханские жители стояли за веру...». Но впечатления это не произвело.

На исходе 6-го часа боя оборона астраханцев была прорвана. Оставив на валу пушки и мортиры, восставшие начали отступать к Белому городу. Бой продолжался на улицах. В ход пошли копья, мечи, пистолеты и просто дубины. Солдаты Шереметева «до самого Белого города рубили», а драгуны и калмыцкая конница топтали людей лошаадьми. Восставших спасало только знание города, которое помогало им, используя проулки, проходные дворы, сады и огороды, быстрее пробираться к Белому городу. Постепенно растекшиеся по улицам солдаты и калмыки отстали и с хода ворваться в Белый город не смогли.

Однако и в этот момент восставшие не намеревались сдаваться. Войдя в Белый город и заперев ворота, они возобновили борьбу, начав стрелять со стен и башен, где сохранились пушки. Тогда фельдмаршал, чтобы не терять людей, приказал «от ворот отступить и поставил те полки по улицам». Затем он велел установить батарею, чтобы «метать в город бомбы». Калмыки тем временем рыскали в слободах, ловя разбежавшихся по домам людей, и, как позже был вынужден признать Шереметев, разграбили множество домов.

Пока сторонники сопротивления бились за Земляной город, сторонники капитуляции, используя неудачи и просчеты нового атамана, упорно доказывали, что спасти город можно, лишь прекратив борьбу. Число прислушивавшихся к ним постепенно росло. Поэтому, когда в Белый город с трудом пробрались бойцы, их встретило тяжелое и всеобщее осуждение, а их намерение

продолжать борьбу не встретило поддержки. Во время последнего стихийно собравшегося круга начался обстрел, и на Белый город посыпались бомбы. Каждая минута промедления уменьшала шансы на приемлемые условия сдачи, и круг принял свое последнее решение.

Построив свои полки, фельдмаршал медленно двинулся к Кремлю. На всем пути шествия, от Вознесенских до Пречистенских ворот, «по обе стороны улицы, астраханцы все лежали на земле».

Уже к концу мая арестованных по астраханскому делу достигло 273, не считая отправленных ранее в Москву и умерших во время следствия. Аресты вызвали волну массовых побегов участников восстания. С бежавшими и пойманными расправлялись сурово. Сообщая о случаях побегов, Шереметев писал, что он «переловя, учал вешать». Точных данных о числе привлеченных к суду не сохранилось. Но благодаря вновь найденным материалам удалось установить 504 имени. Помимо них в процессе принимало участие много свидетелей. В ходе следствия применялись допросы, очные ставки, пытки, использовались документы старшинской канцелярии и другие материалы. Пытки были жестокими и повторялись много раз, временами приводя к смертельному исходу. В выписке Преображенского приказа умерших во время следствия значилось 45 человек, но эти сведения не полны.

В зависимости от степени вины восставшие были колесованы, казнены отсечением головы или повешены. Головы были отсечены 72 человекам и повешено, по неполным данным, 242 человека. Виселицы стояли вдоль многих ведущих в Москву дорог.

14. Булавинское восстание 1707–1709 годов

Противостояние началось с уничтожения повстанцами правительственного отряда, посланного для сыска беглых крестьян. Впоследствии движение разрослось до многотысячного восстания и долгое время продолжало беспокоить Петра I даже после смерти атамана Булавина.

Источник: В.И. Лебедев «Булавинское восстание 1707–1708 гг.».

Тяжелое бремя крепостничества, новые налоги, вызванные Северной войной, принудительные работы, на которые стогнали тысячи работоспособных людей, ежегодные рекрутские наборы — все это всколыхнуло многомиллионное крестьянство России. Громадные, слабонаселенные необъятные пространства земель Войска Донского стали пристанищем беглых, обездоленных людей, стремящихся найти спасение от крепостничества. Царское правительство, борясь с бегством крестьян, медленно, но неуклонно распространяло свою власть на юг, ущемляя права донского казачества и постепенно ликвидируя его самостоятельность, в области внутренней и внешней политики.

6 июля 1707 года Петра I издал указ о сыске беглых в донских городках. Для исполнения этого указа в начале сентября князь Юрий Долгорукий прибыл в Черкасск.

О жестоком поведении князя Ю. Долгорукого во время розыска писал позднее Кондратий Булавин в своей отписке к кубанским казакам: «И они, князь с старшинами, будучи в городках, многия станицы огнем выжгли и многих старожилых казаков кнутом били, губы и носы резали и младенцев по деревьям вешали...». Известия о жестокости и высылке беглых передавались от одного селения к другому. «Новопришлые» прятались в лесах, оврагах. Многие городки как будто вымирали при приближении к ним людей Долгорукого. Так, в Новоайдарском городке оставалось лишь 12 казаков, так

как большинство жителей (150 человек) были «новопришлыми» и, спасаясь от сыска, разбежались. Всего на прежние места жительства было возвращено около 2000 беглых.

Возмездие свершилось 8 октября 1707 г. Отряд Долгорукого прибыл по р. Айдару в Шульгин городок. Станичный атаман предупредил князя, что недалеко от Новоайдарского городка в лесу собрался отряд в 150 вооруженных беглых во главе с бывшим бахмутским атаманом Кондратием Булавиным и казаком Новоайдарского городка Григорием Банниковым, но Долгорукий не принял должных мер. В ночь на 9 октября 1707 г. повстанческий отряд К. Булавина и Г. Банникова ворвался в Шульгин городок. Юрий Долгорукий был убит, также было перебито много офицеров и солдат. Убийство Долгорукого и ликвидация его отряда в Шульгиной городке знаменовало собой начало восстания на Дону.

Вспыхнувшее осенью 1707 г. восстание голытьбы и беглых проходило в благоприятной обстановке. Многие домовитые казаки были в действующей армии на шведском и польском фронтах. Кроме того, часть домовитых казаков на первых порах приняла участие в восстании. Однако это были лишь временные попутчики, стремившиеся использовать протест народных масс для сохранения своих старых привилегий.

После уничтожения царского отряда на Айдаре атаман Булавин посылает «прелестные письма» в верховые городки по Айдару, Медведице, Хопру с призывом последовать его примеру. Булавин рассчитывал на помощь из Астрахани, с Запорожья и с Терека, а также намеревался пойти на Бахмут «и как городки свои к себе склонят, пойдут Изюмским полком по городам и до Рыбного и конями, ружьем и платьем напоятца и пойдут в Азов и на Таганрог, и освободят ссылочных и каторжных, которые им будут верные товарищи. И на весну собрався пойдут на Воронеж и до Москвы...» Через несколько дней у Булавина уже было большое войско, до двух тысяч человек, находившееся в Боровском городке.

Широкий размах восстания вызвал опасение у войскового атамана и старшины. Войсковой атаман Лукьян Максимов спешно организовал войско «чтоб их... до пущего злого наме-

14. Булавинское восстание 1707–1709 годов

рения не допустить, и злой их совет нечестивый разорить». Более того, Максимов обратился с просьбой к азовскому губернатору Толстому о присылке конной службы казаков и новокрещеных калмыков в верховые городки.

Близ городка Закотного и произошла встреча войска под командованием атамана Максимова с отрядами повстанцев под предводительством К. Булавина. Посланные вперед отряды старшины Ефремова преградили дорогу булавинцам к Закотному городку. Повстанцы, зная, что за отрядом Ефремова на них движется большое войско, укрепились у р. Айда-ра, недалеко от леса. За два часа до наступления темноты на помощь передовому отряду подоспело все войско карателей и начало стрельбу по укреплениям повстанцев «изо всего ружья». После перестрелки последовали переговоры. Максимов потребовал, чтобы были выданы зачинщики восстания: Кондрат Булавин, Григорий Банников, Иван Лоскут. В ответ на такое требование восставшие открыли стрельбу. Ближе к ночи булавинцы отступили («той же ночью по лесам разбежались»). На рассвете войсковой атаман увидел опустевший лагерь с догоравшими кострами, телегами и брошенными лошадьми. Начали разыскивать по лесам и оврагам. В результате поиска было поймано более 230 человек. Из них восемь человек повесили вниз головой, 130 повстанцам отрезали носы, 84 человека посланы валуйскому воеводе, а десять человек отправили в Москву, где их ожидали пытки и смертная казнь.

Старшинское войско жестоко расправилось с населением восставших городков. Шульгинский городок, где убили Ю. Долгорукого, был «сравнен с лицом земли».

В декабре 1707 г. один из отрядов восставших во главе с Кузьмой Акимовым осадил Провоторовский городок. Перевес оказался на стороне домовитых казаков, засевших в городке. 26 повстанцев были «посажены в воду», т.е. утоплены.

Сам Булавин 20 декабря 1707 г. прибыл в Кодак и оттуда с 12 соратниками явился в Запорожскую Сечь с просьбой о помощи. Была созвана Рада, на которой зачитали письмо Булавина, призывавшее запорожцев «себе вспоможение к возмущению бунта, что учинить то в великороссийских

городах». Булавин обещал всем вступающим в его «охотное войско» 7000 червонцев. Предложение Булавина вызвало перебранку между голытьбой и зажиточными казаками во главе с кошевым атаманом Финенко. «И для такого его Булавина предложения збирались всем Войском в круг трижды и окрик чинили, чтобы идти наперед на орельские городки и побрать пушки и побить панов и арендарей за их неправду, что Украиной завладели, а их казаков изобижают».

В феврале 1708 г. к Булавиному прибыло 40 человек казаков, призывавших атамана возглавить растущее протестное движение в верховых городках Дона. Находясь в Кодаке, Булавин рассылал «прелестные письма». В них он призывал «приезжать... к нему» и вступать в войско. Причем Булавин умышленно преувеличивал свои силы, заявляя, что с ним семь тысяч донских казаков, шесть тысяч запорожцев, пять тысяч от кочевой «Белой Орды». Письма Булавина достигли поселений гребенских и яицких казаков, не желавших сражаться с башкирскими повстанцами. «Прелестные письма» К. Булавина распространялись и на Украине.

4 апреля 1708 г. Кондратий Булавин и его сподвижник запорожский атаман Щука двинулись во главе повстанцев на Дон. К тому времени крестьянские волнения охватили Придонье (Козловский, Тамбовский, Воронежский уезды), Слободскую Украину, Поволжье, наибольшего размаха достигает башкирское восстание. Центром восстания стал Пристанский городок на р. Хопре, где в первых числах марта 1708 г. собралось до тысячи повстанцев. Ядром повстанческого войска были 300 казаков во главе с Хохлачем. Основная масса повстанческих сил состояла «из великорусских беглецов». Булавин «со товарищи» тем временем добрался до Пристанского городка. На созванном в Пристанском городке кругу предводитель повстанцев заявил, что он намерен «идти в Черкасск и побить старшин из Черкасского до Азова в Троицкий, а от тех городков и в иные города побить же бояр, прибыльщиков и немцев». Изложив свои планы, Булавин «выняв саблю, говорил своим единомышленникам: ежели де ...своего намерения не исполнит, и ему б той саблею голову отсекли».

14. Булавинское восстание 1707–1709 годов

К. Булавин и его помощники продолжали рассылать «преlestные письма». К этому времени относится известное «преlestное письмо» Булавина в русские города, села и деревни, к добрым начальникам, торговым и черным людям. «А от нас вы всякие посацкие и торговые люди, и всякие черные люди обиды никакой ни в чем не опасайтесь и не сомневайтесь отнюдь». Далее Булавин призывал их «за злое дело» не спускать «худым людям» князьям и боярам, прибыльщикам и немцам.

Готовясь к походу, повстанцы завладели в Усть-Хоперском городке «государевыми хлебными запасами». Повстанцы трижды побывали в Донецком городке, где «за малою водой» были оставлены «государевы пушки и ядра». Отрядами Хохлача были пригнаны с «государевых» конных заводов, находившихся в Тамбовском уезде, табуны лошадей для предстоящего похода.

В жарких спорах на кругах победила группа повстанцев, предлагавших не повторять ошибки разинцев и не оставлять в тылу низовых старшинских казаков, которые могли бы предать. Эта группа призывала к походу на Черкасск «побить старшин». «А взять де Черкесской итить им... разорять в Озов, а потом до Москвы, а в Озове и на Москве во всех городах вывести им бояр, да прибыльщиков, да немцев».

В Пристанском городке ко времени выступления в поход насчитывалось до 20000 повстанцев.

Весной в цветущих степях Дона вспыхнуло крупное народное восстание, охватившее юг страны и повлекшее за собой волнения в центральных уездах. Если судить по книгам Печатного приказа, в марте — апреле 1708 г. учащаются побеги крестьян, случаи неповиновения помещикам. По свидетельству капитана Ю. Аксакова, посланного в Придонье для поимки беглых, число повстанцев «умножилось, и многие помещиковы дома, и села, и деревни разорили».

Большая масса недовольных сосредоточилась на Хопре. Так, например, сюда бежало из Тамбовского уезда 1000 человек (в большинстве крестьян), чтобы избежать набора в солдаты. Многие из них двинулись в Пристанский городок к Булавину.

Один из отрядов повстанцев ворвался в Борисоглебск и расправился с представителями царской власти. Были выпущены из тюрьмы колодники, захвачены запасы пороха. Во главе уезда и селений встали избранные народом атаманы и есаулы.

Тысячный отряд повстанцев появился близ Тамбова и захватил лошадей драгунского двора. Перепуганный воевода приказал бить в набат и стрелять из пушек. На звон набата сбежалось до трехсот жителей, которым роздали порох и свинец. «И они во время молебного пения, — писал воевода, — дождався окончания, из города вышли, и знатно те тамбовцы к их воровству склонились, потому что по наряду от тамбовского Воеводы в город к нему на отпор им, бунтовщикам, не только из сел, но и Троицкие не идут...»

Больших успехов достигли повстанцы в районе бассейна р. Битюга. 30 марта 1708 г. повстанческий отряд численностью более 100 человек вошел в село Боровское. Булавинцы «великого государя денежную казну и лошадей разграбили, и указы и всякие приказные письма изадрали, и многие дома разоряли. А колодников распустили, а иных взяли с собою...»

В конце марта в Бобров из Пристанского городка прибыл отряд из 300 повстанцев. Повстанцы, по словам козловского воеводы Волконского, «тамошнего воеводу и подъячих и бурмистров били и грабили и пытали, и лошадей государевых отогнали и колодников распустили». Не прекращались волнения и на землях Слободской Украины. Повстанческий отряд в 1000 человек во главе с С. Беспалым пришел в Бахмут для встречи двигавшихся к Булавину запорожских казаков. Бахмутский атаман и многие жители встретили повстанцев хлебом-солью. После встречи с запорожскими казаками отряд Беспалого двинулся к Ямполью. Вместе с ним пошло 500 бурлаков из Бахмута.

К весне восстание в Башкирии и Татарии достигло наибольшего размаха. К восставшим присоединялись чуваша, удмурты, марийцы, вотяки и другие народности. К. Булавин стремился установить связь с народностями, восставшими против колониальной политики царизма. Главный удар он решил нанести по домовитой старшине в Черкасске, угрожавшей

14. Булавинское восстание 1707–1709 годов

с тыла войску восставших. Однако для похода необходимы были лошади, которых еще не хватало. Пятьсот повстанцев во главе с Хохлачем переправились через р. Битюг и отогнали драгунских лошадей. Другой отряд повстанцев, судя по донесению английского посла Витворта, проник в Рязанский уезд и отогнал лошадей с конного завода в Раненбурге.

Петр I был обеспокоен многочисленными известиями о растущей угрозе со стороны повстанцев. 27 марта 1708 г. издан царский указ, согласно которому находившийся в Острогжске Бахметев и Тевяшов со своими полками должны идти к Воронежу и Тамбову.

28 апреля 1708 г. Бахметев послал конницу в погоню за замеченным повстанческим отрядом. У переправы через р. Битюг произошло кровопролитное сражение. Бой длился три часа. С обеих сторон было много убитых и раненых. Исход боя решило численное превосходство царских войск. Ожесточенное сопротивление повстанцев было сломлено. Часть их спаслась, укрывшись в леса. Царские войска взяли в плен 143 человека, 3 знамени, оружие и коней. Как показали пленные, в отряде было много жителей с хоперских, медведицких и бузулукских городков. Предводителем отряда был сподвижник Булавина Лукьян Хохлач.

Однако Петр I посчитал, что стольник Бахметев не сможет быть в должной мере решительным и жестоким в борьбе с повстанцами. Выбор царя пал на майора гвардии Василия Долгорукого, брата убитого булавинцами Юрия Долгорукого. В. Долгорукий должен был срочно покинуть действующую армию и прибыть в район восстания, «чтобы сей огонь потушить». Долгорукий по распоряжению Петра I должен был «ходить по... городкам и деревням... которые пристают к воровству, и оные жечь без остатку, а людей рубить...».

За время сбора царских войск повстанцам удалось создать крупные конные отряды. Кони были или захвачены «на государевых дворах», или приведены участниками восстания. Пехота была «посажена» на суда, многие из которых были отобраны у торговых людей. Не всем хватало оружия. В отрядах многие «гулящие» были безоружны. Мало было запасено и продовольствия. Однако медлить с походом на Черкасск

было нельзя, так как царские полки двигались вслед. Булавин был твердо уверен, что подневольная голытьба в Черкасске будет на его стороне.

По показаниям козловского жителя, с Булавиным «конницы 5000, в судах 2000 человек». По другим сведениям, повстанцев было тысячи четыре и больше конницы. Кроме того, часть повстанцев осталась для охраны подступов к Дону с севера, некоторые отряды булавинцев действовали в Придонье, Поволжье.

28 марта 1708 г. Лукьян Максимов вышел с домовитыми казаками из Черкаска к речке Кагальчику — месту сбора старшинского войска. В армии войскового атамана находилось 8000 человек вместе с азовскими ратными людьми. Он оставил в Черкасске для его защиты 4000 казаков и ратных разных людей из Азова.

8 апреля повстанческое войско и армия Максимова встретились выше городка Паншина, на речке Лисковатке. Бывшие в войске Максимова верховные казаки потребовали переговоров. От Булавина прибыл в Максиму посланец с предложением «не иметь напрасного кровопролития и разорения, а между собой сыскать виновных». Войско Донское направило для переговоров к Булавину Ефрема Петрова, Максимов собрал войсковой круг, во время которого булавинцы неожиданно напали на старшинское войско. Находившиеся здесь верховые казаки и часть низовых перешли к булавинцам, а старшинских казаков «многих побили до смерти и переранили». В обозе были захвачены 4 пушки, порох, свинец и «денежная казна» 8000 рублей. Максимов с низовыми казаками и азовский полковник Николай Васильев с конными казаками и драгунами вынуждены были отступить.

Чем ближе подходило повстанческое войско к Черкасску, тем быстрее увеличивалась его численность. 26 апреля передовые отряды восставших (общей численностью около 4000 человек) подошли к Черкасску и остановились на р. Васильевой. Старшины Черкаска и из трех Рыковских станиц решили обороняться и «сели в осаду».

28 апреля все три рыковские станицы, а также Скородумовская и Тютюревская перешли на сторону восставших. В тот же день войско Булавина приблизилось к Черкасску и было об-

стреляно из пушек. Однако уже 1 мая 1708 г. Черкасск был захвачен повстанческими отрядами.

По признанию Козловского воеводы Волконского, в результате разгрома войска Максимова «здесьшний народ по нынешним известиям зело стал быть под сомнением». Он доносил, что «возмутилось» большинство новонаселенных деревень, особенно находившихся «в близости» от хоперских городков. Жители Козлова и особенно Тамбова сочувствовали восставшим. Отряды повстанцев действовали в разных местах Придонья. Крупнейшим был отряд Хохлача. При стычке с царскими драгунами во время сражения на р. Битюге (16 апреля) в его рядах насчитывалось 500 человек, а через 10 дней во время сражения на р. Курлаке отряд его возрос до 1500 человек. Симпатии к повстанцам крепили благодаря помощи, оказанной жителям Придонья в борьбе с угнетателями. Пришедший с Хопра в город Битюг отряд повстанцев в 200 человек арестовал воеводу, попа, подьячих, городских богатеев, а «бургомистра пытали, привязав к двум лошадям к хвостам волочили сквозь окно».

Через освобожденные земли Слободской Украины к Булавину потянулись запорожцы и сотни украинцев с Левобережья. Они грабили плывущие от Изюма по реке Донцу купеческие будары и лодки. Эти действия останавливали «судовой ход, следующий с товарами к городам Черкасску и Азову».

Казнь А. Максимова и старшин состоялась 6 мая 1708 г. Многие их сторонники были арестованы. После казни нужно было решить вопрос — кого избрать атаманом Войска Донского. Большую работу в пользу кандидатуры Булавина развернули И. Некрасов и С. Дранный, которые, по донесениям азовского губернатора, «чинят непрестанно войсковые круги и выбирают войскового атамана». 9 мая 1708 г. после получения известия от Хохлача и Беспалого, «что де на Хопер и на Донец пришли полки и городки их разоряют», Булавин был избран войсковым атаманом. После избрания атаманом Булавин отправил одну часть войска к Северскому Донцу, а другую на Хопер и Волгу.

Воспользовавшись некоторой изоляцией Булавина в Черкасске, домовитые организовали заговорщическую группу. Им удалось привлечь в заговор до 500 человек. Заговорщики

широко использовали войсковой круг, чтобы вынудить Булавина пойти на примирение с Петром I. В мае 1708 г. Булавин посылает «примирительные» письма Петру I. Примирительная тактика К. Булавина преследовала определенную цель — задержать царские войска, посланные для разгрома повстанческого движения.

Постепенно Булавин усиливал борьбу с домовитыми казаками. Трудным стало положение после отгона заговорщиками конских табунов в Азов, а вскоре пришло известие о выступлении Долгорукого и его карательной армии на Юг, насчитывающей 32000 человек. В связи с отгоном домовитыми конских табунов Булавин созвал круг, на котором постановили в случае отказа азовского губернатора возвратить коней «итти на Азов войной».

Сборы войска для похода на Азов были поспешны. Булавин решил идти на штурм хорошо укрепленного города, не ожидая прихода отрядов атаманов Драного и Некрасова. 5 июля под Азовом появился его разъезд, а затем и само войско. На следующий день повстанческая пехота и конница бросились на штурм Азова и Троицкого. Соотношение сил было с начала боя не в пользу повстанцев. Гарнизон Азова состоял из семи полков. Там было немало бежавших из Черкаска домовитых казаков. Участь сражения под Азовом решила ожесточенная артиллерийская бомбардировка повстанческого войска. Обстрел сковывал действия повстанцев. Под прикрытием артиллерии царским войскам удалось заставить повстанцев отступить. Штурм Азова не удался.

Булавинцам необходимо было задержать перешедшую в наступление карательную армию Долгорукова. До 29 мая царские войска, не встречая сопротивления, продвигались на юг и вступили 6 июня в Валуйки. На соединение к Долгорукому в Валуйки двигался сумский полк, в составе которого насчитывалось до 1200 человек. В ночь на 8 июня полк расположился недалеко от Валук в степи у р. Уразовой. За час до рассвета повстанческое войско атаманов Драного, Беспалого и Голого внезапно с двух сторон нагрянуло на полусонных солдат. Повстанцам удалось сломить сопротивление караула и ворваться в обоз с разных сторон. В бою был убит полков-

14. Булавинское восстание 1707–1709 годов

ник, многие сотники, старшины и урядники. Немало рядовых солдат присоединилось к повстанцам. Был захвачен весь обоз полка, 4 пушки, сотни коней, ружья.

25 июня командующий карательной армией Долгорукий получил от царя письмо, в котором предлагалось «собирать силы для похода». Долгорукий прервал передышку и объявил о намерении идти в поход против отряда Драного, подошедшего к Тору и осадившего город. В их войске насчитывалось 6500 человек (в том числе 1500 запорожцев). Повстанцы пытались склонить жителей города на свою сторону, посылали прокламации, «прелестные письма». Подошедшим царским полкам повстанцы, отступив, решили дать бой в урочище Кривая Лука, вблизи р. Донца. Огражденные с тыла лесом повстанцы завели в него обоз, а в сторону поля, откуда ожидался приход царских полков, направили жерла орудий. 2 июня 1708 г. произошло столкновение с царскими отрядами. На разгром повстанцев были брошены все силы драгунских полков и 3 конных полка Шидловского. В бой была введена пехотная часть Преображенского гвардейского полка. Драгунским полкам и коннице Шидловского удалось смять выдвинутые вперед отряды повстанцев. Остатки этих отрядов засели в овраги и в укрепления, устроенные в лесу. Сражение закончилось во втором часу ночи. Большинство повстанцев скрылось под покровом темноты. По донесениям Шидловского и других у восставших было убито полторы тысячи человек. В сражении погиб храбрый атаман Семен Драный.

Известие о поражении повстанцев под Тором вызвало замешательство среди булавинцев. Домовитые стали готовить мятеж, чтобы схватить Булавина и его помощников, а затем выдать их царским властям и тем искупить свою причастность к восстанию. Когда же остатки разгромленного под Азовом войска пришли в Черкасск и стали упрекать Булавина, что он их «не выручил», заговорщики — домовитые казаки — сочли момент самым подходящим для мятежа. 7 июля 1708 г. домовитые пришли с оружием к куреню (дому) Булавина, чтобы захватить атамана. Булавин с близкими товарищами упорно сопротивлялся и убил двух домовитых. Неравная борьба длилась долгое время. Взять атамана живым

не удалось. По версии домовитых казаков Булавин покончил жизнь самоубийством, но вероятнее всего он был убит в перестрелке.

Известие о гибели Булавина и о поражении его войск было расценено как конец восстания и воспринято царским двором с превеликой радостью. Петр I приказал произвести салют из 87 пушек. Одновременно тройной ружейный салют был сделан пехотой и конницей.

Однако князь Долгорукий был вовсе не склонен считать, что поражением восставших под Азовом и гибелью Булавина восстание закончилось. Он стоял за необходимость жестокой расправы с замешанными в «воровстве» и двинул полки в Черкасск. Долгорукий был очень недоволен казавшимися ему мягкими мерами, предпринятыми домовитыми казаками в отношении «завотчиков» и «бунтовщиков». До него дошли слухи, что на кругу возник спор, отдавать или не отдавать захваченных сторонников Булавина.

26 июля Долгорукий прибыл к р. Аксаю, недалеко от Черкаска, «и полки поставил все во фронт». Навстречу вышли поредевшие ряды старшины со знаменами. Впереди выступал новоизбранный войсковой атаман Илья Зерщиков и есаулы. Не доезжая до полков, они слезли с лошадей, склонили знамена и легли на землю в знак повиновения. Зерщиков в унижительных тонах просил Долгорукого простить пришедших казаков и всячески отгораживался от причастности к восстанию. По словам Зерщикова, Булавин «многих из них побил и дома их разорил...». Долгорукий потребовал привести к нему всех пойманных и известных им «воров и бунтовщиков». На следующий день к Долгорукому были приведены сын и брат Булавина, сын Драного и другие.

3 августа, незадолго до ухода Долгорукого из Черкаска, состоялась казнь над участвовавшими в восстании. Местом казни была избрана площадь, где обычно собирался казачий круг. Полуистлевший труп Булавина был разрублен, и части тела нанизаны на колья. Рядом с ним повесили 8 участников восстания, захваченных во время обороны Азова. В близлежащих к Черкасску станицах у станичных изб было повешено 40 человек.

Тем не менее мощными народными выступлениями все еще была охвачена большая часть территории Дона и особенно его верховьев. Поволжье, Придонье, Слободская Украина, примыкавшая к Дону территория других частей Украины — всюду низы поднимались на борьбу. Одновременно с широким восстанием на юге России вспыхивали многие десятки мелких, локальных восстаний на остальной ее территории.

О крестьянских волнениях в начале лета 1708 г. доносили воеводы и помещики Смоленского, Дорогобужского и Вяземского уездов. В июне 1708 г. смоленские помещики в коллективной челобитной писали, что «из деревень их многие крестьяне с женами и детьми, животных оставя, дворы, бегут... и разоряют их помещичьи дворы и животных грабя, и людей бьют до смерти». Солдатам, посланным для усмирения, беглецы оказывали вооруженное сопротивление.

В то время, когда правящая верхушка торжествовала победу над восстанием, ширилось крестьянское движение в приокских уездах, на Унже, в Муромском, Юрьевец-Польском уездах, в Ветлужской волости и даже близ Нижнего Новгорода. Объединяющей силой крестьянского движения здесь были крестьянские «воровские отряды» Гаврюши Старченка и Ефремова. Местные власти непрерывно писали в Москву о действиях этих отрядов и просили прислать воинские части. 15 июля верхнеломовский воевода Владыкин сообщал в Разряд о сборе «воров» в его уезде. О действиях отряда Старченка и Ефремова в Ветлужской волости сообщал приказчик вотчины Ф.А. Лопухина, села Никольского (Ветлужская волость). Старченка и Ефремова сопровождал отряд в 30 человек «с ружьем, и с пищальми, и с пистолеты, и с копы, и с луками, и с шпагами». Для разгрома сил мятежных крестьян Лопухин и Шереметев снарядили отряд численностью 400 человек. Однако выполнить своей задачи карателям не удалось. Отряд Старченка и Ефремова не только сумел уйти от разгрома, но и разорил вотчину Лопухина.

21 июля крестьянские «воровские отряды» заняли город Унжу. Унженский воевода Н. Чагин доносил, что они «приказную избу и воевоцкой двор разбили, и многие дела в приказной избе подрали и денежной казны взяли, из тюрьмы ко-

лодников рпустили...». Позднее против них были высланы вооруженные люди князя Ф.Ю. Ромодановского и Ф.А. Лопухина. Разыгралось целое сражение. «И они де, разбойники, наступили на них (боярских людей) боем и стали из ружья стрелять, и копыями колоть...» Последние вынуждены были с позором отступить, потеряв 4 человека убитыми.

На Нижней Волге успешно действовал посланный Булавиным еще в мае двухтысячный отряд конницы во главе с рядовым казаком Голубинской станицы Игнатом Некрасовым и составленный преимущественно из «гулящих людей» отряд в 1500 человек во главе с Иваном Павловым. Еще до появления на Волге этих отрядов казаки Сиротинской и других станиц совместно с беглыми стрельцами и солдатами захватили город Дмитриевский (Камышин). Пришедшие на Волгу отряды Некрасова и Павлова взяли с боем город Царицын.

Известие о гибели Булавина застало отряд Некрасова (400 человек) по дороге из Царицына к городку Голубые — родине Некрасова и многих его казаков. В Царицыне остался его товарищ И. Павлов с трехтысячным отрядом. По получении этого известия Некрасов спешно вернулся в Царицын и созвал круг. На нем он обратился с призывом идти всем войском на Дон, захватив с собой пушки. Пламенные слова Некрасова не нашли должного отклика среди голытьбы. Предводитель голытьбы атаман Павлов «говорил, чтоб артиллерии не давать, а с Царицына со всем итти плавню по Волге на море. И в том великой у них был спор и подрались и, будто, голудьба вступилась за Ивашку Павлова и приезжих с Некрасовым многих били и пограбили». Некрасов со своим отрядом ушел к Дону без голытьбы Павлова.

Разногласия и споры между некрасовцами и павловцами порождались главным образом приверженностью первых исключительно интересам донской земли, нежеланием покидать насиженные места в тяжелое время и идти по пути Разина по Волге. Наступление правительственных войск на Царицын заставило павловцев преодолеть разногласия с некрасовцами и после падения Царицына пойти на соединение с ними.

Не успел Некрасов покинуть Царицын, как к этой крепости, помимо полка Бернера, 20 июля подошел из Астрахани

полк Левистона численностью в 1000 человек. Сломив сопротивление восставших, правительственные войска овладели Царицыном. Большая часть голытьбы смогла уйти из города на лодках. В донесении Петру I от 3 августа Апраксин писал: «...город Царицын взяли и тех злодеев воровских казаков побили многое число и живых побрали, и заботчиков пущих велел привести к себе в Астрахань. А других всех казаков и других, кои с ними были, и камышенские, которые в помощь к ним под Царицын приходили, велел на Царицыне и по Донской дороге вешать, достойную месть... восприимут...» «Милостивы» каратели были лишь к престарелым женщинам и детям, так как «те и сами исчезнут».

Вскоре в Голубинской станице произошло объединение находившегося там отряда Некрасова (400 человек) с пришедшим из Паншина отрядом Павлова, численность которого по-прежнему составляла 3000 человек.

Некрасов посылает от своего имени письма по донским, донецким, хоперским, айдарским, медведицким, бузулукским городкам с призывом к восстанию. Он призывал объединить все силы, чтобы «стоять им за реку». С этим собранным войском Некрасов готовился «дать бой» и «противитца» Долгорукому. Безусловно, что Некрасов на этом этапе был главной фигурой в руководстве восстанием. За ним следовали другие, оставшиеся в живых соратники Булавина. Как только известие о намерениях Некрасова было получено Голым и Павловым, оба атамана поспешили к нему на соединение. Призывы Некрасова в их представлении соответствовали лозунгу — не выпускать Долгорукого из Черкаска и истребить его там объединенными усилиями.

Некрасов назначил в своих письмах местом сбора, помимо Паншина, расположенный южнее Есаулов городок. Подобную непоследовательность можно объяснить тем, что с Волги двигались отряды карателей, а также тем, что Есаулов городок был хорошо укреплен и с трех сторон окружен водой. Но так или иначе, дробление сил восставших сыграло вскоре для них роковую роль.

Наступление на отряды повстанцев велось с трех сторон. С Волги к Панщину спешил Хованский с калмыками, хан

которых, Аюка, был подкуплен царскими подарками. Из Черкаска двигалась многочисленная карательная армия.

Главные силы карателей двинулись на разгром некрасовцев из Черкаска. Судя по документам тех лет, в походе против Некрасова участвовало немногим более 10000 человек, из них половина — регулярные драгунские и солдатские полки. В походе участвовало также свыше 4000 конных казаков Шидловского и свыше 1000 казаков, набранных Зерщиковым, которые двигались к Есаулову городку на лодках.

Отрядам Долгорукого удалось расчленить силы восставших. Царские войска сумели преградить путь отрядам Голого и Белгородца, спешивших на соединение с силами Некрасова. Кроме того, узнав, что в Есауловом городке засели повстанцы, по существу отрезанные от остальных сил, Долгорукий 20 августа, оставив обоз и пехоту под станицей Кошкиной, с одной конницей «с великим поспешением» пошел к Есауловскому городку. Число оборонявшихся составляло лишь 3000, т.е. в два с лишним раза меньше, чем осаждающих. Видя безнадёжность своего положения, отчаявшись получить помощь от Некрасова, восставшие 23 августа принесли Долгорукому повинную. При сдаче городка каратели обещали казнить лишь «самых пуших воров и заботчиков». Долгорукий вероломно нарушил свое обещание, взяв «в прибавок к тем заботчикам» каждого десятого из сдавшихся. Всего было схвачено более 200 человек. С ними была произведена кровавая расправа.

Некрасов со своим двухтысячным отрядом в то время находился на подступах к Есауловскому городку. Видя, что к городку не прорваться, и понимая, что за конницей карателей следует пехота (некоторые полки и обоз действительно прибыли под городок 24 августа), атаман восставших вынужден был осуществить намерение, которое им и ранее не скрывалось, — уйти на Кубань. Никто из главных руководителей восстания не был схвачен. Некрасов, Павлов, Беспалый, Лоскут «со всеми заботчики» спаслись от расправы Долгорукого, уйдя на Кубань. Н. Голый и Т. Белогородец продолжали собирать повстанческие силы на Донце.

Почти одновременно со сражением под Есауловым городком недалеко у Паншина четырехтысячный повстанческий

отряд был настигнут карательным войском Хованского, двигавшимся на Дон со стороны Волги. Всего в это войско, если судить по «сводке боевых реляций» Долгорукого за 1722 г., входило около 5000 солдат. Они шли на больших лодках — бударах под командой генерал-майора Гулица и стольника Дмитриева-Мамонова. Сам Хованский с немногочисленным конным отрядом (известно, что в него входили драгунский батальон, «несколько дворянских и мурзинских рот») прибыл в Дмитриевск по берегу. Находясь в Дмитриевске, Хованский собирал силы, чтобы обрушить их на повстанцев, сосредоточившихся под Паншином. Когда же пришло известие, что отряды восставших ушли из Паншина и, «укрепясь обозом, пошли вниз по Дону берегом», Хованский послал в погоню за ними всю находившуюся в его распоряжении конницу, калмыцкие конные отряды, а также солдатский полк под командой Дмитриева-Мамонова.

Сражение состоялось 23 августа на берегу Дона в 5 верстах от Паншина. Мужественно и стойко дрались четыре тысячи повстанцев (не считая жен и детей, которые находились здесь же в обозе) с превосходящими силами карателей. «И никогда я не помню, — писал позднее Хованский, — чтоб так казаки крепко стояли, а больше того разумею, что крепко стояли беглые драгуны и из полков солдаты...». Карателям досталось около 1500 телег с казачьим имуществом. Были захвачены в плен женщины и дети. «А тех их жен и пожитки их ратные люди и калмыки побрали по себе немалое число», — доносил Хованский в отписке в Разряд от 19 сентября 1708 г. В качестве военных трофеев были взяты 6 знамен, 8 пушек.

Считая, что главные силы повстанцев под Паншином разгромлены, Хованский приступил к выполнению распоряжения Петра I о приведении «к крестному целованию» казаков в верховьях Дона, по Медведице, Хопру и Бузу луку, а также об уничтожении населенных голытьбой городков, население которых было наиболее причастно к восстанию. Всего каратели сожгли 8 городков.

После ухода с Дона Некрасова, Беспалого, Павлова, Лоскута и других знамя восстания перешло в руки Никиты Голого. Действуя в районе Северского Донца и став там после

смерти Драного главным руководителем, он опирался преимущественно на голытьбу. Обращаясь в «преlestном письме» ко «всей черни» русских городов и деревень, Голый в конце мая 1708 г. писал: «А нам до черни дела нет, нам дело до бояр, которые неправду делают, а ты голотьба вся идите со всех городов конные и пешие, нагие и босые... А вы стольники и воеводы и всякие приказные люди и заказные головы не держите черни и по дорогам не хватайте и пропускайте вы их к нам в донецкие города». В записи «расспросных речей» дворового человека Кузьмина и крестьянина Иванова в острогожской военной походной канцелярии говорилось: «...многие казаки и бурлаки говорят, что им собрався итить на самого князя Долгорукого, или как он придет в Донецкой (место сбора повстанцев. — В.Л.) умереть им заодно, а Голого не выдать».

Таким образом, Голый предполагал превратить городок Донецкий в центр сосредоточения повстанческих сил. Затем повстанцы, «развезя» своих жен и детей по городкам, намеревались выступить многочисленным войском против Долгорукого. О дальнейших планах Голого можно судить по показаниям двух братьев казаков Богомоловых, находившихся в городке Донцом во время прихода туда Голого и допрошенных позднее в Острогожске. По их словам, повстанцы, «сбрався, хотят итить под украинные города, где стоит с полками господин князь Долгорукой. И как его князя Долгорукова с полками разобьют, то де чернь к ним собрався пристанет от многих несносных податей и от тягости, и от прибыльщиков к ним ворах. И поймав города пойдут до Москвы побить бояр и немцов, и прибыльщиков».

Узнав о судьбе оборонявшихся в Есауловом городке повстанцев и о походе Долгорукого на Донец, Голый поручил Атаману Рысолову с 500 повстанцев отойти на Донец, а остальным во главе с Голым идти на Айдар и там копить силы, которые можно было бы противопоставить карателям. Решение о походе на Донец было принято Долгоруким не сразу. Лишь получив известие о разгроме повстанцев продвижения вверх по Дону, собираясь бросить карательные полки на разгром последних повстанческих отрядов, руководимых Голым.

Узнав об уходе повстанческого войска Голого в двух направлениях — на Донец и на Айдар — Долгорукий разделил карательную армию. На Айдар, куда ушли основные силы повстанцев, карательные части он повел сам. На Донец вслед за полутысячным отрядом была послана конница Шидловского, а с ним еще 2 гетманских конных и драгунский полки. Но трудно было карателям угнаться за повстанцами. С самого начала похода, как признавался Долгорукий, лошади валились от бескормицы, так как степь была выжжена. Солдаты и драгуны испытывали большой недостаток в продовольствии.

Подойдя 14 сентября к Новому Айдару, Долгорукий надеялся встретить отряды Голого, но атаман восставших еще за 4 дня ушел отсюда в неизвестном направлении. Карательная армия была окончательно измучена. Поэтому Долгорукий с большой радостью встретил пришедшие к нему на помощь свежие драгунские и солдатские полки, не участвовавшие ранее в походах против восставших. Из них было отобрано около 2000 всадников, которые раньше находились в районе Маяка и Острогожска. В помощь им был придан Воронежский драгунский «шквадрон».

Уклоняясь от боя с конницей Долгорукого, Голый спешил к хорошо укрепленному Донецкому городку, атаман которого Н. Колычев и многие казаки готовы были защитить повстанцев. Подошедшее ночью к городу войско Голого вместе с семьями было переправлено на противоположный берег Дона на бударах. Сам же Голый остановился «в крепі» неподалеку от Дона. Впереди на гумна были высланы казаки с ружьями. Каратели поняли, что одной конницей с повстанцами не справиться, и было принято решение отойти к Острогожску.

Сентябрь 1708 г. был отмечен крупной победой отрядов Голого и Колычева у Донецкого городка над полком И. Бильса, сопровождавшего шедшие в Азов с вооружением и боеприпасами «царские будары». 28 сентября флотилия полковника Бильса подошла к Донецкому городку. Чтобы усыпить бдительность карателей, полковник был встречен атаманом городка «хлебом-солью». Взяв от Колычева проводников, флотилия пошла вниз по Дону. Вслед за ней незаметно по бе-

регу двинулись повстанцы Голого. В двух верстах от Донецкого городка, «в урочище за барунами», из-за большого ветра и, очевидно, благодаря заботам проводников флотилия вынуждена была остановиться, так как много будар село на мель. Это облегчило захват будар повстанцами. Многие из солдат сочувствовали восставшим и поэтому не оказали им сопротивления. Солдаты были быстро разоружены, а Бильс и другие офицеры — «посажены в воду». Бывшие с полком работные люди присоединились к повстанцам. С обезоруженными солдатами победители обошлись великодушно. Несмотря на то что некоторые предлагали «посадить в воду» пленников, солдатам был предоставлен выбор: или остаться в рядах восставших, или возвратиться туда, откуда пришли. Многие солдаты предпочли первое.

Вскоре же после победы над Бильсом повстанцы во главе с Голым приступают к выполнению своих первоначальных планов, а именно «итить под украинные города». 1 октября повстанческое войско переправилось через Дон и двинулось на Айдар к Ревенкам, т.е. в украинские земли. Когда Долгорукий получил известие о победе повстанцев над Бильсом и о сборе в районе Донецкого городка, он был вынужден выступить против Голого. В целях предосторожности повстанцы выжгли степь, установили «по розным местам на курганах» караулы и высылали в округу «непрестанные» разъезды. Благодаря этим мерам походное войско Голого было своевременно уведомлено о продвижении полков Долгорукого к Богучару, т.е. наперерез повстанцам.

К моменту прихода карателей Долгорукого под Донецкий городок Голый, отказавшись от плана похода на Украину, решает, избегая генерального сражения, придерживаться прежней тактики, т.е. уходить от карателей в места, где была обеспечена поддержка и сочувствие населения. Число пришедших к Донецкому городку драгун во много раз превышало немногочисленный гарнизон. Кроме того, осажденные вынуждены были разделить свои силы, так как драгуны пошли на штурм с двух сторон. Защитники городка оказали ожесточенное сопротивление «и палили ис пушек и из мелкого ружья стреляли». Большая часть их погибла в неравном бою. Взятых в плен пол-

тораста человек Долгорукий повесил, а родной брат Колычева и наказной атаман Т. Щербак были четвертованы.

Голый и особенно Колычев до самого конца не теряли надежды набрать такое войско, с которым можно было бы разбить карателей. Очевидно, по этой причине они медлили с уходом на Хопер. Однако к моменту выступления Долгорукого к Решетовскому городку им не удалось сколотить достаточно внушительное повстанческое войско, а уходить было уже поздно — они все равно были бы настигнуты Долгоруким.

Непосредственно в сражении с повстанцами у Решетовского городка 4 ноября участвовали пехотные и драгунские полки в составе 4200 человек. Построив драгунские и пехотные полки по всем правилам военного искусства, Долгорукий бросил их к городку. Против карателей Голый мог выставить лишь четырехтысячное войско. Повстанцы, в свою очередь, «учинили напуск пехотою и конницею». На поле боя сразу же сказалось превосходство хорошо обученных, вооруженных и более многочисленных регулярных войск. Несмотря на проявленную отвагу, плохо вооруженные и необученные повстанцы вынуждены были отступить, отойти к городку, покинуть его и затем броситься к Дону. Часть из них под натиском врага ушла за Дон. Сумел уйти и Голый с небольшой группой ближайших помощников. Большинство же повстанцев погибло. По приводимым в «доношении» данным, было «трупом положено слишком с 3000 человек, а остальные в Дон метались и потонули зело их много».

К зиме 1708–1709 г. все крупные отряды восставших на землях «тихого Дона» были разгромлены полками Долгорукого.

Между тем за пределами донских земель продолжали существовать очаги восстания. Классовая борьба не прекращалась. По словам современника Джона Перри, английского инженера, работавшего в России с 1698 г. по 1715 г., к лету 1709 г. «...русские также были везде подготовлены к возмущению и во многих местах уже брались за оружие, в надежде получить облегчение в притеснениях, которые терпели под царским правлением...».

В «разбойной», партизанской форме продолжалась открытая борьба в верховьях Волги и в приокских землях. Особого

размаха она достигала в 1709–1710 гг. «Разбойные» отряды и их руководитель Гаврила Старченко наводили ужас на воевод, помещиков и торговцев Муромского, Кинешемского, Костромского, Суздальского, Галицкого, Нижегородского, Юрьевецкого, Лухского, Тверского, Новоторжского, Старицкого, Московского, Каширского уездов и Юмохонской дворцовой волости. «Разбойные» отряды состояли преимущественно из местных крестьян. Наряду с отрядом Старченка в этих местах действовали более мелкие отряды, которые возглавляли местные атаманы. Известен, например, действовавший в Ярославском уезде отряд Боровиченка, а в Галицком уезде — отряд Сеченого. Так, среди пойманных «воровских людей», действовавших в 1709 г. в Муромском уезде, большинство оказалось местными жителями — крестьянами вотчин Александра и Ивана Нарышкиных, Одоевского, Черкасского и др. Большую роль в организации и обучении «разбойных» отрядов играли беглые солдаты и драгуны. Об их присутствии в отрядах можно судить по прямым и косвенным признакам. Так, в упоминавшейся уже группе пойманных в Муромском уезде «воровских людей» был беглый драгун. «Партизанские» отряды крестьян «ходили» с ружьями, пистолетами, шпагами, знаменами и даже с барабанами. Среди них встречались «разбойники» в солдатских мундирах. «Воры в количестве 30 и больше человек с рогатинами, фузеями и шпагами, в немецком разноцветном платье, — говорилось в приговоре Ближней канцелярии от 15 октября 1709 г., — разъезжают не более как в 10 верстах от Твери». В отряде Старченка (по данным не позднее июня 1710 г.) было знамя, пушки, фузеи, карбины, пищали и другое вооружение.

4 июня 1709 г. тверской воевода И. Кокошкин в отписке в Разряд передал жалобу воеводы Торжка Т. Сунбулова, где было сказано, что в Новоторжском, Тверском и Старицком уездах появились «воровские люди». Они разграбили и пожгли многие поместья и вотчины.

В приговоре Ближней канцелярии от 9 июня 1709 г. приведены челобитные игумена Троицкого монастыря, игуменьи Воскресенского девичьего монастыря и двух крестьян П.И. Прозоровского. Игумен и игуменья жаловались на нападения

14. Булавинское восстание 1707–1709 годов

на монастырские вотчины «не знамо каких» воров. Крестьяне же сообщили об убийстве в Верховском стане Ярославского уезда атаманом Боровиченком приказчика вотчины Прозоровского; «Боровиченок, — как говорится в челобитной, — хвалился сжечь вотчину боярина Прозоровского».

В приговоре Ближней канцелярии от 15 октября 1709 г. приводилась отписка галицкого воеводы А. Новосильцева. В ней говорилось, что Старченок появился в Ветлужских волостях и намеревался убить воеводу Унжи и овладеть денежной казной.

В июне 1710 г. начальник Разряда Т.Н. Стрешнев был извещен о действиях «воровских» отрядов в Суздальском, Юрьевецком и Кинешемском уездах и о жалобе торговых людей тех мест «на воров и на разбойников в грабежу и в отъеме всяких и пожитков, и хлеба...».

В 1710 г., по сообщению воеводы Нижнего Новгорода, «разбойный» отряд под водительством самого Старченка остановил «суда с государевыми и полковыми припасами» (28 пушек, 1000 ядер и пр.) и взял 4 небольшие чугунные пушки. «Воровские люди» говорили, что после того как они соберутся, то будут города разорять.

В том же, 1710 г. помещики и вотчинники Костромского и Кинешемского уездов обратились к Петру I с челобитием о посылке в их уезды сыщика «для сыску тех воров» (имеется в виду «Гаврюшка Старченок со многими ворами и своими товарищи»). В челобитье помещики и вотчинники жаловались, что «воры» и «многие наши дома разоряют», «многих до смерти побивают», — «животы грабят». «И за тем их воровским приездом и за смертным убийством и за грабежом, — писалось в челобитной, — в домех наших нам и женам нашим жить невозможно... И многие наша братья з женами и з детьми из домов своих выехали в ыные города, а дома их стали пусты, за таким их денным и ночным разбоем жить в домах своих невозможно».

Стоит отметить, что действия «разбойных» отрядов наносили ущерб не только помещикам и вотчинникам, но и богатым крестьянам.

В соответствии с приговором Ближней канцелярии от 9 июня 1709 г. из московского гарнизона для борьбы с «раз-

бойными» отрядами в Тверь послали 200 солдат, а в Ярославль к воеводе Б.И. Прозоровскому — 100 солдат. Было решено также «в прибавку к ним брать в тамошних городах рекрут, сколько понадобится». Против самого Старченка действовали солдаты под командой капитана Г. Вяземского. Им удалось в июне 1710 г. настичь в Костромском уезде «разбойный» отряд отважного атамана и разгромить его. В этом бою в руки карателей попали знамя, 2 чугунные пушки и 17 фузей, карабинов и пищалей. Самому Старченку удалось спастись.

В мае–июне 1709 г. повстанцами, находившимися на донских землях, была предпринята последняя попытка поднять восстание и «собрався итти на Русь». Единственным из дошедших до нас источником об этом движении является «доношение» от 28 июня 1709 г. казанского губернатора Апраксина Петру I. Губернатор сообщил, что, по полученным им сведениям от стольника И. Бахметева, «вор, донской казак, товарищ Булавина, Васька Булакин с товарищи, собрався с ворами донскими казаками и беглецами» у Саратова, овладел рядом хоперских сел, а 1 июня пришел на Дон. На р. Бузулуке повстанцы взяли городки Казарин, Высоцкий и Островский. 15 июня 1709 г. ими был взят Арчагинский городок на Медведице. Далее повстанцы двинулись к городку Кепенскому. Однако царские войска воспрепятствовали дальнейшему распространению восстания. Недалеко от Кепенского городка, верстах в четырех в лесу произошел упорный бой. Взятых в плен атамана Василия Мясника четвертовали, а многих других пленных посадили на кол.

В этом бою участвовали далеко не все повстанцы. Среди покинувших повстанческий лагерь был «товарыщ» атамана Сенька, который, как показали пленные повстанцы, говорил, что «идти собрався на Русь». После подавления восстания на Дону и Придонье немало его участников появилось в центральных уездах России, Поволжье и Запорожье. Они создавали отряды и продолжали борьбу с угнетателями. В начале весны 1709 г. в Петровском уезде на местных помещиков и вотчинников наводил ужас многочисленный повстанческий отряд, ядро которого составляли скрывшиеся от расправы карателей участники восстания 1707–1708 гг.; когда посланные

14. Булавинское восстание 1707–1709 годов

войска разбили отряд, оказалось, что большинство взятых в плен были беглыми крестьянами, солдатами, перешедшими когда-то к Голому из полка Бильса, а также работными людьми.

В качестве дополнения к опубликованному нами очерку о булавинском восстании приводим два агитационных документа того времени: письмо Булавина в Запорожье и письмо атамана Н. Голого в русские города, села и деревни.

1708 г. мая 17. Отписка атамана К. Булавина в Запорожье кошевому К. Гордеенке о казни в Черкасске Л. Максимова, и др. старшин, и с предложением дальнейших совместных действий против правительственных войск.

В. г. ц. и в. кн. Петра Алексеевича [т.] его же царского пресветлого величества в Запороги войсковому атаману Костентину Гордеевичю и всему Войску Запорожскому атаманом молотцам донския атаманы и козаки войсковой атаман Кондратей Булавин и все Войско Донское челом бьют. В нынешнем 1708-м году майя в... день ведома вам атаманам молотцам всему запорожскому войску мы Войском Донским чрез сие писание чиним: в прошлом 1707 году совокупилися мы Войском Донским и иными реками постоять за дом пресвятые богородицы и за православную христианскую веру и за святые апостольския церкви. И о том у нас Войском Донским был сбор на реке Хапре, чтоб в нашем Войску Донском п... и по иным рекам утвердить по прежнему, как казачья обыкновения у дедов и у отцов наших и у нас. А то собрания было для того, что прислан был к нам Войску полковник князь Юрья Долгорукой для розыску и высылки из наших казачьих городков новопришлых с Руси всяких чинов людей, а с ним были в том розыске из Черкаского наши старшины Ефрем Петров с товарищи, и чинили по нашим козачьим городкам не против ево в. г. указу, не так как повелено, и городки наши многия розорили и пожгли. А нашу братью казаков многих пытали и кнутом били и носы и губы резали напрасно, и жон и девиц брали на постели насильно и чинили над ними всякое ругательство, а детей наших младенцев по деревьям вешали

за ноги. И такое видя их к себе напрасное разорения, ево князя Долгорукова и при нем будущих побили до смерти. А убиты они не одним нашим нынешним атаманом Кондратьем Булавиным; по совету всего нашего Войска Донского за их неправду и за напрасное разорения, потому что они чинили не против ево в. г. указу. И в нынешнем 1708-м году нынешней наш войсковой атаман Кондратей Булавин всем Войском Донским собрався пришли под Черкасской, чтоб прежних наших бывших старшин войскового атамана Лукьяна Максимова и при нем будущих, который с ним чинили неправду, от дел их отставить и выбрать иных старшин. И о таком совете мы Войском Донским к вам атаманом молотцам от себя наперед сего писали, чтоб вы нам дали от себя руку помощи и быть бы вам с нами вкупе единодушно. А как атаман наш войсковой Кондратей Афонасьевич Булавин был у вас атаманов молотцов в Запорогах об сырной недели у тебя Константина Гордеевича и у писаря и у многих атаманьев, и меж себя советовали и души позодавали, чтоб всем вам с нами Войском Донским быть в соединении и друг за друга родеть единодушно, и от вас к нам помощи к Черкаскому для совету никто не пришол. А как мы Войском Донским стояли под Черкасским на Василеве, и они Лукьян с товарищи от нас сели в осаде и били по нас ис пушек. А которые с ними ворами сидели в осаде козаки поневоле, и они Лукьяна и старшин, которые были к воровству приличны, их нам выдали. И мы приговори их варов, смотря по вине, казнили смертью, и выбрали для управления в. г. и наших войсковых дел войскового атамана Кондратя Афонасьевича Булавина и старшин иных. А ныне нам Войску Донскому слышно чинитца, что де собранием государевы полки пришли разорять наши казачьи городки и стоят на Донце близ Светогорского монастыря и в иных местах, и хотят де итить под Черкасской. И мы всем Войском Донским войсковой наш атаман Кондратей Булавин просим у вас атаманов молотцов, у тебя войскового атамана Константина Гордеевича и у всего Войска Запорожского, милости: есть ли вам слышно про приход государевых полков на наше разорения и вы нам дайте помощи, чтоб нам стать вкупе обще, а в разорения нам себя бы напрасно не отдать. А у нас Войско Донское в поход

посланы тысяч с 15 и больши, для того, есть ли государевы полки станут нас разорять и мы им будем противитца, чтоб они нас в конец не разорили напрасно, так же б и вашему Войску Запорожскому зла не учинили. А есть ли будет вам слышно про приход государевых полков, где они стоят будут, и вам бы о том писать к нам Войску ведомость вскоре. А о чем у нас с вами атаманы молодцы меж себя был совет обще на ваших рандарей и на панов, и которым путем обещались вы с нами, так и творите, чтоб ваш совет благой был к нам неприменен и того бы не отставлять. А во всем вы атаманы молотцы запорожское войско против супостат надеетесь на милость божию. А мы Войском Донским вам все помощники. И о том к нам в Черкасской прислать бы вам от себя человек 20 или 30 своих Козаков лутчих людей. А мы у вас атаманы молотцы о всем вышеписанном просим милости всем Войском Донским любезно, чтоб нам жить вкупе и во всяком добром совете, и друг за друга постоять в правде и свое здорье на меж собою оберегать купно. А с сею отпискою к вам атаманом молотцам посланы от нас из Войска нарочно наш козак Федор Шевырев, Игнат Филатьев. А он Игнат прежде сего жил у нас и ныне пришли по прежнему. И мы их послали нарочно, чтоб они знали к вам путь, как бы мочно пройтить. Писано из Войска Донского 1708-го году мая в 17 день.

1708 г. не позднее июля... — «Прелестное письмо» атамана Н. Голого в русские города, села и деревни, с призывом постоять «за старую веру, за дом пресвятые богородицы, за всю чернь».

В русские в. г. города стольником и воеводам и приказным людям, а в селех и в деревнях заказным головам и десятником и всей черни, Никита Голой со всем своим походным войскам челом бьем. Стою я в Кулаковом стану и по Лазной, а со мною силы 7000 казаков данских да 1000 запорожцов Козаков же. И хотим итти под Рыбной. А Семен Драной пошел своею силою под Азюм, а с ним силы 10000. А Некрасов пошел на Саратов и на Козлов, а с ним силы 40000. А сам наш войсковой атаман Кондратей Афонасьевич Булавин пошел под Азов и под Таган, а с ним силы ворон и 2000 кубанцов и запорожцов и наших Козаков. А нам до черни дела нет. Нам дело до бояр

и каторые неправду делают. А вы голотьва и вся идите изо всех городов конные и пешие, нагие и босые, идите не опасайтесь: будут вам кони и ружье и платье и денежное жалованье. А мы стали за старою веру и за дом пресвятые богородицы и за вас за всю чернь, и чтобы нам не впасть в ельнинскою веру. А вы стольники и воеводы и всякие приказные люди и заказные головы не держите черни и по дорогам не хватайте, и пропускайте вы их к нам в донецкие города. А хто будет держать чернь и не будут пропускать, и тем людем будет смерная казнь. А хто сие письмо станет в себе держать, будет тоить ли хто издерет, и тем людем будет смерная казнь. За сим писавы и челом бьем.

15. Кижское восстание 1769–1771 годов

С появлением в конце XVII века промышленных производств на Урале и в Олонецком крае возникла необходимость найти дешевую рабочую силу, которая в крепостнической России была на вес золота. Решение нашли — в приписке крестьян к металлургическим заводам, — повинность легла на их плечи тяжким бременем. Постоянные вспышки недовольств вылились в Кижское восстание. Это восстание можно считать одним из предвестников пугачевской войны.

Источник: Яков Балагуров «Кижское восстание 1769–1771».

При сборе историко-этнографических сведений в 1832 и 1860 годах в церковных приходах Заонежья на вопросы об исторических событиях прошлого следовал только один ответ: крестьянские волнения 1769–1771 годов. Тогда крестьяне «захотели быть свободными от заводских работ», — рассказывали в 1832 году очевидцы этого события. В их рассказах упоминалось о столкновениях крестьян с карательным отрядом, о стойкости восставших и расстреле их у стен кижских церквей.

По данным 1767 года, приписных крестьян в округе насчитывалось около 19000 душ мужского пола. По численности в округе преобладали русские (трети Кижская и Велукогубская, погосты Толвуйский, Выгозерский, Остречинский, волости Ладвинская, Типиницкая и др.), потом карелы (часть Корельской трети и Шуйского погоста, волости Сямозерская, Святозерская, Салменижская, Мунозерская, часть Олонецкого погоста) и вепсы (Рыборецкая, Шелтозерская и Шокшинская волости).

Увеличение заводских повинностей было связано с началом строительства в 1769 году Лижемского пушечного завода. Царское правительство пыталось возродить в Олонецком крае производство артиллерийских орудий, в которых остро нуждалась армия. Шла война с Турцией.

В июне 1769 года генерал Демидов приказал выслать на строительство Лижемского завода 1000 крестьян и в последующем довести количество работающих там до 2400 человек. Кроме того, в разгар уборки хлеба в приписные селения

прибыло распоряжение о немедленной отправке крестьян на рубку дров, выжиг древесного угля и добычу железной руды для вновь строившегося завода.

Крестьяне не хотели мириться с тем, что кроме обычной заводской барщины их заставляют работать на строительстве завода, на мраморных ломках и отрывают от своего хозяйства и промыслов. Не успевали они отбыть одну повинность и возвратиться домой, как снова их гнали на барщинные работы за 100–150 верст от дома. Уже летом участились побеги со строительства завода, с мраморных ломок и рудников. Было приказано производить розыски беглых и публично «наказывать их плетью с барабанным боем». Только в сентябре убежало 290 крестьян, а в конце октября в канцелярию заводов из Лижмы сообщили, что со строительства завода и остальные работники разбегаются.

Осенью 1769 года суем (сходка) крестьян Кижской трети вынес решение: заводских повинностей не выполнять и «окладных книг» (о разверстке барщинных работ среди крестьян) не составлять. Прибывшим в Кижы заводским служителям крестьяне заявили, что «сам начальник заводов Фрейгольд у нас уже был, и его мы не слушали, а вас посланных и наипаче слушать не будем...». Вслед за кижанами стали отказываться от выполнения заводских повинностей крестьяне соседних погостов и волостей.

Движение постепенно охватило русские, карельские и вепсские селения Олонецкого горнозаводского округа с населением до 40000 человек. Заводская администрация констатировала, что «сперва одной Кижской трети крестьяне оказались непослушными, а после того, смотря на них, и других погостов один по одному тоже противничать начали».

К началу 1770 года прекратилось строительство Лижемского завода, остановились работы на Тивдийских мраморных ломках. Не выполнялись и обычные заводские повинности приписных крестьян по заготовке дров, выжигу древесного угля и вывозке руды и угля на заводы. В декабре 1769 года на территории Корельской и Кижской третьей побывали воинские команды во главе с заводскими чиновниками, но их уговоры и угрозы оказались бесполезными.

В конце 1769 года группа челобитчиков во главе с кижским крестьянином Е. Калистратовым от имени приписных крестьян горнозаводского округа отправилась в Петербург. Там ходоки должны были подать челобитную в Берг-коллегию, в подчинении которой находился горнозаводской округ. Но в марте 1770 года ходоки были арестованы в Петербурге и заключены в тюрьму при Берг-коллегии. Сюда же доставили нескольких крестьян из Корельской трети и старосту Кижской трети Тимофея Андреянова. Большинство ходоков твердо отстаивало интересы своих доверителей, а староста Т. Андреянов писал в Кижь: «За весь мир принимаю нужду к лучшему».

К весне 1770 года обстановка в Олонецком горном округе оставалась прежней. Начальник канцелярии Олонецких Петровских заводов в апреле доносил в Берг-коллегию, что ее приказ учинить приписным крестьянам «нещадное наказание батожем» выполнить невозможно, так как они состоят в неповиновении «целыми погостами и волостями».

Тем не менее, упорное сопротивление олонецких приписных крестьян все более привлекало внимание правительства. Страна находилась в состоянии войны с Турцией, а поэтому затруднения со строительством Лижемского пушечного завода и реконструкцией Кончезерского завода встревожили Сенат. 30 апреля 1770 года был издан сенатский указ, в котором разъяснялась сущность ранее изданных указов об увеличении податей и размерах барщинных заводских повинностей. По решению Сената в Петровскую слободу (центр горнозаводского округа) была отправлена следственная комиссия. Ей предписывалось на первых порах придерживаться «ласки и умеренности», а уже потом (после выявления «главных возмутителей») приступить к проведению карательных мер.

Кижане, собравшись на суюм, решили идти в комиссию с жалобами. Вместе с кижанами двинулись крестьяне других погостов и волостей. Следственная комиссия 9 июня с тревогой отмечала, что приписные крестьяне Кижского погоста собрались на Петровский завод «великим множеством».

В челобитной подробно перечислялись крестьянские нужды, отмечалось разорение приписной деревни. Крестьян не только высылали на выполнение заводских вспомогательных

работ, но из их среды набирали рекрутов в армию и работников как на местные заводы, так и для отправки в Колывано-Воскресенский и другие горные округа. С крестьян взыскивались также подушные и оброчные подати, так как ничтожные расценки заводских работ не давали возможности их полностью отработать. Положение наше, писали крестьяне в челобитной, тем более тягостно, что «жительствоуем мы на землях каменистых и не хлебородных», окруженных болотами и озерами. Пашни часто страдают от холода и наводнений, и «для пропитания всегдно хлеба бывает великий недостаток». Привозная же рожь редко продается дешевле 40–50 копеек за четверик, то есть в несколько раз дороже, чем в других горных округах. В челобитной указывалось, что выход из создавшегося положения один: освободить крестьян от заводских обязательных работ.

Текст общей челобитной был изложен на 8 страницах, а потом следовали подписи на 16 страницах. Всего перечислялось до 500 фамилий старост, десятских и «мирских посыльщиков». Грамотных было мало, и каждый из них подписывался за многих неграмотных крестьян.

Приняв челобитную, члены следственной комиссии «с ласкою» уговаривали крестьян приступить к заводским работам. Но это оказалось бесполезным, и комиссия приказала канцелярии завода принять принудительные меры к высылке крестьян к работам, а сама стала выявлять «возмутителей». Были произведены аресты как из числа пришедших на Петровский завод крестьян, так и в селениях Кижской трети. Летом 1770 года в тюрьме Петровского завода находились около 30 крестьян, в том числе привезенные из Петербурга «для доказательств и изобличений» 8 ходоков во главе с Калистратовым.

Осенью приписные крестьяне обычно выжигали древесный уголь, а по первому зимнему пути начинали перевозку на заводы железной руды и угля. Но в 1770 году почти никто из крестьян не вышел на работу. Сенат снова предлагал следственной комиссии принять более энергичные меры к высылке крестьян на заводские работы. В конце декабря решено было во главе комиссии поставить генерал-майора Лыкошина, наделив его широкими полномочиями.

Дела у генерала Лыкошина в январе 1771 года начались довольно удачно. Старосты по его вызову являлись в следственную комиссию поодиночке, и многие из них уступили нажиму и уговорам. Однако некоторые старосты принесли «извинения» только за себя и свои семьи, так как крестьяне их уговоры отвергли. В то же время старосты Кижской и Великогубской третей Семен Костин и Андрей Сальников на вопросы комиссии мужественно ответили: «за что мир, за то и мы». Вскоре их схватили и заключили в тюрьму. Но все «извинения» оставались пустой формальностью, так как на заводские работы почти никто не выходил.

Новый взрыв возмущения приписных крестьян связан с именем Климента Соболева. В обвинительном акте упоминалось, что К. Соболев для «возмущения крестьян» ходил осенью 1769 года по волостям совместно с Калистратовым, а по многим местам и один. В июне 1770 года К. Соболев был схвачен и некоторое время содержался под караулом на Петровском заводе. Снова арестованный 3 сентября, он в ночь на 9 сентября из-под караула бежал, а потом из Заонежья ездил в Петербург, где около Нового года (1771 г.), вместе с кузарандским старостой Анцифером Трофимовым, подал челобитную от приписных крестьян на имя Екатерины II.

Генерал Лыкошин, встревоженный известиями о деятельности Соболева и его соратников, 8 февраля отправил шихтмейстера Князева с вооруженной командой в Заонежье, чтобы арестовать и доставить «возмутителей» в комиссию. На пути к Великой Губе Князев узнал, что там собралось большое количество крестьян, и в числе их есть Соболев. Из рапорта Князева видно, что он выждал окончания суема, а потом по его приказу солдаты схватили К. Соболева и заковали его в кандалы. Однако не успели они еще вывести Соболева из земской избы, как вдруг церковные колокола забили тревогу, и со всех сторон к месту происшествия стали сбегаться крестьяне, вооруженные дубинами и рогатинами. Соболев немедленно был освобожден, а шихтмейстера Князева и бывшую при нем команду крестьяне «смертельно били и все ружья переломали». Обезоруженный Князев был приведен на суете, где по его адресу раздавались упреки и угрозы. При этом крестьяне кричали, что они и генерала не боятся: «У вас де один генерал, а у нас сто генералов».

Климент Соболев в феврале прибыл в Петербург. После подачи челобитной К. Соболев два месяца ждал «милостивой резолюции», скрываясь от преследования полиции. За это время петербургская полиция схватила свыше 60 приписных крестьян, но Соболев оставался неуловим.

Климент Соболев, уезжая в феврале 1771 года в Петербург, наказывал крестьянам: в заводские работы не ходить, а карательным отрядам оказывать сопротивление.

Архивные источники дают вполне достаточно материала для того, чтобы составить представление о степени вооружения крестьян Заонежья и об их оборонительной тактике в феврале–марте 1771 года. Тысячи крестьян, вооруженных рогатинами, дубинами, а иногда и ружьями, ждали подхода противника, выставив на дорогах заставы и лыжные отряды.

В сложившихся условиях генерал Лыкошин счел необходимым нанести удар в центр восставших крестьян — по Кижскому погосту и прилегающим к нему волостям. Намерения генерала не были беспочвенными — на Петровский завод в начале марта прибыла рота Псковского пехотного полка под командованием капитана Ламздорфа. Капитану был дан список, в котором упоминалось свыше 500 подлежащих аресту «возмутителей».

Утром 20 марта Ламздорф с командой подошел к Кижам. Здесь он увидел огромную толпу крестьян, вооруженных рогатинами, кольями и ружьями. Ламздорф ограничился вручением указа старостам и ждал решение сума, который длился около 5 часов. Во второй половине дня старосты Костин и Сальников сообщили Ламздорфу решение сума: крестьяне к заводским работам не приступят и друг за друга умереть и головы свои положить готовы. Крестьяне в это время, доносил Ламздорф, «подняв рогатины, колья, оглобли и ружья, производили чрезвычайный крик» и угрожали: «если вы хоть одного арестуете, то мы у всей команды руки и ноги поломаем».

После отражения команды Ламздорфа крестьяне Заонежья усилили оборонительные меры. На дорогах, ведущих к Петровскому заводу, они устраивали лесные завалы и расставляли дозоры, у земских изб дежурили конные связные; разведчики наведывались в Петровскую слободу.

3 апреля 1771 года был издан указ Екатерины II «О усмирении беспокойств, происшедших между олонекскими заводскими крестьянами». Отдав дань фальшивым словоизлияниям о «материнском сожалении», Екатерина II начинает далее говорить, что тот, кто после данного «императорского повеления» отважится оставаться в непослушании и «не придет в раскаяние и рабское свое повиновение и не вступит в ту работу, которая ему по наряду приказывается, тот сам уж от нас за бунтовщика и возмутителя противу воли нашей императорской признан будет, и никаким образом тягчайшего нашего гнева и наказания не избежит».

Для объявления указа среди приписных крестьян правительство направило лейб-гвардии капитан-поручика Ржевского, который в сопровождении капрала, писаря и нескольких солдат в апреле объехал территорию горного округа. По возвращении из Заонежья Ржевский заявил в следственной комиссии, что только силой оружия можно усмирить крестьян.

В середине июня на Петровский завод из Петербурга прибыл отряд под командованием князя Урусова. В состав отряда входили мушкетерская и гренадерская роты и артиллерийская команда с двумя пушками. В отряд была включена и рота Ламздорфа.

Среди крестьян чувствовалось нарастание апатии и усталости. Отход от движения богатых, прибытие на Петровский завод двух рот солдат с пушками, подрывная работа предателей и материальные затруднения, — все это угнетающе действовало на крестьян Заонежья. В этот переломный момент крепостническое правительство и нанесло решающий удар в сердце восстания.

Карательный отряд Урусова вступил в Кижы в ночь на 30 июня. Рано утром к Урусову явился староста Кижской трети Семен Костин в сопровождении «множества крестьян». Он заявил Урусову, что крестьяне «ея величеству повинуются, но подписками обязаться ни единый не намерен и не будет». Выслушав угрозы со стороны Урусова, крестьяне попросили отсрочки до следующего дня «к собранию и советованию всей трети вообще». Отсрочка была дана, но Урусов не терял времени. Руководители Кижской трети Костин и Чиворов были арестованы.

Кижане послали своих ходоков в соседние погосты и волости. Однако такого подъема, как в прошлые месяцы, среди крестьян уже не было. К утру 1 июля в Кижии собралось всего около 2000 крестьян Кижской и Великогубской третьей и Типиницкой волости. Вновь назначенный староста по приказу Урусова ввел крестьян в церковную ограду, которую с трех сторон окружили солдаты, а с четвертой стороны простиралось Онежское озеро.

В двух воротах церковной ограды были установлены пушки и на виду крестьян заряжены. Однако я заметил, писал Урусов в рапорте, что крестьяне «ни малейшего страха не имели». В ответ на требование Урусова дать подписку о послушании суем отвечал: нет, не дадим и в работы не пойдем. Тогда Урусов приказал стрелять. Раздался пушечный выстрел. «Сей выстрел, писал в рапорте Урусов, лишил пяти человек жизни». Читаем далее в рапорте Урусова:

«Робость от сего выстрела видна была сквозь дерзость и упрямство, еще и тут показывающееся в сих людях, и я снова увещанием начал их к повиновению уговаривать, но почти в три часа времени только около двадцати человек к подписке и повиновению пригласить в состоянии был, а единогласно от всех собранных слышал, что оне не подпишутся и один за другого умереть готовы.

Но как я выше имел честь вашему превосходительству донести, сделал я примечание о их робости, почему и не намерен уже будучи еще стрелять для пристращения закричал, чтоб пушку ввели в ограду и поворотили в толпу, где людей более было и где мне казалось, что несогласие в их намерении господствовало. Сие движение в ту ж минуту произвело единогласное прошение: «постой, дай нам подумать». На что я, как будто согласясь, пушку остановил и колеблющихся и уstraшенных довел увещанием и строгим требованием, чтоб вскорости мне намерение свое объявили до того, что сперва многие, а потом и все стали просить к подписке бумаги и чернил».

В народном предании, записанном в Кижях в 90-х годах XIX века, об этом трагическом событии рассказывается так. Когда генерал у Кижской церкви стрелял в народ из пушки, и там «кровь пролилась», то из толпы вышел седой старик Кли-

мов. «Я, сказал он, желаю богу и государыне служить. А генерал-то схватил его за бороду: ты, говорит, пушки послушался, а не указу».

Крестьянское восстание было подавлено, но следственную комиссию беспокоило то обстоятельство, что Климент Соболев оставался на свободе, скрываясь в селениях Заонежья. Около 15 июля 1771 года в следственную комиссию поступило донесение от старосты Фоймогубской волости о том, что К. Соболев возвратился из Петербурга и находится в деревне Романовской, в своем доме. В Толвуйский погост сразу же отправился поручик Франк со взводом солдат. 21 июля он арестовал К. Соболева. При аресте у К. Соболева были отобраны: ружье, пистолет, пороховая натруска и нож. «Всенародного возмутителя» доставили на Петровский завод, где было приказано заковать его в кандалы.

Рассмотрев заключение следственной комиссии, Сенат вынес приговор. К Соболев, С. Костин и А. Сальников осуждались к наказанию кнутом (по 100 ударов каждому), вырезанию ноздрей, к наложению на лице раскаленным железом клейма из трех букв: «воз» (первые буквы слова «возмутитель») и ссылке в вечные каторжные работы на Нерчинские рудники.

Далее следовали осужденные к наказанию кнутом и ссылке в Сибирь на вечное поселение: Е. Калистратов, А. Великанов, П. Никонов, А. Пядин, Е. Политое и М. Чиворов. К наказанию плетью осуждены были 55 крестьян, из них 42 подлежали ссылке в Сибирь на поселение и 13 — отдаче в рекруты. Отдаче в рекруты подлежали еще 87 наиболее здоровых и молодых крестьян, но без предварительного телесного наказания.

Особо были выделены Сенатом 14 крестьян. Половину из них наказали кнутом, а остальных — плетью и сдали старостам для «водворения на прежние жилища». Было также приказано взыскать с приписных крестьян Заонежья свыше 8000 рублей для покрытия расходов по содержанию следственной комиссии и несколько сот рублей в пользу чиновников и служителей «за бесчестие».

Отзвуки Кижского восстания долго тревожили крепостников. Сохранившиеся источники позволяют сделать предположение, что отряд повстанцев, действовавший в лесах Заонежья

осенью и зимой 1771 года, насчитывал 50–60 человек. В отряде находилось 16 активных участников восстания из Толвуйского погоста (Григорий и Анкудин Соболевы, Родион Марков, Нефед Кругляков), несколько крестьян из Типиницкой волости (Трифон Ригачин), из Великогубской трети (Дмитрий Арефьев) и др. Кроме того, к повстанцам примыкали беглые солдаты и рекруты. А в Заонежье из числа осужденных к сдаче в рекруты в бегах находилось 30 человек.

Для розыска и поимки повстанцев в июле 1771 года в Заонежье направился отряд солдат во главе с капралом Лукой Михайловым, а вслед за ним отряд прапорщика Лихачева. Населению было объявлено, что за сведения о местонахождении и за поимку повстанцев будет выдана награда по 5 рублей за человека.

Крестьяне Заонежья не только не имели желания оказывать помощь воинским командам, но предупреждали повстанцев об их продвижении. Долго повстанцы оставались неуловимы. Мы приходим туда, где только они были, но повстанцы «окажутся в других местах», — писал в своем рапорте один из начальников воинских команд. Повстанцы в лесах держали караул и знали о маршруте команд от сочувствующих им земляков. Как только опасность проходила, повстанцы «обращались на крестьянских своих пахотных работах. И если бы не было им укрывательства от крестьян, констатировал начальник заводов, то они были бы давно схвачены». Осенью 1772 года воинским командам все же удалось схватить несколько повстанцев, и в их числе Григория и Анкудина Соболевых.

Однако Григорию Соболеву в октябре того же года удалось бежать при обстоятельствах, которые свидетельствуют о симпатиях населения к повстанцам. В тот день Соболев вместе с тремя колодниками был направлен под конвоем за хлебом для обитателей тюрьмы и в пути сумел скрыться «между народом».

16. Чумной бунт в Москве в 1771 году

Формальным поводом к «чумному» бунту в Москве послужил ряд принятых властями мер, связанных с разразившейся эпидемией чумы в столице. Эти меры (принудительные карантинны, повышение цен) ударили, прежде всего, по низшим городским сословиям, что и привело к восстанию. Чумной бунт в Москве стал прелюдией к широкомасштабной крестьянской войне под предводительством Емельяна Пугачева.

Источник: voynablog.ru/2014/08/13/chumnoj-bunt-1771-goda

Московские работные люди, особенно суконники, приняли активное участие в московском восстании 1771 г., известном под названием Чумного бунта. Главной его причиной являлось общее недовольство московского населения, особенно столичной бедноты, усилением гнета властей, эксплуатацией ремесленников, работных людей, многочисленных дворовых, крестьян-отходников и мелкого чиновного люда, количество которых значительно увеличилось во второй половине XVIII в.

Их настроения и недовольство постоянно ощущали московские власти, центральное правительство, которым неоднократно приходилось заниматься успокоением волнений во второй российской столице. Екатерина II писала о московском населении: «Сброд разношерстной толпы, которая всегда готова сопротивляться доброму порядку и с незапамятных времен возмущается по малейшему поводу страстно, даже любит рассказы об этих возмущениях и питает ими свой ум».

Екатерина довольно точно уловила настроения московского простонародья, связь его бунтарских настроений с традициями предыдущих волнений и восстаний москвичей. Императрица обратила также особое внимание на возможность выступления новой социальной силы, появившейся в XVIII в., — работных людей. Она сожалела о «безрассудстве», с которым некогда в Москве устроили мануфактуры «огромной величины» с «чрезмерным количеством рабочих», поскольку-де они «увеличивают смуты, которым во всякое время подвергался этот город».

Как видим, глава Российской империи, «Тартюф в юбке», по выражению А.С. Пушкина, несмотря на все стремление

скрыть истинное положение дел в стране, вынуждена была признать сильные антиправительственные традиции населения Москвы, его неугасимый бунтарский дух, свободолюбивые устремления.

Непосредственным толчком к восстанию 1771 г. явилась страшная чума — «моровая язва», обрушившаяся на Москву во время русско-турецкой войны. Зараза была занесена в Россию с турецкого фронта. В 1770 г. болезнь быстро распространилась по Молдавии и Украине. Поскольку оттуда в Москву ввозилось множество разных товаров, вокруг города установили карантин и заставы. Московские власти во главе с генерал-губернатором графом Салтыковым проявили нерешительность и бездействие.

Салтыков в донесениях доказывал, что предотвратить бедствие невозможно, так как в город ввозится слишком много товаров. Уже в ноябре 1770 г. на московском Суконном дворе появились первые больные, так как сюда, как говорили, привезли шерсть из Турции, возможно из южных областей страны, охваченных моровым поветрием.

Болезни не придали особого значения, доктора приняли ее за горячку. Но к концу декабря в военном госпитале на Введенских горах из 27 больных умерло 22 человека. Власти сполношились, по их приказу здание госпиталя сожгли. Но Салтыков по-прежнему отрицал наличие опасности. Между тем на Суконном дворе в первой неделе марта 1771 г. умерло 130 человек. Предприятие закрыли, рабочих из-за опасения заразы и волнений перевели за город, но многие суконники разошлись по Москве, разнося болезнь.

Чума начала косить людей сотнями, вымидали целые семьи, пустели городские дома. Например, в июле умерло 1099 человек. Опасность принимала катастрофические размеры. Перепуганные власти принимали лихорадочные меры, которые были настолько вопиюще бюрократическими и издевательскими, что вызвали всеобщий гнев и возмущение. Созданная по указанию Екатерины II в 1772 г. комиссия для изучения причин распространения чумы в Москве и мерах борьбы с ней собрала большой материал. Из него видно, что москвичей испугали больше не сама чума, а мероприятия властей.

16. Чумной бунт в Москве в 1771 году

В московские карантинные учреждения направлялись в принудительном порядке больные чумой и подозреваемые в болезни. Там людей держали в ужасных условиях от 20 до 40 дней, оставляя, по существу, без ухода и питания. Особенное возмущение вызвал у москвичей указ о сожжении вещей умерших от чумы или заболевших ею — все вещи, независимо от того, пользовался ими больной или нет, сжигались. За уничтоженное имущество, как правило, власти ничего не платили и никаких объяснений не давали.

Жители стремились укрывать свои пожитки, перевозить их в другие дома, прятать больных и умирающих. Ввиду того, что стоимость похорон по церковному обряду была очень высокой, не менее 6–8 рублей, а покойников стало очень много, их хоронили тайно, во дворах, садах, подвалах или попросту, раздев донага, выбрасывали на улицу, где их подбирала полиция. Об этом сообщает, например, очевидец событий Подшивалов. Указ Екатерины, грозивший вечной каторгой за выбрасывание мертвецов на улицу, не возымел действия.

Помещики с семьями, спасая жизнь, спешно покидали Москву, направляясь в имения. Дворовых они бросали на произвол судьбы без продовольствия и врачебной помощи в зараженном городе. Работные люди многих мануфактур тоже бродили по улицам голодные, поскольку их предприятия закрыли. Всех вольнонаемных увольняли; они должны были выехать из города. Крепостных же работных людей держали взаперти на фабриках.

В тяжелом положении оказались ремесленники и мелкие торговцы: они не могли продавать из-за карантина свои изделия. Между тем цены на продукты питания быстро росли, а их подвоз уменьшался. Салтыков доносил Екатерине II: «С нуждою можно что купить съестное, работ нет, хлебных магазинов нет».

Власти ограничивались расклейкой правил о предохранении от заразы, которые выглядели как прямое издевательство. В них москвичам рекомендовалось часто мыться водой с уксусом, не выходить с тощим желудком на воздух, держать во рту пряности, например, имбирь, калган и пр. Все это было не для простых людей, тем более что по распоряжению Салтыкова,

которое формально было правильным, в Москве закрыли все торговые, т.е. общественные, бани.

Московское начальство отсиживалось в домах или имениях. Салтыков, например, находился в Марфине, что в 40 км от столицы. В городе хозяйничала полиция. По словам современника дворянина Болотова, она «занималась единым только выволакиванием крючьями из домов зачумленных и погибших от заразы, вываживанием их за город и зарыванием в большие ямы». Это дело полиция поручила «мортусам» — осужденным арестантам-колодникам, одетым в вощаное платье с дырами для глаз и рта. Они разъезжали по городу, врываются в дома москвичей и волокли мертвых в ямы, а больных без разбору — в карантины.

Москва в результате таких действий была отдана во власть страшного бедствия, ей грозило полное вымирание. В сентябре 1771 г. в городе умерло около 21500 человек, а всего в Москве и окрестностях за все время погибло от болезни около 200000 человек. Население Москвы, доведенное до отчаяния чумой, голодом, безработицей и произволом властей высказывало открытое возмущение. Появились призывы к выступлению.

Впоследствии во время сыска над участниками восстания последние говорили, что «повестки на бунт» они слышали задолго до выступления. В народе толковали, «что ежели будет тревога, чтоб бежали», «что когда будут бить в набат и выстрелит пушка, то чтоб всем бежать с оружием в Кремль к собору». Современник событий московский профессор богословия Алексеев говорил по этому поводу, что москвичи собирались по сигналу бежать на Красную площадь с каким-либо оружием — «с топорами, кольями, камнями, кистенями и другими орудиями».

Это «народное сказывание» накануне восстания говорит как будто об его предварительной подготовке. Но имена предводителей остались, к сожалению, неизвестными, да и сами эти известия о «повестках на бунт» довольно смутны. Они скорее говорят о стихийном назревании восстания, которого жаждали все жители Москвы. Их раздражение обратилось сначала на врачей, олицетворявших в глазах москвичей ненавистные карантины.

16. Чумной бунт в Москве в 1771 году

Поводом для открытого восстания послужил инцидент с «чудотворной иконой» Боголюбской богородицы у Варварских ворот Китай-города. По Москве распространился слух, что эта икона исцеляет от моровой болезни. Больные и здоровые вместе толпились с утра до ночи у иконы и, надеясь на исцеление, прикладывались к ней. Тут же висела кружка, которая наполнялась трудовыми грошами. Во избежание дальнейшего распространения заразы московский архиепископ Амвросий распорядился перенести икону в церковь Кира и Иоанна, а пожертвованные деньги опечатать и передать в Воспитательный дом.

В 8 часов вечера 15 сентября 1771 г. зазвучал набат по московским церквям, тысячи людей с дубинами, топорами, камнями и кольями бежали к Варварским и Ильинским воротам. Собралось, по сообщению московского обер-полицмейстера Бахметьева, «до десяти тысяч, из которых большая половина с дубьем». Генерал-поручик П.Д. Еропкин доложил Екатерине II, что «в народе сем находились боярские люди, купцы, подьячие и фабричные».

Таким образом, движущими силами восстания явились дворовые, мелкий торгово-ремесленный и приказный люд, работные люди московских мануфактур. Это подтверждают и последующие события восстания, и произведенное после него следствие. Восставшие не дали опечатать собранные деньги и избили команду, посланную Амвросием. Затем они направились в Кремль к Чудову монастырю, где скрывался архиепископ, перепуганный насмерть. Восставшие кричали, что он грабит их последние гроши.

Амвросий в страхе уехал в Донской монастырь. Восставшие разгромили Чудов монастырь с находившимися в нем погребам; впоследствии награбленное ими в монастыре имущество по указанию властей изымалось у арестованных москвичей. Власти и полиция растерялись и бездействовали, поскольку были полностью парализованы неожиданным и грозным «бунтом».

На следующий день, 16 сентября, еще более многолюдные потоки восставших затопили московские улицы. Часть из них прошла к Донскому монастырю. Здесь на хорах собора нашли Амвросия, вытащили его за монастырские стены и убили. Другие в это время громили карантинные дома. По донесению Сал-

тыкова Екатерине, «разбили они два карантинных дома, распустя содержанных в тех, из коих первый Данилов монастырь, а другой — дом за Серпуховскими воротами, грозясь убить его, генерал-поручика, полковника князя Мануйлова, доктора Ягельского и всех по комиссии его заразительной болезни обретающихся за вывод больных в госпиталь и вывод здоровых в карантин».

Часть повстанцев направилась к домам московских аристократов. В доме советника А. Голицына на Тверской улице выбили стекла. Дворяне, оставшиеся в Москве, гасили свечи в домах, «будто никого и дома нет». Другие покидали свои дома, скитались, спасая свои жизни, по чужим углам. Ворота многих мануфактур были заперты, но рабочие небольшими группами с помощью разных хитростей и уловок выбирались из помещений и присоединялись к восставшим. Так поступили многие рабочие Суконного двора и других мануфактур.

Между тем основная часть восставших подступила к Кремлю. Они требовали выдачи Еропкина, стоявшего во главе московской власти после отъезда, или, скорее, бегства, Салтыкова в Марфино. Протоиерей — профессор Петр Алексеев сообщал, что «толпа просила выдать с руками Еропкина; а ежели не будет выдан, то грозила страшными бедами всему столичному городу и потрясением разорительным государству». Но в Спасских, Никольских и Боровицких воротах по приказу Еропкина поставили пушки и воинские команды. Троицкие (Вознесенские) ворота заперли затворами и железными спускными решетками.

Еропкин выслал на Красную площадь обер-коменданта, который пытался уговорить восставших разойтись, прекратить «бунт». В ответ посыпался град камней, обер-коменданта «чуть... до смерти камнями не убили». Тем же кончилась попытка бригадира Мамонова. Он, по словам Еропкина, «для того же увещания приезжал», но ему «чрезвычайно разбили голову и лицо».

Восставшие направились к Спасским воротам, а стоявшую тут воинскую команду забросали камнями и колями. Ее командир Саблуков так писал потом своему отцу о последующих событиях: по восставшим выстрелили «один раз из пушки

картечью, и, несколько убив, остальных тотчас разогнали штыками, и потом несколькими выстрелами очистили от сих бунтовщиков всю Красную площадь». Восставшие разбежались, солдаты ловили их по улицам, убивая направо и налево.

Но восстание еще не было подавлено. Утром 17 сентября восставшие числом более 1000 человек вновь приступили к Спасским воротам. Они потребовали, по донесению Салтыкова, выдачи гвардейского офицера, «называя переметчиком, с которым они обо всем говорили», очевидно, накануне. Этот офицер, возможно, чтобы успокоить восставших, давал им какие-то обещания, которые, конечно, не были выполнены, иначе повстанцы не называли бы его «переметчиком». Далее участники движения «открыто требовали отдать им всех взятых товарищей» — арестованных во время погрома 16 сентября. Последние находились «под караулом», т.е. под стражей, в Кремле.

Другие требования заключались в том, чтобы не брать никого в карантин, уже взятых выпустить из них, сами карантин уничтожить и открыть общественные бани. Но восставших быстро рассеяли. По приказу Еропкина конная команда с обнаженными палашами напала на них с тылу. Вернувшийся к этому времени в город генерал-губернатор Салтыков выслал на Красную площадь Великолуцкий полк. Солдаты убивали, рубили и хватали восставших по окрестным площадям и улицам. Народ разбежался. Восстание в столице было потоплено в крови.

Екатерина II и правительство принимали энергичные меры. В Москву прибыли подкрепления — четыре лейб-гвардейских полка. Нерасторопного Салтыкова заменили Еропкиным, которого за решительные действия против восставших наградили орденом. В город из Петербурга приехала для следствия и суда генеральная комиссия во главе с генерал-прокурором Всеволожским. В Москве возобновились облавы и аресты — искали участников восстания, раненных или «поцарапанных».

По окончании следствия и подписания в начале ноября приговора Екатериной II в Москве произвели 11 ноября экзекуцию над активными участниками восстания. Четырех человек повесили: дворового Василия Андреева и купца Ивана Дмитриева,

как инициаторов расправы с Амвросием, — у стен Донского монастыря; на Красной площади — Алексея Леонтьева и Федора Деянова. 72 человека подвергли наказанию кнутом на Неглинной площади, Царицыном лугу, у ворот Белого и Земляного городов; затем их отправили в Рогервик, в Прибалтику, и на галеры. 89 человек секли плетью, потом сослали на казенные работы. Наконец, 12 подростков наказали розгами.

17. Сопротивление крестьян во второй половине XVIII века

За несколько лет до Пугачевского бунта по всей России вспыхивали очаги недовольства: в отдельных губерниях начинались локальные мятежи, а крепостные крестьяне и солдаты массово подавались в бега, многие из них создавали разбойничьи шайки и громили имения своих господ. Позже эти разрозненные явления влились в общий поток крестьянской войны 1773–1774 гг.

Источник: В.И. Буганов «Крестьянские войны в России».

Протест угнетенных выражался в различных формах. Распространялось сектантство, «еретичество», получали широкое хождение произведения устного народного творчества и подпольной литературы — различные «подметные письма», подложные манифесты и указы. В 1760-е годы в ряде подложных указов и манифестов сообщалось об освобождении некоторых категорий крестьян и их переводов в другие (например, помещичьих — в государственные, приписных — в ясачные). Дворян и попов, неправедных судей и чиновников-лихоимцев высмеивают народные повести и лубочные картинки, сказки и пословицы, солдатские стихи и песни. В ряде случаев произведения фольклора включают мотивы борьбы против существующих в стране социальных отношений, необходимости освобождения от крепостной неволи. Особенно ярко антифеодальные настроения выражены в «Плаче холопов», составленном, вероятно, в 1767–1768 гг.

Попытки найти управу на феодалов в суде, подача челобитных властям являлись пассивными формами борьбы обездоленных. Их бегство от господ означает уже более высокую ступень борьбы, так как включает и активные действия: убийство помещиков, уничтожение их имущества и документов. Другими формами являются действия «разбойников», самозванство, волнения и восстания.

Широкие размеры приняло в XVIII в. бегство крестьян. Бежали от господских работ и платежей, издевательств и рекрутчины, от нищеты и бесправия. Уходили от одного владельца к другому, чтобы хоть на время получить льготы и облегчить свою участь.

Помещики переманивали друг у друга крестьян, подавали в суд бесчисленные прошения о сыске и возврате беглых. Часто, чтобы освободиться от барина и налогов, уходили в необжитые места — на юг и восток, в Поволжье, на Урал и в Сибирь, а то и за рубеж.

Многие беглые люди — крестьяне и дворовые, солдаты и работные — не ограничиваются только уходом от господ. Они поджигают имения, конфискуют в свою пользу имущество, убивают их самих, членов семей, приказчиков. Нередко беглые собираются в целые отряды — «разбойные партии», «шайки воровских людей», по терминологии правительственных документов.

В течение второй трети XVIII в. убийства помещиков были постоянным явлением. Так, в Московской губернии только с 1764 по 1769 г. крепостные расправились с 30 помещиками в 27 имениях. То же происходило и в других местах, в том числе и в Поволжье: здесь в местных тюрьмах содержалось немало колодников, которых обвиняли в убийствах помещиков, их управителей.

Действия «разбойных партий» особенно усиливаются в конце 1760-х годов. Это было прямо связано с неурожаем 1767 г., дороговизной съестных припасов, голодом, падежом скота. Массы крестьян уходили на заработки, другие бежали, собирались в отряды и нападали на помещиков. Действия «разбойников» происходили по всей стране, особенно на юге, в Поволжье. Так, нижнеломовские дворяне в наказе в Уложенную комиссию 1767 г. жалуются, что их крестьяне «великое злодеяние чинят пожогом, грабежом, денным разбоем и лишением нас жизни». О действиях «разбойных шаек» сообщают казанский губернатор фон Брандт, власти и помещики Алатырского, Пензенского уездов, Уфимской провинции и многих других районов. Волга и Кама, Ока и Сура стали местами особенно решительных выступлений, которые В.В. Мавродин с полным основанием называет «своеобразной прелюдией к восстанию Пугачева». Одна из «разбойнических партий», действовавшая на Суре в 1766–1767 гг., состояла из 48–60 человек. У них на вооружении, помимо бердышей и рогатин, имелись пистолеты, ружья и даже три медные пушки. Отряд жег многие помещичьи имения в районе Пензы, громил винокуренные заводы, конфисковывал имущество дворян и приказчиков. Один из участников борьбы беглый крестьянин И.И. Шаталин (село Трубетчины

Пензенского уезда) показал на допросе, что он вступил в отряд, желая отомстить своей жестокой в обращении помещице. Во главе отряда, состоявшего из беглых крестьян и солдат, стоял яицкий казак Р. Карманов.

Более тридцати имений разгромил в Симбирском уезде и 1768 г. отряд наровчатского посадского человека И. Колчина. «Крайнее уныние» и ужас испытывали все дворне Симбирского уезда и окрестных мест. Многим из них мстили их бывшие крестьяне и дворовые из этого отряда, в котором имелись также солдаты, работные люди, однодворцы. Многие помещики убегали из своих владений в города, и об этом хорошо знали «разбойники». Они планировали даже нападение на Симбирск, чтобы «с одного края зажечь, а с другога разбои учинить; и знаем-де, что все помещики из деревни в город выбираютца, то не оставят их и в городе найти».

Подобные «воровские партии» активно действовали по всему Поволжью и Приуралью в конце 60-х — начале 70-х годов. Сведения о них доходили даже до столицы. Так, 10 мая 1771 г. отряд примерно из 30 человек напал на двор помещика П.И. Осокина у города Балахны, разгромил его и сжег. По набату против «разбойников» сбежались вооруженные балахнинские купцы и монахи, и началось настоящее сражение, в ходе которого повстанцы убили двух и ранили 13 человек. «Отважное злодейское предприятие», — так вынуждена была охарактеризовать эти действия Екатерина II, узнавшая о них. Императрица приказывает применить «всевозможные способы» «во искоренение показанных злодеев», и вверх и вниз по Волге от Нижнего Новгорода местные власти посылают разъезды.

Отряд Рощина, действовавший с 1769 г. по Оке в пределах Шацкого уезда, впоследствии принял участие в пугачевском движении и продолжал борьбу после гибели Е.И. Пугачева.

«Разбойники» выступали не только против дворян и их прихвостней (приказчиков, управителей, старост), но и против «богатых мужиков» — «первостатейных» крестьян.

Отряды «разбойников» действовали и в других районах страны — в Придонье, Слободской Украине. Дворяне-козловцы в 1767 г. писали в наказе в Уложенную комиссию: «Везде только и слышно, что верно подданные ея императорского величества

собравшись воровскими партиями, вооруженною рукой тирански бьют, огнем жгут и до смерти убивают и имущества грабят».

В борьбе «разбойных» отрядов преобладают моменты мести и разрушения, быстрых и решительных, но скоротечных действий.

Более высоким уровнем отличаются волнения и восстания различных категорий угнетенных. Только за восемь лет, с 1762 по 1769 г., произошло более 120 крестьянских волнений (без учета выступления приписных и церковных крестьян). Они происходят в Центральной России и Слободской Украине, Приднестровье и Поволжье.

Участники волнений и восстаний, как правило, стремятся освободиться из крепостного состояния и стать государственными крестьянами. Они изгоняют помещиков, забирают их имущество и документы на землю и крепостных. Власти посылают против восставших воинские команды. В ряде случаев крестьяне прогоняют солдат, но их выступления прекращаются под давлением силы.

Иногда волнения крестьян продолжались по несколько лет и отличались большим упорством, приводя даже в отдельных случаях к удовлетворению некоторых их требований. Такой характер имели, в частности, волнения крестьян Воронежской губернии в 1766 г.: слободы Петровской А.В. Бутурлина Козловского уезда, слобод Воронцовки и Анександровки графа Р.И. Воронцова (Добренский уезд), слободы Михайловки М.И. Сафонова (Павловский уезд), слободы Ковальской А. Плохова. Здесь против закрепощения выступили украинцы («черкасы»). Они «от послушания владельцам своим отказывались и чинили противности». То же происходило в 1768 г. в Белгородской губернии, Тверском, Волоколамском, Каширском, Клинском, Кашинском, Галицком, Симбирском, Саранском и других уездах.

Крестьяне села Ишевки Симбирского уезда, проданного Долгорукими А.А. Кротковой, отказались ее принять даже под угрозой применения силы. В феврале 1768 г. они выступили против воинской команды, открывшей огонь, и обратили ее в бегство, захватив у солдат более десятка ружей. Потребовалась посылка целого батальона, который и привел восставших «к покорности». Смена владельцев привела весной 1765 г. к восстанию крестьян села Ивановского (или Одоевщина) Пензенского уезда. Они «учинили бунт», захватили господский дом и выгнали из него но-

17. Сопротивление крестьян во второй половине XVIII века

вого владельца коллежского секретаря С. Шевырева. Действовали они с помощью «всякого огненного и студеного оружия». Их поддерживали крестьяне всей округи. Восставшие устроили в своем селе укрепленный лагерь, выбрали руководителей из своей среды (главный руководитель — крестьянин Петр Громов), собирали оружие, изготавливали новое, организовали охрану, выработали план борьбы с противником (разбили свои силы на три отряда). Наступавших солдат восставшие встретили огнем из оружия, камнями и поленьями. После артиллерийского обстрела они все ушли в лес, а свои дома пожгли.

1750–1760-е годы — время активнейших выступлений монастырских крестьян. Борьба монастырских крестьян была одной из причин секуляризации церковных земель. Еще по указу Петра III от 21 марта 1762 г. у монастырей отобрали крестьян и передали в ведение государственного учреждения — Коллегии экономии. Им передали всю землю и обязали платить подушную подать и рублевый оброк с тягла. Однако Екатерина II, придя к власти, отменила этот указ. Но крестьяне отказались вернуться в прежнее состояние — не повиновались монастырским властям, не работали на них, не платили оброк. Среди многочисленных волнений этой поры особо выделяется восстание крестьян Далмаговского монастыря в Западной Сибири («Дубинщина»). Этому монастырю принадлежало село Никольское и 21 деревня с 3000 душ населения.

Когда осенью 1762 г. далматовским крестьянам прочитали указ Екатерины II, отменявший мартовский указ Петра III, они отказались повиноваться. Их восстание возглавил бывший монастырский служка К. Мерзляков, человек грамотный, знавший законы, энергичный. Движение продолжалось с конца 1762 г. до весны 1764 г. Восставшие запаслись оружием, организовали два отряда (в 200 и 500 чел.), перерезали дороги в Шадринск и Челябинск, устроили завалы. Впоследствии некоторые участники этого восстания осаждали в составе пугачевских отрядов Далматов монастырь.

Правительство вынуждено было пойти на уступки — указ 26 февраля 1764 г. провозгласил секуляризацию и перевод монастырских крестьян в категорию экономических, т.е. государственных. Секуляризация 1764 г. привела к снижению актив-

ности бывших монастырских, теперь экономических крестьян. Но их борьба продолжалась, принимая новые формы (борьба за землю с феодалами, «разбойничество» и др.).

Заводские или приписные крестьяне (их в 1762 г. насчитывалось около 190000 чел.) тоже активно выступали против той тяжкой доли, которую они испытывали на заводских работах. Ряд восстаний заводских крестьян и работных людей 50–60-х годов принял довольно острый характер. Так, в 1752 г. крестьяне Ромодановской волости И. Демидова прекратили все работы на заводовладельца. Во время сражения с Рижским драгунским полком 24 мая восставшие (их было 1500 чел., вооруженных огнестрельным и холодным оружием) потеряли 59 чел. убитыми и 42 ранеными, но по существу одержали победу: они смертельно ранили 6 офицеров и унтер-офицеров и 25 солдат, ранили 9 офицеров и 188 солдат, взяли в плен командира полка и заставили противника отступить.

Работные люди Липецкого, Козминского и Вороненого заводов князя Репнина, начавшие борьбу в 1701 г. и отказавшиеся признать себя его крепостными, прекратили всякие работы, избили княжеского поверенного. Они отказались подчиняться заводской конторе и избрали свой орган управления — станичную избу во главе с одним из своих руководителей Г. Куприяновым. Одну за другой подают они челобитные в Петербург, просят возвратить их в сословие государственных крестьян. Несмотря на репрессии властей, они добиваются своего — в 1769 г. их заводы отписывают в казну.

В 1760 г. начались волнения приписных крестьян демидовских заводов — Каслинского, Нижне- и Верхнекыштымского. «Мы готовы все помереть, а на заводы не пойдем», — заявляли сотни восставших воинским командам, которые власти посылали для их усмирения. Они запасали оружие, производили ученья и смотры своим силам, расставляли караулы, готовясь к вооруженному столкновению. Превосходящие силы карателей (до 1000 чел.) подавили восстание. Но в 1765 г. в этих местах началось новое волнение.

18. Крестьянская война под предводительством Пугачева

Емельян Пугачев прошел путь от простого донского казака, участника одной из турецких войн, до предводителя многотысячной повстанческой армии в ходе крестьянской войны, охватившей обширные территории России. Под знаменем выжившего Петра III, которым назвался Пугачев, встали казацкие низы, крепостные крестьяне, работники уральских заводов, а также участники многочисленных национально-освободительных движений, в том числе знаменитый предводитель башкирского восстания Салават Юлаев.

Источники:

Х.И. Муратов «Крестьянская война под предводительством Е.И. Пугачева»,
В.И. Буганов «Крестьянские войны в России XVII–XVIII вв.».

Екатерина II ознаменовала свое царствование окончательным закрепощением крестьян, предоставила дворянам право распоряжаться ими по своему усмотрению. Она щедро одарила крепостными крестьянами лиц, которые помогали ей достичь власти. Всего за 34 года своего царствования Екатерина II раздала помещикам около 800000 государственных крестьян. Каждый второй крестьянин Великороссии был крепостным.

Власть помещиков над крестьянами была почти неограниченной: они сами судили и наказывали своих крепостных, проигрывали их в карты, меняли на собак, продавали поодиночке, целыми семьями и деревнями. О продаже крепостных сообщалось в тех же объявлениях, что о продаже домов, лошадей и собак.

Невыносимыми были условия, в которых жили крестьяне, прикрепленные (приписанные) к отдельным заводам и фабрикам. Приписка к заводам была одной из форм крепостного права. Крестьянам, которые платили казне подушную подать, объявляли от имени правительства, что они освобождаются от уплаты подати и взамен этого должны ежегодно отрабатывать ее на заводе. Каждый приписной крестьянин проводил на заводе до 260 дней в год, но подать непонятным для крестьянина образом постоянно оставалась неотработанной, а проделанная работа засчитывалась заводчиком то за штраф, то за беглых и умерших, то за прошлогодний долг.

На многих заводах и фабриках отбывали наказание осужденные на каторжные работы.

При переходе казаков к земледелию усилился процесс выделения казацкой верхушки и обеднение массы казачества. Осо-

бенно страдало от произвола старшин Яицкое казачье войско, которое охраняло юго-восточные границы России от нападений ногайцев, хивинцев и других кочевых народов. Богатая старшинская верхушка со временем захватила рыбные промыслы, табуны лошадей и землю. Рядовые казаки утратили свои прежние вольности. Старшины во главе с войсковым атаманом Андреем Бородиным заставляли рядовых казаков работать на рыбной ловле и, пользуясь их неграмотностью, присваивали себе львиную долю доходов.

В январе 1772 года начались волнения среди Яицкого войска. Казаки отказывались идти на рыбную ловлю и выполнять приказы атамана. За это многих бросили в тюрьму. Казаки послали в Петербург выборных во главе с сотником Иваном Портновым, которым удалось подать жалобу на имя Екатерины II.

По приказанию Екатерины II для расследования причин недовольства яицких казаков была создана комиссия, в которую вошли капитан лейб-гвардии Семеновского полка Дурново и генерал-майор фон Траубенберг. Генерал Траубенберг начал свою деятельность с того, что приказал наказывать плетьюми семерых выборных, обрить им бороды (что считалось у казаков величайшим позором) и под конвоем отослать их в Оренбург на регулярную службу. Узнав об этом, казаки взбунтовались. Им удалось отбить арестованных. Произошло вооруженное столкновение между старшинами и рядовыми казаками.

Казаки во главе с Максимом Шигаевым, неся перед собой иконы, пришли к Траубенбергу, чтобы начать переговоры. Но генерал отдал приказ открыть по ним огонь. Казаки не отступили. Они отбили пушки и начали стрелять из них по отступающим солдатам Траубенберга.

Отряд генерала Траубенберга был разгромлен. Самого генерала казаки схватили и изрубили на куски. Капитан Дурново был ранен и жестоко избит. Новый войсковой атаман Тамбовцев и наиболее ненавистные старшины были повешены. Остальные старшины (до 70 человек) были приведены к присяге и поклялись, что будут действовать заодно с войском. Казаки сами стали управлять Яицким войском.

Но вскоре из Оренбурга в Яицкий городок прибыл карательный отряд генерала Фреймана. Восстание было жестоко по-

18. Крестьянская война под предводительством Пугачева

давлено. После этого яицкие казаки полностью утратили свои вольности. Казацкий круг, выборная должность атамана и войсковая канцелярия были упразднены.

В конце апреля 1773 года оренбургский генерал-губернатор фон Рейнсдорп получил из Петербурга указ Военной коллегии с окончательным приговором по делу яицких казаков, восставших в январе 1772 года. В этом приговоре было определено: 16 человек наказать кнутом, вырвать им ноздри и выжечь знаки «вор», а потом навечно сослать в Сибирь на каторгу в Нерчинские рудники; 38 человек, наказав кнутом, сослать с женами и малолетними детьми в Сибирь на поселение; 25 человек наказать плетью и распределить: молодых — в разные армейские полки, а престарелых — в сибирские гарнизонные батальоны.

Емельян Иванович Пугачев родился в станице Зимовейской на Дону в 1742 году. Отец его Иван Михайлович был простым казаком. Девятнадцатилетний Пугачев участвовал в Семилетней войне с Пруссией. Служил он в казачьей команде полковника И.Ф. Денисова и за «отличную проворность» был взят к Денисову в ординарцы. Однажды в темную ночь на казачий лагерь налетели прусские кавалеристы, и Емельян в суматохе упустил одну из лошадей Денисова, за что был бит «нещадно, плетью».

В 1768 году Пугачев отправился на войну с Турцией. Он храбро сражался с турками и особенно отличился при взятии крепости Бендеры, за что и получил младший казачий офицерский чин хорунжего. Любопытно, что служил Пугачев в войсках, которыми командовал генерал-аншеф граф Петр Иванович Панин, впоследствии сражавшийся во главе царских войск против армии Пугачева.

Тяжелая болезнь заставила Пугачева покинуть в 1771 году действующую армию и вернуться домой. В этом же году он был арестован за помощь в побеге родной сестры с мужем на Терек, но на третью ночь после ареста бежал. В январе 1772 года Пугачев перебрался на Терек, где был приписали к станице Ищорской. Через некоторое время он был послан в Петербург в Военную коллегию с ходатайством о прибавке жалованья и провианта, но, не доехав до Петербурга, снова был арестован. Подговорив караульного солдата Лаптева, Пугачев вместе с ним в ночь на 14 февраля бежал из-под ареста. Он снова вернулся в родные края, но был там

опять арестован и отправлен в Черкасск. По дороге казак Лукьян Худяков, участвовавший вместе с Пугачевым в Семилетней войне, вызволил его из-под стражи и помог скрыться.

Пугачев бежал на Украину к тамошним старообрядцам. Там он выяснил, что беглые отсюда переправляются через границу в Польшу, далее идут в слободу Ветку и, малое время побыв там, идут прямо на Добрянский форпост и, сказавшись польскими выходцами, получают на форпосте разрешение селиться, кто где пожелает. Именно здесь, на форпосте, солдат-гвардеец Алексей Семенов сказал Пугачеву, что он «точно как Петр III», а купец Кожевников, к которому Пугачев устроился на заработки, рассказал о недавнем бунте яицких казаков и предложил: «ты возьми на себя это имя, поезжай на Яик, тебя там примут».

22 ноября 1772 года Пугачев приехал в Яик. Он остановился у казака-старовера Дениса Степановича Пьянова, которому поведал о своем намерении увести яицких казаков на Кубань и обещал дать каждому казаку по 12 рублей на переход. Пьянов удивился, но обещал поговорить со стариками. И тут Пугачев решился на очень важный в его жизни шаг. Он сказал Пьянову: «Вот слушай, Денис Степанович, хоть поведашь ты казакам, хоть не поведашь, как хочешь, только знай, что я — государь Петр III». Через несколько дней Пьянов сообщил Пугачеву, что старики решили, что сейчас начинать такое дело не время, и что лучше подождать до рождества, когда казаки соберутся на рыбную ловлю.

Между тем, на Пугачева был совершен донос, о его намерениях стало известно властям. Пугачева схватили, били батогами. Закованного в кандалы Пугачева под охраной отправили в Симбирск. Из Симбирска Пугачева доставили 4 января 1773 года в Казань, где он был посажен в острог.

Через некоторое время Пугачеву, как и многим другим узникам, было разрешено выходить под охраной в город собирать милостыню. Вместе с другими арестованными он ходил и на работу на Арское поле.

29 мая 1773 года Пугачев с другим заключенным Дружининым и подговоренным караульным солдатом Мищенко совершили побег. Расставшись со своими попутчиками, Пугачев остановился в селе Сарсасы, где и прожил более двух месяцев.

18. Крестьянская война под предводительством Пугачева

Слухи о появлении Петра III ходили среди яицких казаков уже давно. Казак Федор Каменщиков (Слудников) по прозвищу «Алтынный глаз» еще задолго до Пугачева разъезжал по Оренбургской губернии и горнозаводским селениям, называя себя «курьером Петра III», которому якобы поручено узнать, «как живет казачество, не притесняется ли начальством, чтобы потом император Петр III рассудил все по правде». Многие беглые солдаты и крепостные крестьяне выступали под именем Петра III. Так, беглый крепостной крестьянин графа Воронцова (село Спасское Саратовского уезда) Федот Богомолов в начале 1772 года объявил себя императором Петром III и пытался поднять восстание среди солдат в легионной команде в Дубовке, но был арестован и отправлен в Царицын. В период следствия (апрель — июнь) Богомолов с помощью караульных связался с донскими казаками, жителями города и солдатами гарнизона. Готовилось восстание. Жители Царицына, вооруженные «дрекольем и камнями», пытались освободить Богомолова. Восстание было подавлено, а Богомолов жестоко наказан. Ему вырвали ноздри и отправили в Нерчинск на вечную каторгу. По пути туда он умер.

14 августа 1773 года Пугачев остановился у Степана Максимовича Оболяева, от которого узнал, что казак Пьянов, у которого Пугачев останавливался в первый свой приезд на Яик, схвачен за то, что подговаривал казаков бежать на Кубань. Пугачев прожил у Оболяева около полутора месяцев. Все это время он «упражнялся в стрельании и ловле на степи зверей».

Однажды Степан Максимович пригласил Пугачева в баню. Когда Пугачев разделся, Оболяев обратил внимание на какие-то знаки на груди Емельяна Ивановича. Это были следы золотухи, которой Пугачев когда-то болел. На вопрос о знаках на груди Пугачев ответил, что знаки это государские, и что сам он государь Петр Федорович. Оболяев был потрясен. Он поверил Пугачеву и свел его непосредственно с яицкими казаками. Выслушав сообщение «государя», рядовые казаки решили: «Принять в войско сего проявившегося государя, хотя бы он подлинный или неподлинный был». Позже Пугачев переехал на хутор братьев Толкачевых, находившийся в 100 верстах от Яицкого городка. Ближайшие сподвижники Пугачева потом узнали, что перед

ними не император Петр III, а беглый донской казак Емельян Пугачев (он сам им в этом признался), но они безоговорочно поддерживали его, стремясь добиться своих целей. Т. Мясников в разговоре с М.Д. Горшковым так охарактеризовал позицию яицких казаков: «...Вздумали мы назвать его, Пугачева, покойным государем Петром Федоровичем, дабы он нам восстановил все обряды, какие до сего времени [были], а бояр, какие больше всего в сем деле умничают и нас разоряют, всех истребить, надеясь и на то, что сие наше предприятие будет подкреплено и сила наша умножится от черного народа, который также от господ притеснен и вконец разорен».

17 сентября 1773 года в хутор Толкачевых прибыло около 60 человек. После того как Пугачев обратился к казакам с речью, писарь прочел собравшимся подготовленный накануне именной указ «императора Петра III» — Пугачева Яицкому войску.

«Во именном моем указе изображено Яицкому войску: как вы, други мои, прежним царям служили до капли своей, до крови, деды и отцы ваши, так и вы послужите за свое отечество мне, великому государю императору Петру Федоровичу. Когда вы устоите за свое отечество, и не истечет ваша слава казачья от ныне и до веку и у детей ваших. Будете мною, великим государем, жалованы: казаки, калмыки и татары. И которые, мне, государю императорскому величеству Петру Федоровичу, винные были, и я, государь Петр Федорович, во всех винах прощаю и жалую я вас рекою с вершины и до устья, и землею, и травами, и денежным жалованьем, и свинцом, и порохом, и хлебным провиантом».

После прочтения указа все присутствующие были приведены к присяге.

На второй день в стане Пугачева было уже 80 вооруженных казаков, татар и калмыков. С этим отрядом Пугачев, окруженный свитой, с семью распущенными знаменами, двинулся в поход на Яицкий городок.

На подходе к Яицкому городку у Пугачева имелось уже до 400–500 повстанцев, но не было ни одной пушки. Яицкий же гарнизон насчитывал до 1000 чел., имел пушки, и Пугачев после неудачного штурма верно решил здесь не задерживаться. Целью его похода было увеличение сил и выход к Оренбургу.

18. Крестьянская война под предводительством Пугачева

Далее Пугачев стремительно двигался вверх по Яику. Гарнизоны форпостов и крепостей переходили на его сторону. Утром 21 сентября с хлебом и солью, с развернутыми знаменами встретили Пугачева жители Илецка, а его гарнизон из 300 казаков с 13 пушками полностью влился в повстанческое войско.

27 сентября Пугачев штурмом овладел сильной Татищевой крепостью — центром Яицкой укрепленной линии. Почти весь тысячный гарнизон влился в повстанческое войско, которое овладело к тому же складами амуниции, продовольствия, денежной казной, артиллерией (13 пушек) с припасами.

На всем пути следования Пугачев и повстанцы расправлялись с теми, кто оказывал им сопротивление, — царскими офицерами, казацкими старшинами.

Пугачев рассылает во все стороны именные указы. Они адресованы казакам и солдатам, татарам и башкирам, казахам и калмыкам, крестьянам и работным людям. Сотни агитаторов-пугачевцев распространяют их в обширном районе от Урала до Волги, от Яика до Башкирии.

Пугачев приближался к Оренбургу. Его власти во главе с губернатором И.А. Рейнсдорпом принимают срочные меры по укреплению обороны города — приводят в порядок крепостные бастионы и валы, усиливают гарнизон. Посылают против Пугачева новые и новые отряды, но без успеха — 500 башкир переходят на его сторону.

2 октября Пугачевское войско расположилось в Сакмарском городке в непосредственной близости от Оренбурга.

Рейнсдорп подсылает к Пугачеву А.Т. Соколова-Хлопушу, оренбургского каторжника, в прошлом тверского крепостного крестьянина и уральского работного человека. Афанасий Соколов-Хлопуша был приговорен к пожизненной каторге, он был клеймен, ноздри были вырваны. Он получил задание — уговорить казаков отстать от Пугачева, а его самого «свести... в город Оренбург», т.е. захватить и выдать властям. Но Хлопуша обо всем рассказал Пугачеву и перешел на его сторону. От Пугачева Хлопуша получил чин полковника и вскоре стал одним из руководителей движения.

В ночь с 5 на 6 октября повстанцы подошли к Оренбургу, у Пугачева к этому времени насчитывалось около 3000 по-

встанцев при 20 пушках. Противник имел более 3500 воинов и 70 пушек.

Сразу же началась осада Оренбурга, сильной по тем временам крепости, продолжавшаяся до конца марта следующего года, т.е. почти полгода. Рейнсдорп пишет 9 октября в Петербург президенту Военной коллегии фельдмаршалу графу З.Г. Чернышеву: «Регулярная армия в 10000 человек не испугала бы меня, но один изменник с тремя тысячами бунтовщиков заставляет дрожать весь Оренбург... Этот злодей... отнял у подчиненных мне офицеров почти все мужество...». Он просил срочно прислать помощь.

В ходе осады происходили частые стычки, причем инициатива в боевых действиях принадлежала повстанцам. Пугачев стремился овладеть Оренбургом до прихода подкреплений, которые уже направлялись к нему из центра страны, из крепостей и городов Верхне-Яицкой дистанции и Симбирской губернии. Они приближались к крепости, чтобы взять ее, нападали на высылаемых из нее фуражиров, сжимали кольцо блокады. Со всех сторон в лагерь повстанцев, располагавшийся между Бердской слободой (здесь находился Пугачев со своим штабом) и Маяцкой горой, шли новые отряды повстанцев — русские крестьяне и работные люди, башкиры и татары, калмыки и казахи. С уральских заводов везли пушки и припасы к ним. 6 ноября Пугачев и его ближайшие сподвижники создают Военную коллегия — высший орган управления военными и гражданскими делами на территории, охваченной Крестьянской войной.

С самого начала осады Пугачев рассылает во все стороны указы и манифесты, которые встречают отклик у простонародья Приволжья и Прикамья, Приуралья и Зауралья. Большие размеры приняла борьба в Башкирии.

14 октября правительство в Петербурге получило известия об «оренбургских замешательствах». Слухи о восстании быстро распространяются по стране. Публично иронизируя по поводу «глупой казацкой истории» и «маркиза Пугачева», императрица принимает тем не менее спешные и серьезные меры. Усиливаются меры охраны — правящие круги боятся, что движение перекинется на Волгу и Дон. Со всех сторон стягивают воинские части и направляют их к Оренбургу; в их числе — генерал-майор

18. Крестьянская война под предводительством Пугачева

Фрейман, прославившийся карательными подвигами при подавлении Яицкого восстания 1772 г. Секретным именным указом от 14 октября Екатерина II назначает главнокомандующим всеми силами, которые посылают против Пугачева, генерал-майора В.А. Кара, бывшего командира Петербургского легиона.

При подходе к Оренбургу с северо-запада Кар имел реально около 1500 чел., к нему должен был присоединиться башкирский отряд Салавата Юлаева в 1000–1200 чел. Пугачев выслал против Кара часть своих сил до 1000 казаков и 1500 башкир. По пути к Юзеевкс у дер. Биккуловой они встретили полутысячный отряд авзяно-петровских работных людей А.Т. Сокколова-Хлолуши, который выделил им в помощь 300 человек и 6 орудий.

Бой двух войск продолжался три дня (7–9 ноября). В ходе сражения повстанцы хорошо использовали свое превосходство в артиллерии, стремительно ходила в атаки их конница. Войско Кара было разгромлено, часть солдат перешла на сторону повстанцев. Полностью перешел к Пугачеву башкирский отряд Салавата Юлаева. Царский командующий бежал, преследуемый восставшими. Он потерял 123 человека. В донесении в Петербург генерал вынужден был отдать должное храбрости и находчивости повстанцев: «Сии злодеи ничего не рискуют, а, чиня всякие пакости и смертные убийства, как ветер по степи рассеиваются, артиллериею своею чрезвычайно вредят; отбивать же ее атакою пехоты также трудно да почти нельзя, потому что они всегда стреляют из нея, имея для отводу готовых лошадей; и как скоро приближаться пехота станет, то они, отвезя ее лошадьми далее да другую гору, и опять стрелять начинают, что весьма проворно делают и стреляют не так, как бы от мужиков ожидать должно было».

Разгром карательных отрядов около Оренбурга, широкое распространение восстания на новые местности, нежелание народных низов подчиняться властям, их стремление присоединиться к Пугачеву — все это вызвало панику среди российских дворян и сильное беспокойство правящих деятелей. Они поняли, что положение таково, что против «бунтовщиков» и «злодея» Пугачева необходимо посылать армии, как против иностранных «неприятелей».

Борьбу башкирского народа возглавил Салават Юлаев. Салават говорил, что будет беспощаден с теми, кто обидит бедного, угнетенного; напротив, «ежели кто помещика убьет до смерти и дом его разорит, тому дано будет жалованье 100 руб., а кто 10 дворянских домов разорит, тому 1000 руб. и чин генеральный».

В Зауральской Башкирии главные события развернулись у Челябинска — центра Исетской провинции. Шедший сюда по И.Н. Грязнов собрал отряд из башкир и казаков. 8 января Грязнов со своими силами подошел к Челябинску и окружил его со всех сторон. К этому времени вся Исетская провинция была охвачена восстанием, заводские крестьяне массами присоединялись к повстанцам Грязнова. Предводитель, которого Пугачев произвел в полковники, обратился к жителям города с несколькими воззваниями. В них содержится своего рода обоснование действий повстанцев с точки зрения христианской справедливости. По мысли одного из этих воззваний, Иисус Христос желает освободить «Россию от ига работы», т.е. рабства, которым страна «во изнурение приведена». Виновником этого объявляется дворянство; оно «обладает крестьянами», которых «оне не только за работника, но хулю почитали полян (собак, псов) своих, с которыми гоняли за зайцами». Далее говорится о заводчиках («компанейщиках»), «которые завели премножество заводов и так крестьян работою утрудили, что и в сылках тово никогда не бывало, да и нет». Именно дворяне изгнали с престола «премногощедрого отца отечества великого государя Петра Федоровича за то, что он соизволил при вступлении своем на престол о крестьянах указать, чтоб у дворян их не было во владении». Одинадцать лет скрывался и странствовал «отец наш», «а мы, бедные, оставались сиротами». Теперь же мы стараемся «возвести» его, но «дворянство и еще вымысел зделало назвать так дерзко бродягоу, донским казаком Пугачовым».

Силы Грязнова насчитывали до 5000 чел., он имел 8 орудий. Того же 10 января начался штурм города, продолжавшийся пять часов. Понеся большие потери и узнав о приближении частей де-Колонга, Грязнов отвел свое войско к Чебаркульской крепости. Противники встретились 1 февраля у деревни Першино. Весь день длилось сражение, и де-Колонг вынужден был отступить в Челябинск, который покинул 8 февраля.

18. Крестьянская война под предводительством Пугачева

Де-Колонг в письме в Омск генералу А.Д. Скалону жаловался на то, что «многие государственные, экономические и прочих ведомств крестьяне добровольно, без всякого от злодея принуждения не только к стопам его приклоняются, но, рассылая от себя к его партизанам нарочных, призывают в свои жительства». Он же просил Скалона писать ему по-французски и по-немецки, так как восставшие «почты перехватывают, прочитывая письма, узнают о всех с пашей стороны предприятиях».

Тысячи повстанцев продолжали действовать в Пермском крае в районе Осы и Кунгура, Сарапула и Красноуфимска. То же происходило в Прикамье, Поволжье, в Пензенско-Воронежском районе. Местные крестьяне, работные люди отказываются от повиновения, расправляются с помещиками и заводчиками. Возникают многочисленные местные отряды. В этих местах появлялись пугачевские посланцы и отряды, и это еще более стимулировало борьбу.

На местах возникает своя народная власть. Все вопросы решают на общих сходках, выбирают атаманов. Распоряжения местных властей, помещиков и заводчиков не признаются.

В Нижегородской губернии зимой 1773–1774 г. восставшие крестьяне разорили около 60 помещичьих имений. Здесь и по всему Поволжью, по его правобережью распространялись слухи о «Петре III», его намерениях.

Правящие верхи, понимая, что разгорающееся пламя Крестьянской войны угрожает самому существованию господствующего класса, мобилизуют большие силы. Уже к началу января 1774 г. в распоряжение главнокомандующего А.И. Бибикова выделяется до 16000 солдат с 40 орудиями. Но он считает, что этого мало, так как народное восстание приняло очень обширные размеры. «Не неприятель опасен, — пишет он графу Чернышеву — какое бы множество его ни было, но народное колебание, дух бунта и смятение».

Правительственные силы уже в конце декабря, в январе — феврале 1774 г. переходят в наступление к востоку, югу и юго-востоку от Казани. Отряды повстанцев, плохо организованные и вооруженные, быстро терпят поражения.

Генеральное сражение состоялось в Татищевой крепости, расположенной в 54 верстах к западу от Оренбурга. Сюда Пугачев

привел из-под Оренбурга 5-тысячное войско. Всего в крепости было до 9000 повстанцев с 36 орудиями. Пугачев сам расставил пушки, наметил места, наиболее подходящие для обстрела противника. Перед крепостью устроили ледяные горы из снега, политого водой. 22 марта к крепости подошло войско Голицына (от 5 до 8 тыс. чел.). Несколько часов длился бой. Повстанцы потерпели поражение, около 1200 из них пало на поле боя, более 4000 были ранены или попали в плен. Пугачев ускакал в Берду. Оставшиеся силы — 5000 повстанцев, 10 пушек — он вывел из-под Оренбурга. Но неподалеку от него, у Сакмарского городка, он терпит новое тяжелое поражение от того же Голицына (400 убитых, более 2800 пленных). Во время этих двух поражений главная армия Пугачева по существу перестала существовать, погибли или попали в плен многие пугачевские атаманы, сподвижники, предводители Крестьянской войны. После жестоких поражений у Пугачева оставалось не более 400 чел.

Пугачев знал о действиях повстанцев в Башкирии, недаром он направился именно в эти места, которые стали центром Крестьянской войны на втором ее этапе. Известия о походе Пугачева, его указы и манифесты поднимают на борьбу новые массы людей — башкир и русских, крестьян и работных людей, казаков и калмыков. К нему и Салавату Юлаеву присоединяются многие мелкие отряды. Силы Пугачева выросли в мае до нескольких тыс. чел. 6 мая он штурмует Магнитную крепость и овладевает ею, захватывает в ней орудия. В конце мая состоялось сражение пугачевцев с отрядом Михельсона. Этот опытный военачальник удивился, увидев стройный отряд повстанцев: «Я, имев известие, что Пугачев разбит, никак себе не мог представить, чтоб сия толпа была Пугачева, а более думал, что идет корпус генерал-поручика де-Колонга». В ходе сражения повстанцы сначала разгромили левый фланг Михельсона, солдаты которого обратились в бегство. Но пугачевцы, прекратив борьбу, стали захватывать обоз, и этим воспользовался Михельсон — собрав свои расстроенные части, он бросил их в атаку, и восставшие отступили.

Пугачев с войском продолжил движение на запад. Его целью была Казань — крупный административный и хозяйственный центр на пути к Москве. При подходе к городу повстанцы разбили небольшой отряд полковника Толстого из 200 солдат,

18. Крестьянская война под предводительством Пугачева

многие из них перешли на сторону Пугачева. 11 июля он приблизился к Казани, располагая более чем 20-тысячной армией. Ему противостоял гарнизон из 1500 солдат, вооруженное казанское дворянство и до 6000 вооруженных горожан-богатеев. Перед штурмом Пугачев собрал военный совет. На нем наметили, что после взятия Казани восставшие пойдут на Москву, чтоб «Петру III» «...тамо воцариться и овладеть всем Российским государством». К середине дня 12 июля город был взят. К вечеру Пугачев получил известие о приближении войска Михельсона. Он поставил свою армию в семи верстах от города. Начался кровопролитный бой, продолжавшийся пять часов. Обе стороны понесли тяжелые потери. У Пугачева было 800 убитых, более 730 пленных. 15 июля он снова штурмует Казань. И опять Михельсон удивляется воинской стойкости своих врагов: «Злодеи на меня наступали с такою пушечною и ружейною стрельбою и с таким отчаянием, коего только в лутших войсках найти надеялся». Однако Михельсон выиграл это ожесточенное сражение. Армия Пугачева снова перестала существовать — он потерял до 2000 убитыми, 10000 пленными, пушки и знамена. Тысяч с шесть разошлось по домам.

Пугачев с остатками своей разбитой армии (от 1 до 2 тыс. чел.) в ночь на 17 июля переправился на правый берег Волги у Кокшайска, затем повернул на юг с целью выхода к Дону, жителей которого он надеялся поднять на борьбу.

Особенностью третьего этапа Крестьянской войны, начавшегося после взятия Казани, было усиление стихийности и локальности движения. Большое число местных повстанческих отрядов, которое возникло в это время, действовало, как правило, в пределах своих селений и уездов. Освобождая свои родные места, они считали задачу выполненной.

Многие повстанцы Правобережья вливались в главное войско Пугачева, которое при подходе к Саратову увеличилось до 20000 чел. Но эта армия была уже не та, какой она являлась на первом и втором этапах Крестьянской войны. Отсутствовала большая часть яицких казаков, работные люди и башкиры-конники также остались по ту сторону Волги. Основная масса повстанцев была не обученной военному делу, плохо вооруженной. Оторванность от уральских заводов, снабжавших армию

Пугачева пушками и припасами, тоже сказывалась самым отрицательным образом.

А. Болотов, современник этих событий, живший в Москве, записал в своем дневнике: «Заговорили тогда вдруг и заговорили все и въяв о невероятных и великих успехах... Пугачева, а именно, что он... не только разбил все посланные для усмирения его военные отряды, но, собрав превеликую армию..., не только грабил и разорял все и повсюду вешал и... умерщвлял всех дворян и господ, но взял... самую Казань и оттуда прямо будто бы уже шел к Москве... Мы все удостоверены были, что вся... чернь, а особливо все холопство и наши слуги, когда и не въяв, так втайне, сердцами своими были злодею сему преданы, и в сердцах своих вообще все бунтовали и готовы были при малейшей возгоревшейся искре произвести огонь и пламя... Ожидали того ежеминутно мы, на верность и самих наших слуг никак полагаться, а паче всех их и не без основания почитали еще первыми и злейшими нашими врагами, а особливо слыша, как поступали они в низовых... местах со своими господами и как всех их либо сами душили, либо предавали в руки и на казнь... Пугачеву, то того и смотрели и ждали, что при самом отдаленнейшем еще приближении его к Москве вспыхнет в ней пламя бунта и народного мятежа».

Повстанческое войско, быстро разраставшееся, ускользало от карательных отрядов, опережало их. Уже 23 июля оно заняло Алатырь, еще через четыре дня — Саранск. В Саранске на суд к Пугачеву крепостные крестьяне в течение трех дней приводили своих помещиков — более трехсот дворян по его приговорам были повешены. То же происходило и в других местах.

1 августа Пугачев уже был в Пензе, 6 августа — в Саратове. Занимая по пути города, повстанцы освобождали из тюрем колодников, раздавали бедному населению казенные соль, муку и деньги, овладевали оружием и припасами. Повстанческие отряды, которые нередко насчитывали по несколько тысяч человек, оказывали помощь главному войску, захватывали города и селения, задерживали правительственные войска. Так, города Инсар и Троицк занял отряд крестьянина Евстафьева, который, между прочим, тоже называл себя Петром III. Повстанцы появляются в Воронежской и Московской губерниях. Власти объяв-

18. Крестьянская война под предводительством Пугачева

ляют на осадном положении Рязань и Тамбов. Дворяне в ужасе бегут в Москву, многие погибают от рук повстанцев или попадают к ним в плен.

Действовавшие разрозненно, самостоятельно, эти отряды быстро терпят поражение. Так, с 1 августа по 6 сентября каратели разбили несколько десятков отрядов, причем было убито до 10000 повстанцев, взято более 70 орудий, пленено 9000 чел., освобождено около 13000 дворян.

11 августа повстанческое войско заняло Камышин, а по выходе из него вступило в северо-восточные пределы Войска Донского. К нему присоединялись волжские казаки.

17 августа Пугачев вступил в Дубовку, где в его войско влилось еще 3000 калмыков. А еще через день он одержал победу на реке Мечетной, на полпути к Царицыну, над войском, посланным из этого города. В плен попал Кутейников, а его полк из донских казаков (1100 чел.) полностью встал в ряды восставших. Эти и другие донцы, присоединившиеся позднее, с одной стороны, усилили войско Пугачева, но, с другой — сильно повредили ему: они воспринимали его не как «Петра III», «царя-батюшку», а как своего брата-казака. И это очень повлияло на остальных повстанцев, у которых, по словам И. Творогова, «руки у всех опустились и не знали, за что приняться»; таково было обаяние и огромное значение в глазах повстанцев имени «добротного» царя, которое являлось знаменем восстания. К тому же они сомневались в своих силах и возможностях — со всех сторон против них спешили войска, Михельсон преследовал их по пятам.

Утром 21 августа армия Пугачева начала осаду Царицына. Но, получив известие о приближении корпуса Михельсона, предводитель отвел ее от города. Через четыре дня, 25 августа, повстанцы потерпели окончательное поражение у Сальникова завода к юго-востоку от Царицына. Их войско перестало существовать — 2000 было убито, 6000 попало в плен. Пугачев с небольшой группой переправился на левый берег Волги и направился в те места, где около года тому назад возглавил народную борьбу. Но несколько яицких казаков-изменников, составивших заговор против него, схватили Пугачева и выдали властям, спасая свою жизнь.

Допросы и пытки Пугачева и его сподвижников продолжались в течение двух месяцев — в ноябре и декабре. 10 января 1775 г.

в Москве казнили Е.И. Пугачева, А. Перфильева, М. Шигаева, Т. Подурова, В. Торнова. Под страхом жесточайших наказаний власти запретили упоминать даже имя Пугачева, чтобы вытравить из народного сознания память о нем и том деле, за которое он сложил свою голову. Река Яик была переименована в Урал, а Яицкое казачество стало именоваться уральским.

Граф Петр Панин в циркуляре от 25 августа 1774 года приказал в тех городах и селениях, жители которых принимали участие в крестьянской войне, всех поддавшихся «мятежу» и в первую очередь руководителей отрядов «казнить смертью отрублением сперва руки и ноги, а потом головы и тела класть на колеса и проезжих дорог...».

25 ноября 1774 года царским палачам удалось схватить героя башкирского народа Салавата Юлаева и его отца. Они были подвергнуты жесточайшему наказанию. Их возили по всем селам и городам, где они действовали, и били кнутом. Затем у обоих раскаленными клещами вырвали ноздри, поставили на лбу и щеках знаки «вор и убийца» и решили отправить их на вечные каторжные работы в балтийский порт Рогервик.

В октябре 1775 года, во время подготовки к отправке Салавата и Юлая в Рогервик, обнаружилось, «что у них ноздри... совсем уже заросли, а у Юлайки ставленные знаки почти не видны». Уфимские правители нашли, что в таком состоянии их в ссылку «отправить не можно», необходимо, чтобы знаки в случае «пачечаяния могущей быть утечки всякому были видны, а не так, как есть теперь». Поэтому было решено повторить наказание «и только потом в Рогервик отправление учинить».

Герой башкирского народа, верный помощник Емельяна Пугачева Салават Юлаев в течение более чем двадцати лет в тяжелых кандалах работал в Рогервике на строительстве мола, где и скончался 26 сентября 1800 года.

19. Крестьянское движение 1818–1820 годов на Дону

Крестьянское движение 1820-х годов на Дону стало первым после Отечественной войны 1812 года массовым народным выступлением. Не дожидаясь указа об освобождении, крестьяне отказались подчиняться помещикам и выполнять в их пользу повинности.

Источники:

rostov-region.ru/books/item/f00/s00/z0000024/st017.shtml

forum1.kazakia.info/viewtopic.php?p=2170#p2170

В 1818–1820 годах на Дону вспыхнуло мощное крестьянское движение. Это было самое крупное в России выступление крепостных крестьян со времени войны под предводительством Пугачева. Оно охватило 256 донских селений, в которых проживало свыше 40000 крестьян.

После указа 12 декабря 1796 года, закрепившего крестьян за донскими помещиками, на Дон, спасаясь от феодального гнета, продолжали переселяться крестьяне из разных районов страны. Они полагали, что указ 1796 года на них не распространяется, и, зачастую селясь на землях помещиков, считали себя свободными. Помещики же относились к ним, как к своим крепостным, и требовали безоговорочного выполнения господских повинностей. Это вызывало возмущение крестьян.

Когда весной 1818 года через Донскую область проезжал император Александр I, крестьяне нескольких слобод, расположенных на реке Сале, подали ему жалобы, в которых писали, что «чувствуют беспрестанные и несносные притеснения» от господ. В жалобах они объявляли свое закрепощение незаконным и просили царя покончить с несправедливостью и освободить крестьян.

Встревоженный положением на Дону, царь прислал войсковому атаману Денисову рескрипт о жалобах крестьян

на жестокое обращение с ними помещиков и выражал надежду, что атаман предпримет меры «для искоренения сего зла». Эти слова крестьяне поняли, как желание царя ликвидировать крепостное рабство на Дону. Стремление крестьян опереться в своей борьбе за свободу на подобные царские указы еще раз подчеркивает наивные царистские иллюзии, характерные для антифеодальных движений русского крестьянства.

Не дожидаясь заветного указа об освобождении, будучи уверенными, что он скоро появится, крестьяне сальских слобод отказывались подчиняться помещикам и выполнять в их пользу повинности. Волнение сальских крестьян было подавлено военной силой. Для подавления волнения был послан казачий полк с двумя орудиями под командованием генерал-майора Родионова. Около двухсот человек были преданы суду и жестоко наказаны плетью. Но усмирить крестьян удалось ненадолго.

В начале 1820 года снова вспыхнули волнения в сальских слободах Несмеяновке, Орловке, Городищенской. Вскоре волнения охватили села и слободы по реке Миусу: Мартыновку, Александрову, Матвеев Курган, Мокрый Еланчик и другие. Начались выступления крестьян и в Ростовском уезде. Здесь крестьяне также требовали освобождения их от крепостного рабства и отказывались работать на барщине. Центром движения стала большая слобода Мартыновка с населением более 1200 человек (ныне районный центр Куйбышево). К восставшей слободе присоединились соседние села, крестьяне которых объявили себя вольными и отказались повиноваться помещикам и местным властям. В Мартыновке восставшие создали свою власть — «завели себе порядок, избрали от себя голову, выборного, десятника и казначея».

Для усмирения восставших крестьян в Мартыновку атаманом Денисовым был послан лейб-гвардии Атаманский полк. Но восставшие отбросили его за Миус. Тогда правительство направило против повстанцев пять казачьих полков, Симбирский пехотный полк и два эскадрона того же лейб-гвардии Атаманского полка с шестью пушками. Пехота атаковала

19. Крестьянское движение 1818–1820 годов на Дону

восставших, но крестьяне смело вступили в бой. И лишь когда в ход была пущена артиллерия, стрелявшая картечью, сопротивление повстанцев было сломлено.

Обезоруженных крестьян вывели в поле, где от них потребовали смирения и покорности. Но из четырех тысяч арестованных лишь восемь человек просили прощения.

В июле 1820 года восстание на Дону было подавлено. 434 крестьянина предали суду временной комиссии под председательством А. Чернышева. Рядовых участников восстания подвергли наказанию плетью, а вожakov сослали в Сибирь на каторжные работы и поселение.

Из рапортов генерал-адъютанта А.И. Чернышева Александру I:

«...дух неповиновения помещикам и местной власти со стороны крестьян обнаружился в весьма сильной степени. К четырем слободам, по реке Салу расположенным, присоединилось еще 10 соседственных селений. Число душ в них вообще простиралось до 4000. В начальстве Миусском, без изъятия населенном помещичьими крестьянами и сопредельном с Екатеринославскою губерниею, отложилось 10 значительнейших слобод, в коих известно до 8000 душ. Те и другие, возмечтав быть вольными, не хотели внимать увещаниям присланных к ним чиновников, а некоторые из сальских дерзнули даже обезоружить и бить пришедшие к ним небольшие казачьи команды. Пример ненаказанности трех главных слобод: Орловки, Городищенекой и Несмеяновки, где крылся самый корень возмущения, возбуждал всех прочих. Недоверчивость к войсковому правительству сделалась для крестьян общею.

Закоснелое упорство и дерзость начинщиков возмущения, ожидавших прибытия моего равнодушно и готовившихся к сопротивлению, требовали с моей стороны весьма быстрого движения и осторожности. 21 мая занял я слободу Орловку и арестовал жителей, которые, несмотря на кроткие увещания и вразумления, в кругу и в церкви во весь тот день делаемые, остались преслушными. 22-го рано поутру то же произведено над слободой Городищенскою, 1 200 жителей в себе заключающею, куда взято было более 100 человек

орловских. Внезапное и удачно расположенное появление отряда устралоило безумцев сих и упредило всякое дурное последствие.

Целые 5 дней провел я с г-ном действительным статским советником Болгарским в одних снисходительных увещаниях и толковании законов крестьянам. Находившиеся при мне чиновники и священники также уговаривали их к покорству непрестанно. Но, к сожалению, мера кротости не имела над ними никакого действия. Правосудие представилось неизбежным. Главнейше вспомоществуемый г-ном Болгарским, я произвел следствие и открыл важнейших начинщиков. Комиссия, составленная под председательством моим из 5 членов, произнесла над ними приговор свой, основанный на точных доказательствах вины каждого, и на законах, определяющих меру наказания. По определениям сей комиссии сослано: в Нерчинск в работу из слободы Городищенской с наказанием кнутом 6, без наказания 3; Орловки с наказанием 3, без наказания 1; в Сибирь на поселение из Орловской и других слобод с наказанием плетью 8, без наказания 4; в воинскую службу в Сибирский корпус, а за негодностью-на поселение и в крепостную работу 2 да наказано плетью и розгами с оставлением в домах 33 человека...

Но между тем как занимался я усмирением жителей на реке Сале, ежедневно получая от войскового правительства известия, что неповиновение крестьян помещичьих в начальстве Миусском распространяется с невероятною скоростью и наконец обнаружилась почти во всех селениях, начальство то составляющих, в котором известно около 30000 душ, что главное и дерзновеннейшее скопище ослушников, мечтающих о вольности, находится в слободе Мартыновке, куда стекаются жители прочих слобод в большом числе, быв возбуждаемы к своевольству чрез разосланных от нее поверенных, и что убеждения местной власти не имеют возможности остановить действия зла сего, столь быстро там развивавшегося...

Полк же Атаманский, появившись пред Мартынювкою безвременно и один, только что возбудил дерзость собрав-

19. Крестьянское движение 1818–1820 годов на Дону

шихся в оную более 5000 человек крестьян и сделал отпадение их от послушания в целом начальстве общим, ибо крестьяне, вытеснив из слободы одну вошедшую туда сотню, не допустили прочие, стоявшие вне оной сотни, ни воспрепятствовать умножению вновь приходивших к ней возмутителей, ни ловить их, стреляя из ружей и грозя различными в руках их орудиями; командира же того полка Кирсанова, начинавшего увещевать их, выслали от себя с дерзостью. Равномерно обуявшие крестьяне не хотели жнимать и верить печатному воззванию моему...» (6 июня 1820 г.)

«...слобода Мартыновка, из 1300 душ состоящая, в единомышленном союзе буйного своевольства имеет не только соседственные с нею, но даже и отдаленные селения Миусского начальства и уезда Ростовского, из коих множество крестьян приходят в оную и остаются на случай общего сопротивления или возвращаются домой с наставлением никого не слушать; что в слободе сей стеклось до 5000 человек, вооруженных дубинами, цепями, заостренными кольями, косами и малою частью ружьями, кои, держа караул днем и ночью, делают вылазки против казачьих пикетов и останавливаемых сими последними приходящих из других селений отнимают силою, увозя с собою в слободу, причем были ранены 1 офицер и 2 казака; что подобное сему скопище возмутившихся крестьян находится в другой слободе Дмитриевке, столь же по населению своему значущей и такой же союз со многими другими слободами имеющей. Начинщики, управляющие обольщенными толпами крестьян, действовали на умы их с полною властью... Многие из донских помещиков, опасаясь следствий неистовства крестьян своих, прислали ко мне письменные просьбы об обеспечении жизни их с семействами посредством откомандирования к ним казачьих команд, в чем, однако же, всех их удовлетворить было невозможно без видимого ослабления отряда, и я советовал удалиться на время в ближайшие города.

В одно время с сими известиями получил я от ростовского исправника рапорт, что дух неповиновения и буйства весьма скоро разлился в помещичьих селениях, которые главным скопищем своим имеют села Ряженое, вооружа-

Гиль. Из истории низового сопротивления в России

ются подобно миуоским и презирают все увещания местной власти, разогнав команду внутренней стражи, посланную в село Лакедемонское с одним чиновником в числе 100 человек...» (15 июня 1820 г.)

**20. Крестьянские волнения
в 1826 году
на примере
Псковской губернии**

Широкое распространение крестьянских волнений в 1826 году принято связывать с двумя основными причинами. Во-первых, повлияло случившееся накануне восстание декабристов, всколыхнувшее все слои российского общества. Вторая причина — слухи о грядущем освобождении крестьян. В итоге случаи массового отказа от исполнения повинностей и сопротивление карательным военным отрядам распространились по всей центральной части России.

Источник: feb-web.ru/feb/litnas/texts/158/158-195-.htm

В 1826 г. по всей России прокатилась широкая волна крестьянских восстаний. В существующих исследованиях по истории крестьянского движения приводятся данные о 48 волнениях 1826 г. На деле же крестьянских волнений в 1826 г. было, несомненно, больше. Из материалов, хранящихся в Государственном архиве Псковской области и в Центральном государственном историческом архиве в Ленинграде, видно, что в одной только Псковской губернии в 1826 г. насчитывалось 20 волнений крепостных крестьян и очень значительные волнения государственных крестьян. Фактически их было, вероятно, больше, но о некоторых из них, в связи с утратой архивных дел, имеются лишь косвенные сведения. Крестьянские восстания происходили в 1826 г. почти во всей Европейской России, но особенно много их было в северных губерниях (Псковской, Новгородской, Ярославской) и на Украине.

Рост числа крестьянских выступлений в 1826 г. был связан с усилением среди крестьян слухов о близком освобождении. Эти слухи о предстоящем уничтожении крепостного права порой отражали наивные надежды, вызванные смертью Александра I и восшествием на престол нового царя. Известное влияние на развитие крестьянского движения в 1826 г. могло оказать и восстание декабристов. Значительнее это влияние было на Украине, где восстание Черниговского полка встретило, как известно, отклик в среде крепостного крестьянства. Восстание 14 декабря в столице оказало также воздействие на крестьян близко расположенных к Петербургу губерний.

5 мая 1826 г. ярославский губернатор Безобразов писал в Петербург гр. Строганову (в связи с восстанием крестьян ярославской фабрики кн. Гагарина): «Со времени бывших происшествий в С.-Петербурге в декабре месяце, различные нелепые слухи в народе непрерывно распространялись и доселе распространяются. Слухи эти в Ярославской губернии более, нежели в другой, имеют возможность доходить и сосредоточиваться во мнении народа, ибо треть жителей губернии, находясь беспрестанно в отлучке по торговле и промыслам, большую часть проживает в С.-Петербурге и Москве; из сих мест, возвращаясь в дома свои, приносят вести, часто самые нелепые, среди собратий своих доверие заслуживающие. Сии-то люди, приходящие из столиц, распространили слухи между помещичьими крестьянами о мнимо ожидаемой к весне вольности, а между казенными крестьянами и прочими состояниями, что все недоимки прощены будут».

В Государственном архиве Псковской области сохранился другой интересный документ, свидетельствующий о влиянии, которое имели на крестьян ближайших к Петербургу губерний вести о восстании 14 декабря. Это — всеподданнейшая просьба псковского помещика А.И. Ноинского, представленная 9 марта 1826 г. на имя Николая I. Ноинский объясняет в ней причины недовольства своих крестьян, подавших на него жалобу царю, и просит принять решительные военно-полицейские меры.

«Осмеливаюсь представить истинную причину оной <жалобы> и последствия сего их <крестьян> поступка, — пишет он. — После происшествия, случившегося в половине декабря прошедшего года в здешней столице, неблагонамеренные распустили и между крестьянами разные ложные слухи, которые достигли и моего имения. Несколько крестьян буйного нрава и приобвыкшие к своевольству, злобствуя на вотчинное управление, коего надзором они тяготятся, распустили по вотчине разные нелепые и возмутительные толки, а между прочим и то, что стоит только подать вашему величеству жалобу на помещика и они будут вольными...». «В результате, — продолжает Ноинский, — уже не только никто почти не повинуется приказаниям конторы, не вносят ни оброка, ни барщины,

ни казенные подати, но многие угрожают ужасным буйством, которое, конечно, последует, если не приняты будут скорые и решительные со стороны правительства меры».

Мы знаем, что вести о восстании 14 декабря достигли Тригорского уже через три дня. Близость Псковской губ. к столице и постоянные сношения псковских крестьян с Петербургом способствовали тому, что крестьянское движение приобрело здесь в 1826 г. особенно широкий размах.

Волнения крепостных крестьян происходили в 1826 г. в семи уездах Псковской губ. из восьми. Наибольшее число волнений было в Порховском уезде (тринадцать), три волнения — в Новоржевском уезде, по одному — в Псковском, Островском, Опочечком и Великолуцком уездах, кроме того, в Холмском уезде были крупные волнения государственных крестьян. Серьезные крестьянские волнения одновременно происходили в соседних с Псковской губ. уездах Новгородской и Петербургской губ., что не могло не оказать влияния и на политическую обстановку в Псковской губ.

Волнения крестьян начались в Псковской губ. в начале марта 1826 г. и продолжались в течение всего года. В некоторых местах подавление «непокорных» крестьян и расправа над ними затянулись до 1827 г.

Большое число крестьянских волнений и затяжной характер многих из них объяснялись тяжелой эксплуатацией крепостных. Архивные материалы об этих событиях содержат множество данных, указывающих на невыносимое положение псковского крестьянства.

Так, из жалобы крестьян помещика Сергиевского (Порховского у.) видно, что в его имении крестьяне платили по 100 руб. оброка с «души» или работали до 5 дней на барщине. Кроме уплаты денежного и натурального оброка или регулярной работы на барщине, крестьяне должны были выполнять еще особые, сезонные работы в пользу помещика (вывозка дров, строительные работы и т.д.). Особое возмущение крестьян вызывала система штрафов и жестоких истязаний. В крестьянских жалобах говорится о присвоении помещиками собранных с них податей, о полном разорении многих семей и участвовавших побегах.

О нищете и разорении псковских крестьян свидетельствуют данные о числившихся за ними недоимках по уплате государственных податей и земских сборов. Еще более красноречиво говорят об этом сведения о рождаемости и смертности. По официальным данным (которые сохранились только за тридцатые годы), смертность населения в Псковской губ. в некоторые годы превышала рождаемость.

Первыми по времени возникновения (и едва ли не крупнейшими по своему масштабу) были волнения в имениях помещиков Порховского у. А.И. Ноинского и А.Б. Цеэ.

Толчком для начала волнений здесь, как и во многих других местах, послужили слухи об ожидаемой вольности, принесенные возвратившимися из Петербурга крестьянами. Под влиянием этих слухов в имениях Ноинского и его соседа Цеэ на состоявшихся сходках крестьянами были приняты решения написать жалобы на помещиков Николаю I. В феврале 1826 г. в столицу были посланы с жалобами ходоки. Как и следовало ожидать, к царю их не допустили и отправили под стражей обратно на родину; жалобы же крестьян переслали на расследование псковскому губернатору.

Возвратившиеся домой ходоки распространяли среди односельчан слух, будто бы «всех тех крестьян, кои объявят неудовольствие на своих помещиков, государь император отпустит на волю». Рассказы ходоков послужили толчком к открытому выступлению. Волнение охватило множество деревень. Восставшие двумя отрядами двинулись к конторе помещика, намереваясь разбить ее и выгнать управляющего. Вскоре в район восстания прибыл для расправы заседатель земского суда Култашев с командой солдат. Войдя в деревню Малышево, Култашев потребовал выдачи зачинщика Кирсана Алексева. Но в ответ, как доносил Култашев, «вся шайка воскликнула: „берите нас всех, а одного мы не дадим!“». Култашев был вынужден отступить.

Восставшие собрались в деревне Дудино, вызвали туда Култашева и потребовали (как пишет он в своем донесении) объяснения: «зачем де я приехал и имею ли бумагу от самого государя, в противном случае, ежели тебе приказал помещик, не имеющий над нами никакой власти, то мы тебя кольями

проводим». При этом они угрожали кольями и дубинами. Култашев, изрядно струсив, сделал попытку «ласковым образом вразумить им заблуждение их и худые оногo последствия, но ничто не помогло: они оставались твердыми в убеждении, что им дарована будет свобода». «Видя всех <крестьян> напитанных духом вольности» и готовых «в случае какого-либо» «употребления силы <дать> жесточайший отпор», — Култашев решил отступить. В своем донесении он просил прислать в имение Ноинского два батальона войск для подавления восстания, так как в имении было более 3000 крепостных.

Псковский губернатор Б.А. фон-Адеркас, получив сообщение о волнениях в имении Ноинского, распорядился, чтобы к месту восстания немедленно выехал весь состав Порховского земского суда. Одновременно он просил командира военного поселения, квартировавшего в Порхове, послать в имение Ноинского два батальона войск.

Восстание тем временем принимало все более грозный характер. Из имения Ноинского движение перекинулось в имение Цеэ. Култашев бросился туда, но отряд крестьян в 40 человек, вооруженных вилами, кольями и огнестрельным оружием, собрался в деревне Липовцы и оказал ему вооруженный отпор. 10 марта Култашев с батальоном солдат двинулся на приступ дома, где засели крестьяне. Однако овладеть домом не удалось, и Култашев решил взять засевших измором. Окружив со всех сторон дом, он распорядился не пропускать туда ни одного человека, надеясь голодом вынудить осажденных сдаться. 13 марта большая группа крестьян (в том числе и женщины) предприняла попытку выручить осажденных товарищей.

Воспользовавшись тем, что возле осажденного дома находился сарай с сеном, они подожгли этот сарай в надежде, что военная команда бросится тушить пожар, и это даст возможность осажденным бежать. Однако Култашев распорядился не снимать осады дома. Тогда осажденные, выломав ворота, вступили в бой с солдатами, открывшими по ним стрельбу. В ходе столкновения несколько крестьян было тяжело ранено, три или четыре человека сгорели в осажденном доме, остальные были схвачены.

О событиях в Порховском у., где к движению примкнули крестьяне соседних имений (гр. Завадовской и Вильбоа), стало известно не только губернатору фон-Адеркасу, но и самому царю. 18 марта фон-Адеркас лично отправился к месту восстания. Одновременно Николай I отправил туда же в качестве уполномоченного полковника Германа. Из доклада губернатора министру внутренних дел мы узнаем, что 20 марта он прибыл в одну из деревень помещика Ноинского, Крутец, уже успев по дороге «внушить повиновение» в двенадцати деревнях. Почти одновременно с Адеркасом к месту восстания прибыл полковник Герман, а еще до их прибытия в Крутец подошли спешно затребованные войска.

21 марта крепостным Ноинского был отдан приказ собраться на следующий день в селе Крутец. Однако крестьяне не подчинились приказу и вместо этого начали собираться большими группами в соседних деревнях. Как указано в донесении губернатора, около 60 крестьян были вооружены ружьями и пиками. Увидев, что им не удастся справиться с войсками, восставшие отступили, но отказались выполнить требование Адеркаса. 23 марта силою оружия значительная часть «непокорных» была все же доставлена в Крутец. Однако наиболее стойкие скрылись, захватив с собою оружие. Когда участников движения удалось собрать, полковник Герман велел солдатам окружить их и потребовал, чтобы крестьяне «покаялись и изъявили покорность». Тут же был отдан приказ арестовать наиболее деятельных участников восстания. Крестьяне попытались заступиться за своих товарищей, но, по распоряжению Германа и губернатора, некоторые из них были наказаны розгами.

Арестовав часть крестьян и оставив солдат для окончательного усмирения восставших, каратели двинулись в имение Цеэ. После снятия допроса с раненых, они собрали 25 марта всех крепостных Цеэ. Крестьяне были наказаны розгами, после чего еще двое участников волнения были арестованы и вместе с ранеными отправлены в Порховскую тюрьму. Часть войска и здесь была оставлена для полного подавления «беспорядков». Войска были отозваны только 14 мая 1826 г., спустя два месяца, по просьбе самих помещиков.

Волнения в имениях Ноинского и Цеэ оказали непосредственное влияние на крестьян соседних имений — помещиков Вильбоа, гр. Завадовской и Корсакова. Здесь также происходили выступления крестьян, для подавления которых местным властям пришлось прибегнуть к помощи солдат.

Весной 1826 г. вспыхнуло волнение в имении порховского помещика гр. Н.А. Апраксина, доведшего своих крестьян до полной нищеты.

Крестьяне написали на Апраксина жалобу и послали в Петербург ходяков — Степанова и Филатова. Из Петербурга жалобу крестьян переслали для «расследования» приятелю Апраксина — порховскому предводителю дворянства кн. Васильчикову, который поспешил написать, что она не соответствует действительности.

В результате, по приказанию генерал-губернатора Пауллучи, несколько крестьян Апраксина были преданы суду за якобы ложную жалобу на помещика. Однако суд, стремясь в интересах Апраксина, боявшегося более глубокого расследования, замять дело, постановил «простить» крестьян, сделав им при этом строгое предупреждение о тяжком наказании в случае нового неповиновения.

Выпущенные из тюрьмы ходяки явились в деревню и принялись убеждать крестьян не подчиняться помещику. Порховскому земскому исправнику и судье, прибывшим для усмирения восставших, крестьяне заявили, что казенные налоги они платить согласны, но платить оброк помещику не будут, пока не получат из Петербурга ответа на свою жалобу. Исправник и судья угрожали крестьянам военным судом, но большинство крестьян остались твердыми в своем решении.

После того, как войскам удалось подавить восстание, в конце января 1827 г. по этому делу была создана комиссия военного суда. 7 февраля комиссия присудила Изота Михайлова — к смертной казни, Ефима Ларионова — к наказанию шпицрутенами, остальных крестьян — к наказанию палками. Два главных руководителя движения — Федор Григорьев и Иван Степанов — бежали, и их должны были предать суду после поимки.

Жестокая расправа с крестьянами Апраксина вызвала протест неизвестного нам современника. В апреле 1827 г. началь-

нику III Отделения Бенкендорфу была послана анонимная «Записка о бунте, последовавшем в имении графа Николая Александровича Апраксина в Псковской губернии».

Записка представляет большой интерес, и мы приводим ее целиком: «Сие имение, состоящее из 300 душ, с давнего времени находится в самом бедственном положении. Граф Апраксин, проматывая в С. Петербурге втрое противу суммы, вносимой оброчными его крестьянами, велел своему управляющему заставлять их, сверх платимого ими оброка, работать барщину и разорил их до того, что они все приведены были в нищету. Это его не остановило: он приказал управителю наказывать их за неуплату повинностей, но тщетно, ибо они лишены были, отнюдь, всех средств к заработку. Месяца за три пред сим граф Апраксин приезжал в свое имение; несчастные крестьяне, приписывая вину своих бедствий управителю, обрадовались в надежде на исправление их участи, но ошиблись: Апраксин вынудил у них 10000 рублей бесчеловечным с ними обращением, вывел их вовсе из терпения, и они взбунтовались. Он приехал в Псков, и тамошний суд усмирил <крестьян>. Многие приговорены к наказанию и один даже к виселице. Известно, что граф Апраксин истратил все имевшиеся у него наличные деньги на производство сего дела в псковских правительственных местах. Утверждают, что следствие по оному сделано несправедливое, что сего поступка доведенных до крайности крестьян невозможно назвать бунтом и проч.»

В апреле 1826 г. возникло движение крестьян в имении новоржевских помещиков Конюшевских (деревня Боскина-Грива). Здесь также началось с того, что крестьяне подали жалобу, в которой писали, что помещик их совершенно разорил тяжелыми платежами и даже забрал у них скот, земли и постройки. Как и следовало ожидать, псковские власти ответили, что жалоба не соответствует действительности. Это вызвало среди крестьян сильное волнение. По донесению новоржевского земского исправника, они «совершенно вышли из повиновения законной власти помещика своего». Только в мае 1827 г. движение было подавлено. Руководитель движения, Никита Федоров, был сослан в Сибирь, а остальные участники наказаны плетью.

В июле 1826 г. в том же Порховском у. вспыхнуло волнение в имении полковника Ю.В. Татищева — Батаногово, где крестьяне отказались отбывать трехдневную барщину, установленную помещиком. В имение немедленно был послан исправник Мягков и несколько полицейских. Исправник сделал попытку захватить одного из активных участников и руководителей движения, Матвея Исаева, но крестьяне заявили, что Исаева они не выдадут. Когда же исправник сделал попытку взять его силой, крестьяне вооружились кольями. Увидев, что с наличными силами ему не справиться, исправник затребовал воинскую команду, подчеркивая в своем донесении, что «кроткие убеждения и меры от меня зависящие не токмо, что не укрощают возмущения, но паче утверждают их в буйстве».

В августе в имение Татищева для усмирения волнений была послана рота солдат. Одновременно было отдано распоряжение о предании участников движения военному суду. В деле сохранились не все материалы следствия и суда. Но о решении суда мы узнаем из Особого журнала Комитета министров от 6 ноября 1826 г., посвященного волнению крестьян Татищева.

Из сохранившихся документов видно, что к суду был привлечен 61 человек. Несмотря на то, что суд признал причиной волнений чудовищную эксплуатацию крестьян помещиком, комиссия военного суда постановила: «Тридцати четырем человекам крестьян за неповиновение и произведенный бунт отсечь головы; семь человек, как главных рассевателей ложного слуха и нарушителей общего спокойствия, повесить; десятирех, бывших в бунте без кольев, прогнать шпицрутенюм через 1000 человек каждого по три раза, а десятирех, не участвовавших в бунте, от наказания освободить».

Приговор, требовавший такой суровой расправы над крестьянами, вызвал смущение самих помещиков и представителей местной власти, опасавшихся, что следствием его явятся новые волнения. Поэтому генерал-губернатор Паулуччи обратился в Министерство внутренних дел с ходатайством о пересмотре решения военного суда. Ходатайство было удовлетворено. Несколько вожаков восстания было отдано в солдаты, остальные сосланы в Сибирь.

Под влиянием волнений крестьян Татищева в июле 1826 г. вспыхнуло волнение в расположенном поблизости имении помещицы Порховского у. Лихачевой (деревня Захонье).

Как видно из следственных материалов, в некоторых местах восставшие крестьяне не ограничивались отказом от барщины и уплаты оброка, но стремились к расправе с помещиками или их управляющими. Так, 4 августа 1826 г. крепостные крестьяне помещицы Великолуцкого у. Ланской напали на управляющего имением и избили его до смерти. Хотя псковский губернатор фон-Адеркас направил в имение Ланской не только полицейские части, но и солдат, движение крестьян было подавлено лишь в сентябре 1826 г. По приказанию губернатора, 12 наиболее активных участников были преданы военному суду.

В июне 1826 г. вспыхнуло волнение среди крестьян деревни Шилово, принадлежавшей порховскому помещику генерал-майору Баранову. Докладывая об этом волнении губернатору, порховский земский исправник Мягков сообщал, что крестьяне Баранова намеревались убить своего помещика. Из другого донесения о волнениях крестьян деревни Павлово, принадлежавшей новоржевскому помещику Нагорному, видно, что крестьяне Нагорного собирались сжечь его поместье, а его самого убить, но помещик, узнав об этом, донес властям, и волнение было подавлено.

В Опочецком уезде Псковской губ., в непосредственной близости от Михайловского, произошло нападение крестьян на управляющего. Здесь в мае 1826 г. вспыхнуло волнение в деревне Поляна, принадлежавшей гр. Коновницыной. Сама помещица в письме губернатору следующим образом описывала события: «Крестьяне мои вышли из послушания, предвещая себе какую-то вольность, не повинуются и не исполняют обязанностей своих, а 5-го числа сего <мая>, когда управитель приказал всей вотчине вывести на работу по две лошади с тягла для вспахивания земли, то некоторые не исполнили сего, при взыскании же с них за свое непослушание, воспользуясь сим случаем, бросились на него крича: убьем и в реку бросим, а также выборного и писаря при вотчине, имея у себя в руках топоры, а некоторые с дубьем; однако

они успели уйти от них, хотя и гнались за ними с ругательствами и грозили их убить». По приказанию губернатора крестьяне Коновницыной были преданы суду.

Крестьянское движение 1826 г. вызвало сильное беспокойство правительства, поспешившего принять ряд чрезвычайных мер для подавления восстаний.

Уже в апреле 1826 г. министр внутренних дел разослал губернаторам циркуляр, в котором указывалось, что местные власти не всегда вызывают достаточное количество войск для ликвидации «неповиновений», поэтому действия их не приводят к нужным результатам. Циркуляр разъяснял, что «в подобных случаях гораздо полезней требовать воинские команды в достаточном числе людей, дабы можно было действительно приступить к усмирению неповинующихся».

В то же время на рассмотрении Комитета министров находился проект закона, предлагавшего всем крепостным крестьянам принести присягу своим помещикам в том, что они не будут бунтовать.

Наконец, 12 мая 1826 г. Николай I издал манифест, в котором говорилось, что в России распространились слухи, будто бы правительство собирается дать помещичьим крестьянам вольность, а казенных крестьян освободить от платежей. Манифест разъяснял ложность этих слухов и требовал от крестьян, под страхом сурового наказания, полного повиновения. Кроме того, предлагалось предавать суду всех «распространителей и сочинителей» этих слухов.

Не прошло и трех месяцев со времени издания манифеста, как был издан суровый закон (9 августа 1826 г.), согласно которому все крестьяне, принимавшие участие в «неповиновении», должны были предаваться военному суду в случае, если для их подавления употреблялись военные силы.

Одновременно с мерами правительства, карательные меры принимали и местные власти. Так, псковский губернатор еще 11 мая (следовательно, до появления манифеста от 12 мая 1826 г.) разослал по уездам секретный циркуляр с указанием, что до него доходят сведения о распространении в губернии «неблагонамеренными и неблагомыслящи-

Г. Дейч, Г. Фридлендер

ми» людьми слухов о вольности крестьян, а также известия о неповиновении крепостных своим помещикам.

Губернатор предписывал полиции ловить «распространителей» слухов и подавлять малейшие признаки волнений. От самих помещиков губернатор требовал, чтобы они следили за всеми посторонними людьми, если таковые появятся у них в вотчине.

**21. Крестьянское движение
весной 1861 года.
Расстрел Кандиевского
и Бездненского восстаний**

Обнародование «Положения от 19 февраля», обманувшее мечтавших об освобождении крестьян, привело к масштабным волнениям. Фактически не было ни одной деревни, где бы ни взбунтовался народ. За первые пять месяцев 1861 г. произошло 1340 массовых крестьянских волнений, всего же за год — 1859 волнений, большинство из которых было подавлено военной силой.

Источник: П.А. Зайончковский «Отмена крепостного права в России».

Обнародование «Положений 19 февраля» производилось по всей России, как и было заранее намечено, в период великого поста с 7 марта (Владимир) по 2 апреля (Кишинев). Исключение представляют лишь Петербург и Москва, где это произошло в последний день масляной недели, в так называемое «прощеное воскресенье», 5 марта. Объявление населению о «дарованной крестьянам воле» производилось путем чтения манифеста, в котором излагалось основное содержание реформы.

Этот манифест, автором которого был известный крепостник московский митрополит Филарет Дроздов, ставил своей задачей разъяснить «справедливость» реформы, подчеркивая при этом, что дворянство пошло на «серьезные жертвы» во время «блага» крестьян. «...Крепостные люди, — говорилось в манифесте, — при открывающейся для новой будущности поймут и с благодарностью примут важное пожертвование, сделанное благородным дворянством для улучшения их быта».

Основная мысль, которая проводилась в манифесте, заключалась в стремлении доказать, что уплата крестьянами повинностей за пользование их собственной землей в пользу помещиков вполне справедлива. Для подтверждения этого аргумента Филарет счел необходимым сослаться на религию, в частности на авторитет апостола Павла. «Некоторые, — говорилось в манифесте, — думали о свободе и забывали об обязанностях. Но общий здравый смысл не поколебался в том убеждении, что и, по естественному рассуждению, свободно пользующийся благами общества взаимно должен служить благу общества исполнением некоторых обязанностей и по закону христианско-

му всякая душа должна повиноваться властям предержащим... воздавать всем должное и в особенности кому должно: урок, дань, страх, честь... что законно приобретенные помещиками права не могут быть взяты от них без приличного вознаграждения или добровольной уступки, что было бы противно всякой справедливости пользоваться от помещика землею и не нести за сие соответственной повинности».

Обнародование «Положений» сразу же вызвало мощный подъем крестьянского движения. Сохраняя наивную веру в царя, крестьяне отказывались верить в подлинность манифеста и «Положений», утверждая, что царь дал «настоящую волю», а дворянство и чиновники либо ее подменили, либо истолковывают в своих корыстных интересах. Среди крестьян появились люди, пытавшиеся толковать «Положения» с точки зрения крестьянских интересов.

Крестьянское движение на первых порах проявилось главным образом в отказе от выполнения барщины и уплаты оброка. Уже в марте, по далеко не полным данным Министерства внутренних дел, волнения крестьян происходили в 7 губерниях: Волынской, Черниговской, Могилевской, Гродненской, Витебской, Ковенской и Петербургской. В течение апреля, по этим же данным, «случаи неисполнения и сопротивления крестьян закону» имели место в 28 губерниях, в мае — в 32.

Наибольший размах весной 1861 г. крестьянское движение получило в Казанской, Пензенской, Тамбовской, Саратовской, Черниговской, Виленской, Ковенской и Смоленской губерниях.

В первой половине апреля крупное выступление крестьян произошло в селе Бездне Спасского уезда Казанской губернии. В этом выступлении чрезвычайно ярко обнаруживаются стремления и чаяния крестьянства — жажда подлинной воли, которая в их сознании неразрывно связывалась с правом на землю. В начале апреля в селе Бездна один из местных жителей, Антон Петров, начал толковать «Положения» в духе крестьянских чаяний. Как утверждал Петров, крестьяне согласно «Положениям» получали немедленно волю и не должны были выполнять по отношению к помещикам никаких повинностей. Почти вся помещичья земля должна также принадлежать кре-

стьянству, — «помещику земли — горы да доли, овраги да дороги и песок да камыш, лесу им ни прута. Переступит он шаг со своей земли — гони добрым словом, не послушался — секи ему голову, получишь от царя награду».

Агитация Антона Петрова имела огромный успех и получила широкое распространение. Крестьяне различных деревень стекались в Бездну, чтобы услышать о «настоящей воле». В бездненских волнениях принимали участие крестьяне 75 населенных пунктов Спасского уезда. Среди крестьян наблюдались массовые отказы от выполнения барщины, распространялись разговоры о необходимости расправиться с дворянами.

События в Бездне вызвали огромное беспокойство и растерянность местных властей.

В Бездну направился свитский генерал-майор граф Апраксин с войсками для подавления волнения.

Как сообщал казанский военный губернатор Козлянинов в своем донесении министру внутренних дел, по приказанию Апраксина к Бездне было двинуто 12 рот пехоты с двумя трехфунтовыми орудиями.

11 апреля граф Апраксин прибыл в Бездну и потребовал выдачи Антона Петрова. Однако и его увещевания не принесли никаких результатов. На другой день, 12 апреля, граф Апраксин снова вернулся в Бездну с двумя ротами резервного батальона Тарутинского пехотного полка и повторил свое требование. Как указывал Апраксин в своем рапорте царю, к этому времени в Бездне собралось около 4000 крестьян, среди которых были и приехавшие из Самарской и Симбирской губерний. Не достигнув своей цели, Апраксин отдал приказ о расстреле безоружной толпы. Крестьяне держались стойко, и только после нескольких залпов толпа дрогнула, а Антон Петров вышел к войску, неся на своей голове «Положения». По сообщению спасского исправника, общее количество убитых составляло 61 человек, умерших от ран — 41 и раненых — 71 человек.

Как рассказывает в своих воспоминаниях адъютант казанского военного губернатора поручик Половцов, «по счету доктора, приехавшего на другой день из Казани и лечившего пострадавших в течение с лишком двух месяцев, всех жертв было более 350 человек». Однако число жертв не могло быть

определено точно и лечащим врачом, так как, разойдясь по домам, далеко не все крестьяне обращались к врачебной помощи, боясь обвинения их в причастности к бездненским событиям.

По приговору военного суда Антон Петров был расстрелян, а большое количество крестьян было наказано розгами и сослано.

Казанское дворянство бурно выражало свой восторг действиями Апраксина, «мужественно» и «решительно» расправившегося с волновавшимися крестьянами. «...Радости их, — писал в письме адъютант казанского губернатора Половцов, — при получении известия о стрельбе не было конца, — те, которые поумнее, старались скрыть ее, а глупые и того не делали; многие публично пили шампанское и поздравляли друг друга с успехом; мало того, слабые женщины и те выказывали свою радость и жалели только о том, что убитых было слишком мало. Апраксина — дурака, человека без сердца, ни к чему не способного — провозглашают умирителем и спасителем края».

Наиболее крупным событием в крестьянском движении весны 1861 г. явилось выступление крестьян в Чембарском и Керенском уездах Пензенской губернии, распространившееся также и на соседние уезды Тамбовской губернии.

Одним из главных организаторов движения являлся крестьянин села Высокого Леонтий Васильевич Егорцев.

Наряду с Егорцевым играли активную роль временно и бессрочно отпускные солдаты Андрей Елизаров, Василий Горячев, Николай Шорин, Ферапонт Дмитриев, Василий Шебуняев, Алексей Мартышев.

Еще в марте, тотчас по объявлении манифеста, начались волнения среди крепостных крестьян. Положение крепостных в этой губернии было исключительно тяжелым. Даже свитский генерал-майор Дренякин, командированный царем в эту губернию, в своем рапорте указывал, что «Пензенская же губерния по многоземелью своему легкостью барщины и подводною повинностью в пользу помещика похвалиться не может».

Один из участников карательной экспедиции Дренякина, подпоручик Худеков, в своих воспоминаниях оценивая обстановку, сложившуюся в Пензенской губернии, писал: «Нужна была только одна искра; почва для пожара была уже давно готова».

И такой искрой явилось опубликование манифеста. Движение крестьян в Пензенской губернии отличалось как своей массовостью, так и активными формами борьбы. Крестьяне, как и в других губерниях, либо не хотели верить в подлинность манифеста и «Положений», либо пытались найти в них иное содержание, объявлявшее настоящую волю.

Волнения начались 1 апреля в селе Студенки Чембарского уезда, где демократически настроенный священник Федор Померанцев, толкуя «Положения», заявил крестьянам, что работать им на помещика не следует. Вполне естественно, что подобная интерпретация манифеста, отражавшая чаяния крестьян, получила сразу же широкую известность.

В соседнем селе Высоком 2 апреля состоялась большая сходка, на которой толкование манифеста не имело ничего общего с его подлинным содержанием.

5 апреля несколько сот крестьян собрались в селе Покровском и начали требовать у священника «воли», заявляя ему при этом: «...ни дня, ни минуты барину не будем работать, податей с нас царь не будет требовать 20 лет, земля вся нам, леса, луга, господские строения — все наше, а барину нет ничего, господ, попов бей, души». Как сообщал священник села Покровского, крестьяне тут же начали реализовать свою программу, разобрав с «господского двора» весь рогатый скот.

Несколько позднее, с 9 апреля, центром крестьянского движения становится село Черногай того же Чембарского уезда, в котором собрались крестьяне 26 деревень, общей численностью до 3000 человек. Крестьяне захватили чембарского исправника и управляющего имением графа Уварова, били их и, заковав в цепи, посадили под охрану своего караула. Вызванная в Черногай рота Тарутинского пехотного полка была атакована восставшими, вооруженными кольями и вилами, и принуждена была отступить. При этом один унтер-офицер и рядовой были взяты в плен.

Узнав, что в Черногай направлены две роты пехоты, восставшие переходят в село Кандеевку Керенского уезда, куда и переносится центр восстания. Восстание получает все большее и большее распространение. В Кандеевке собирается до 10000 крестьян из четырех соседних уездов Пензенской и Тамбовской губерний.

Имея в своем распоряжении девять рот пехоты, Дренякин, окружив Кандеевку, 18 апреля начал свою кровавую расправу. Все попытки Дренякина успокоить и уговорить при помощи угроз крестьян подчиниться помещичьей власти и отбывать барщину ни к чему не привели. После этого Дренякин отдал приказ о расстреле крестьян. «...Крестьяне безропотно умирали, не издавая ни одного вопля, — рассказывает подпоручик Худеков. — Раненые не стонали как бы сознавая, что они принимают мученический венец». После трехкратного залпа Дренякин предпринял внезапную атаку, в результате которой было захвачено 410 человек. После этого крестьяне отступили в деревню, часть же побежала в поле. Ночью значительная часть восстановших разошлась по своим селениям.

В результате было убито 8 крестьян, ранено 27, большинство которых вскоре умерло. Над захваченными крестьянами была учинена расправа. Согласно ведомости, составленной самим Дренякиным, наказанию подверглось 172 человека, из них 28 человек были наказаны шпицрутенами, прогнаны сквозь строй в 100 человек от 4 до 7 раз и затем сосланы на каторжные работы сроком от 4 до 15 лет; 80 человек прогнаны сквозь строй от 2 до 4 раз и сосланы на поселение в Сибирь, 3 человека наказаны шпицрутенами и направлены на службу в линейные батальоны, 3 человека заключены в тюрьму от 1 года до 2 лет, 58 человек наказаны розгами с последующим освобождением. Кроме того, к различным наказаниям также были приговорены 7 человек отставных и отпускных солдат, участвовавших в восстании, в числе которых 72-летний старик Елизаров был сослан в Сибирь. Наконец, жестоко наказан был и священник Федор Померанцев, заключенный пожизненно в Соловецкий монастырь. Помимо указанных лиц, по данным, приводимым Герценом в «Колоколе», 200 человек было подвергнуто наказанию шпицрутенами и 700 человек — розгами.

Кандеевское выступление было одним из самых ярких выражений борьбы крестьянства за землю и волю весной 1861 г. Однако надо вместе с тем подчеркнуть, что если со стороны крестьян были и убитые, и раненые, то с противоположной стороны не было ни одной жертвы.

Больших размеров достигло крестьянское движение в Виленской и Смоленской губерниях. В Виленской губернии крестьянское движение получило распространение особенно в трех уездах: Свенцяном, Ошмянском и Дисненском. В Дисненском уезде около 6000 крестьян отказалось от выполнения барщины. Волнения крестьян были ликвидированы в результате применения воинской силы — трех рот Муромского и двух рот Софийского пехотных полков. Как сообщал в рапорте царю флигель-адъютант граф Олсуфьев, 30 человек было арестовано и значительное число крестьян наказано розгами.

Крупные волнения крестьян произошли в конце марта — начале апреля в местечке Ивье Ошмянского уезда Виленской губернии. Крестьяне десяти имений Ошмянского уезда и одного Минской губернии, собравшись на базарной площади, избили палками представителей местной администрации. Вызванные властями войска в составе четырех рот пехоты окружили двухтысячную толпу крестьян, которые, невзирая на это, продолжали упорно отказываться подчиняться. Только в результате массовой порки местным властям удалось привести крестьян к повиновению.

В Ковенской губернии после обнародования «Положений 19 февраля» в 35 имениях крестьяне отказались от исполнения повинностей и были усмирены только посредством военной экзекуции.

В Смоленской губернии крестьянским движением были охвачены все уезды. Наиболее активный характер носили крестьянские выступления в селе Самуйлове, имении князя Голицына (Гжатский уезд).

Значительный размах получили крестьянские волнения и в Черниговской губернии. В Новгород-Северском уезде крестьяне слободы Каменской не только отказались выполнять барщину, но и препятствовали производить работу на помещичьих полях вольнонаемным рабочим. «Пример каменских крестьян, — указывалось в обзоре Министерства внутренних дел, — увлек к беспорядкам 25 селений с населением до 9000 душ».

В Нежинском уезде той же губернии, в селе Безугловке, крестьянские волнения приобрели такую силу, что для подавления их потребовалось три батальона пехоты.

Серьезные волнения происходили также в Пермской губернии среди крестьян и крепостных рабочих.

В апреле–июне, по данным Министерства внутренних дел, движение имело место в 42 губерниях из 43, на которые распространялись «Положения 19 февраля».

Как правило, движение подавлялось вооруженной силой. Значительная часть войск, как указывалось выше, находилась в непрерывном движении, переходя для экзекуции из одних населенных пунктов в другие. Определить количество деревень, в которых волнения были подавлены войсками, также не представляется возможным. Сплошь и рядом то или иное подразделение сажали на крестьянские подводы и направляли по уезду согласно маршруту, данному земским исправником.

Однако сами войска, посылавшиеся на подавление крестьянских волнений, вызывали большую тревогу правительственных кругов. «Появление воинских команд в деревнях, — писал шефу жандармов командир отдельного корпуса внутренней стражи генерал фон дер Лауниц, — сначала всегда производит более или менее сильное впечатление на обывателей, но впоследствии, при продолжительном пребывании одной и той же команды в деревне, крестьяне сближаются с нижними чинами, угощают их, приглашают к содействию при своих работах и приучаются видеть в них расположенных к ним друзей...». Лауниц рекомендовал не задерживать те или иные команды в одной деревне свыше 10 дней, а также размещать солдат изолированно от крестьян.

О ненадежности войск записывает в своем дневнике и Валуев. «Мы опираемся на войско, — отмечал он, — а войско уже рассуждает и находит, что на него опираться не следует».

**22. Борьба тюремной общины
и бунты старого острога.
XIX век**

Яркий рассказ Н. М. Ядринцева, теоретика сибирского областничества, о сопротивлении заключенных тюремной администрации. По обвинению в сепаратизме Ядринцев два года провел в Омском остроге, где собрал ценнейшую информацию о жизни тюремной общины XIX века.

Источник: Н.М. Ядринцев «Русская община в тюрьме и ссылке», 1872 г.

Раз возведя крепкое и замкнутое здание своей общины, со всеми ее учреждениями, арестантство, естественно, должно было оградить его от всяких внешних вторжений, от нарушений его порядков и установлений, как и от всякого постороннего вмешательства, чтобы сделать его наиболее прочным и продолжительным, а не временным и мимолетным. Не столько трудно было установить известный порядок, сколько удержать его и защитить от всяких невыгодных для арестантов изменений.

Для этого всякой осторожной общине приходилось стоять каждую минуту на страже, ревниво охраняя свои льготы впродолжение целых десятков лет, из поколения в поколение, и бороться против всевозможных покушений на целостность ее учреждений. Совершая это дело, острожная община выказала все свое коллективное могущество, весь свой ум, всю энергию и настойчивость. Менялась ее обстановка, изменялись десятки начальников, применялись самые суровые и разнообразные меры, но арестантство стояло крепко и сумело сохранить права своей общины и установить прочные и твердые отношения к тюремным формальностям и начальству. На эту борьбу общин мы и должны обратить теперь свое внимание.

В своей борьбе арестантство опиралось не столько на естественный инстинкт свободы, сколько на традицию ранее сложившегося порядка, так как у арестантства было уже давно санкционированное временем и обычаем право на жизнь своей общины. Раз допущенные начальством вольности острога арестантство стало считать своим законным правом, которым стало дорожить

и на отнятие которого смотрело, как на явную несправедливость. В убеждение арестантов вошло, что это должно быть так: иначе почему же все это допускалось прежде и почему вдруг стало непозволительным? Почему прежде можно было так жить, а теперь нельзя? Наконец арестант, руководясь обширными примерами, опытом и стариной, видели, что везде, по всем тюрьмам допускались эти вольности; почему же в его тюрьме должны быть исключения, почему он один должен подвергаться лишениям и строгостям? К таким вопросам обыкновенно приходило арестантство, когда новое тюремное начальство или строгий смотритель, вознегодовавший на распушенность, пробовали обуздать острог и поставить его в строгие рамки устава, предписанного сводом постановлений. Под влиянием таких соображений все запрещения в глазах арестантов считались несправедливостью, прихотью и вынуждением поборов. Если к этому присоединить неумелость, бестолковые меры, пущенные в ход против арестантства, то мы поймем ту вражду и то ожесточенное сопротивление, какими охвачивались арестанты против старых регламентаторов в деле тюремных порядков. Иногда самый маленький предлог, ничтожное ограничение, производили самые неожиданные и необъяснимые взрывы всего населения острога. Часто самые скромные и добрые, но приверженные к формализму, чиновники возбуждали больше ярости против себя, чем самые суровые, бессердечные смотрители, беспощадно тузившие арестантов, но позволявшие им известную свободу во внутренней жизни. Арестантство готово было перенести все, но не потерять своей арестантской свободы. Снося, с одной стороны, все несправедливости и лишения, арестанты мгновенно восставали против малейших ограничений прерогатив своей общины. В мелких уездных городах Сибири были остроги, где не давали арестантам ни одежды, ни пищи, где они ходили чуть не голые, нося скудное бродяжеское платье, где жили впроголодь, без свечей и без дров; но они и не думали протестовать и мирились со своим положением, лишь бы не стесняли их в свободе жизни, в прогулках, майданах, в игре, контрабанде, а главное в водке. Не то бывает, если, при всей честности и аккуратности педантов-смотрителей в деле управления, они вздумают вводить строгий устав: тогда немедленно следует протест, даже сопротивление всего острога.

22. Борьба тюремной общины и бунты старого острога. XIX век

При прежних порядках арестанты приучены были к тому, чтобы во всем и всегда видеть один произвол смотрителей; смотрители, для удобнейшего вымогательства взяток или из-за начальнического самолюбия, словом и делом старались поселить в арестантах убеждение, что они все могут сделать и изменить радикально все порядки тюрьмы; о правилах и законе арестант обыкновенно не слыхал; вследствие того и законные требования устава они начинали также считать за смотрительскую прихоть: считая свои требования законными, арестант обыкновенно протестовал и вызывал высшее начальство для жалобы, а когда ему говорили, что начальства не будет, он настойчиво требовал его. Явись начальство, укажи арестанту, чего закон от него требует, — и он бы охотно покорился; но у нас выходило наоборот: смотрители самые требования закона старались выдавать за свою личную власть, чтобы выказать свою силу. Вот разгадка тех протестов и бунтов, которые совершались в наших острогах по поводу самых законных поступков смотрителей. И в таких случаях арестанты действовали крепко и дружно, не выдавали никого, несмотря на самые суровые меры и страшные наказания. Прежде всего арестантство старалось сбить ненавистного смотрителя. Всякие, до того сохранившиеся, сделки с ним прерывались; все, что сохранилось в тайне, что терпеливо сносилось, выходило наружу; вся деятельность смотрителя подлежала строгой оценке и учету. Опытное арестанство знало до мелочной подробности, что отпускалось на острог, на что обязан был расходовать смотритель и что он удерживал в свои доходы, на чем экономил и где наживался; все это высчитывалось до последней копейки. А так как подобные грехи водились и за самыми строгими, распорядительными и исправными смотрителями старого острога, то арестанты всегда находили повод жаловаться. Острог мгновенно наполнялся кучей претензий по поводу дров, свечей, гнилой пищи, скверной муки, по поводу задержания платья, белья и т.п. То и дело арестанты подавали всевозможные жалобы стряпчим, прокурорам, директорам тюремного комитета и всяким властям, посещавшим острог. Вызывались для тайных аудиенций жандармские власти; самые ехидные прошения и доносы сыпались градом на голову смотрителя. В свою очередь, рассерженный смотритель еще настойчивее начинал искоренять малейшие нарушения правил:

отнимался табак; строго преследовалась картежная игра; замки навешивались на камеры; арестантам давали меньше прогулок или совсем не выпускали их; за все проступки употреблялись самые суровые наказания; доносчики тщательно разыскивались и пр. Часто смотрители доходили до неуместной придирчивости, до средств мести чисто противозаконных; так держали арестантов за замками целые дни, не выпускали их вовремя за нуждой, задерживали обед, пользовались пристрастно правом расправы за проступки и пр. Но как ни допекали арестантов, как ни допытывали их о зачинщиках и заговорщиках, — ничего не узнавали. Арестанты спокойно лежали под розгами и не говорили ни слова; они несли наказания, но продолжали жалобы, подвохи и делали все наперекор смотрителям. Розги обсекались об их тело; кандалы обнашивались; тайные карцеры обсиживались, а арестанты все стояли на своем. Но, вынося всевозможные наказания, арестанты не останавливались подводить мины под начальство. Если нельзя было допечь смотрителя претензиями, арестанты пускались на хитрости; они старались подвести смотрителя под дело, которое вызовет следствие над ним и подсудность. Если не находилось такого предлога под рукою, то надо было создать его, а изобретательность арестантства в этом случае была неисощима. Они обвиняли смотрителей преимущественно в участии в таких преступлениях, в которых играли роль сами арестанты; таким образом это дело было в руках обвинителей, например, обвиняли смотрителей и доносили, что они содействовали и поощряли в остроге производство фальшивых бумажек или способствовали скрытию краденых вещей.

Так как и такие вещи бывали в старых острогах, то следствию трудно было отличить клевету от правды. Дело обдeldывалось ловко: нарочно попадался в делании фальшивой монеты какой-нибудь арестант; сначала он долго запирался, наконец, под угрозами, которые с простыми людьми в былое время нередко у нас употреблялись, сознавался и открывал в остроге целую организацию монетчиков и воров, а вся эта организация искусными показаниями выводила на свет самого смотрителя, как руководителя всем этим делом. Для доказательства и для улик арестанты советовали сделать обыск в таких местах, как, например, цейхауз, ключи от которого в руках у смотрителя и куда арестанты не

проникали. Следователи производили обыск и находили здесь и фальшивые деньги, и краски, и краденые вещи. Как арестанты умудрялись просунуть их сюда, — это секрет их ловкости, но смотритель оказывался под судом. Но если ни жалобы, ни протесты, ни хитрости не помогали, то арестантство прибегало к самым решительным мерам: в смотрителя летел пущенный из-за угла кирпич или употреблялся в дело даже нож. Каторжные и осужденные без срока или на громадные сроки, которым уже хуже не могло быть, или люди, питающие личную ненависть к смотрителю, — такие явно выходили с ножом против смотрителей. Покушения на жизнь последних были нередки в старой истории острога, и не одна арестантская голова поплатилась за это жизнью. В самых крайних случаях прибегали даже к бунту целым острогом. Бунтов всего более боялись старые смотрители и тотчас же прибегали к посторонней помощи, иногда с намерением преувеличивая значение факта и представляя его желанием арестантов вырваться на волю, хотя сами хорошо знали, что весь этот бунт есть ничто иное, как только желание арестантов или принудить смотрителя к отмене разных мер, или средство вызвать высшее начальство для принесения жалобы. Из этого выходили иногда самые плачевные последствия. История прежнего острога представляет много бунтов, которые, начинаясь с мелочей, разыгрывались потом весьма серьезно.

Мы приведем один пример такого бунта, бывшего в одном из больших острогов наших северо-восточных губерний. Этот бунт произошел вследствие запиранья камер на замки. По взгляду начальства, протест против запиранья был не более как простой каприз испорченного и разнузданного арестантства, но арестанты на этот случай смотрели иначе. Нужно было принять во внимание ранее бывшие причины недовольства и убеждение арестантства, что такие меры произвольны, так как в большинстве острогов они жили без всяких замков, что в этом же самом остроге прежде никогда не было этого обыкновения, что наконец запор камер произошел в день первого дня пасхи, т.е. в такой день, когда в самых строгих острогах вошло в обыкновение на три дня торжественного праздника отворять камеры. Арестант ведь тоже желает иметь светлые дни в ряду черных дней его несчастья; он ждет этого светлого дня, ища в нем воспоминаний о потерянной

свободе, ищет в нем отдыха от тоски; его наполняет в это время всепримиряющее религиозное чувство, и в самих людях в этот день он привык встречать братское участие к своему несчастью. И вдруг этот день у него отняли. Горькое чувство закипает в груди арестанта, и глубокой обидой ему кажется подобное недоверие к нему; в таком поступке он видит оскорбление его человечности и горькое несправедливое гонение на него, беззащитного. Не мудрено, что должна была нахлынуть буря ненависти в этой давно терзаемой и давно озлобленной душе; трудно было не закипеть гневу. А проявление арестантского гнева бывает страшно и грандиозно. Когда загудят двери острогов, затрещат решетки, начнут рушиться нары и сотни яростных глоток потребуют зрителей, то это одно может испугать хоть кого. Обыкновенно запертые арестанты требуют зрителей для объяснений, но в это время они и имеют бестактность не показываться и прятаться: это ведет к дальнейшим недоразумениям. Арестантам угрожают, бранят их, но это еще больше разжигает страсти; арестанты в этих случаях начинают биться, как львы за своими решетками, народ приходит в ярость; рев и гром потрясает коридоры, и с железными болтами несокрушимые острожные двери вылетают как щепки. Наконец, на арестантский шум выдвигается караул наружу, призывается военная команда. Тогда наступает окончательный разрыв. Торжественная и страшная минута наступила для острога. Молчаливо и грозно проходят ряды солдат по коридорам; тяжелые поднятые приклады, энергическая команда начальников, — все указывает на безнадежность; на миг воцарилась тишина, какое-то тяжкое раздумье — и вдруг острог разразился криком: «Не выдавай, братцы!» «За нары!», и пошла потеха. Раздернуты крепкие нары; болты, бревна, плахи очутились в руках арестантов; воплем огласился острог и началась кровавая свалка... Арестант бьется на смерть: ему нечего ожидать от победы, нечего ждать пощады и неудачу; отважные падают трупам; побежденных ждут плети и каторга, вожakov — расстрелянье.

Таковыми-то безутешными, кровавыми сценами иногда потрясался старый острог.

23. Василий Чуркин — гуслицкий Робин Гуд

Василий Чуркин стал легендой в преступном мире. Его преступления стали достоянием устного творчества. Народный фольклор сохранил данные, что шайка разбойника орудовала на большой территории: от Москвы до Владимира, грабила богатых купцов и разворовывала фабрики. До сих пор в Гуслицах ходят легенды о кладах и тайниках, припрятанных Чуркиным и его командой.

Автор статьи: С.С. Михайлов

Источник: i-podmoskovie.ru/php/podmoskovnii-letopisets/articles/202-vasilij-churkin-guslitskij-robin-gud.html

В южной части современного Орехово-Зуевского района расположен уголок, который прежде был известен всей России под именем «Гуслицы». Здесь в прошлом бытовала самобытная старообрядческая культура, было развито хмелеводство. Уже во второй половине XIX столетия Гуслицы стали частью огромного текстильного края, который располагался на востоке нынешнего Подмосковья. Практически в каждом доме здесь стояли ткацкие станы, на которых крестьяне-гуслики выделывали на фабрикантов «нанку», «сарпинку» и некоторые другие виды тканей. В Гуслицком крае существовали и другие промыслы.

Однако Гуслицы стали известны и благодаря иной славе. Это был один из российских центров фальшивомонетчества: из гуслицких селений в Москву и соседние губернии регулярно уходили сборщики «на погорелое». У гусликов была репутация «людей без совести и чести». Ну, конечно же, Гуслицы, которые после административных реформ эпохи Екатерины II оказались в дальнем глухом юго-восточном углу Богородского уезда, рядом с такими же уголками Покровского уезда Владимирской и Егорьевского Рязанской губерний, не могли не стать краем разбойничьим. В 1867 г. чиновник по особым поручениям министра внутренних дел князь В.П. Мещерский писал о Гуслицах следующее: «...Нет уголка в России, где бы не знали, что такое Гуслицы и кто такой гуслик. Гуслицы — это царство, или, вернее, республика, куда до нынешнего года не смела заглянуть ни одна российская власть. Страх быть зарезанным и исчезнуть без следа искони веков воздерживал полицию от всякой попытки посмотреть на то, что делается в гуслицких

лесах и в гуслицких селениях»¹. Известный журналист Владимир Гиляровский добавляет нам следующие подробности о Гуслицах: «Они были расположены в смежных углах трех губерний: Московской, Владимирской и Рязанской. Здесь всегда было удобно скрываться беглым и разбойникам, шайки которых, если ловят в одной губернии, — перебивались рядом, в соседнюю, где полиция другой губернии не имела права ловить»². Вплоть до того времени, когда торгово-промышленные отношения изменили Гуслицы и соседние местности до неузнаваемости, разбой играл большую роль в жизни края, который не мог прокормиться скудными песчаными и заболоченными почвами. Последняя разбойничья шайка, которую возглавлял атаман Кабанов (Кабан), была ликвидирована милицией только в начале 1930-х годов.

На северо-востоке Гуслиц располагался весьма любопытный уголок, известный под названием «Заход» (в старину — «Заохот»). Он включал в себя всего шесть селений, но при этом еще в середине XIX в. считался «разбойничьей стороной»³. Именно в заходской деревне Барская родился самый известный гуслицкий разбойник, имя которого стало известным всей России — Василий Васильевич Чуркин. Точная дата его рождения, к сожалению, неизвестна. По вере он был старообрядцем и в церковные метрики при рождении и крещении внесен не был. В подворной переписи селений Запонорской волости Богородского уезда, куда входила и дер. Барская, за 1869–1871 гг., находим среди жителей этой деревни крестьянина Василия Васильева (родовой фамилии в документе нет), 25 лет отроду, а также его супругу Арину Ефимовну, 22-х лет, и двух дочерей, 4-х и 2-х лет. В примечаниях указано, что этот человек во время составления подворной переписи уже находился во Владимир-

¹ Черникова Н.В. «Наш век — век малодушия»: Религиозная жизнь Российской империи глазами чиновника министерства внутренних дел // Вестник церковной истории. М., 2006. № 2. С.50–51.

² Гиляровский В.А. Московский листок // Собрание сочинений в четырех томах. Т.3. М., 1999. С. 105.

³ Летопись происходящих в расколе событий // Братское слово. М., 1888. № 4. С. 287–288.

ском тюремном замке⁴. Точная дата составления этой описи также не указана, что предполагает нам считать, что Чуркин родился где-то в 1844–1846 гг.

Достоверные сведения о Чуркине сохранились только в упоминаниях в литературе и редких архивных документах. Куда больший пласт сохранил устный народный фольклор. Предания донесли до нас память о том, что шайка Чуркина в 1870-х гг. действовала на огромной территории от Москвы до Владимира. Особо любимыми были знаменитая Владимирская дорога и ее дублер — дорога «Носовиха». Здесь до сих пор могут показать леса и рощи, в которых были «лежбища» Чуркина или его засады. В этих местах вплоть до конца XX столетия сохранялись предания о нем и его подвигах.

Точное время начала разбойничьей деятельности этого атамана не известно. Но известно, что Чуркин начинал свою деятельность в шайке гуслицкого разбойника Егора Филатова и его дружка Фоки. В 1873 г., после того как Филатов серьезно заболел и его шайка распалась, Чуркин создал свою банду. Он грабил богатые амбары, вымогал дань у фабрикантов. Но гулять Чуркину пришлось недолго, и через несколько месяцев он был пойман возле станции «Фаустово», Рязанской железной дороги. Невзирая на вроде бы недолгую самостоятельную деятельность, Васька Чуркин успел навести ужас на обывателей, которые с большим облегчением приняли весть о его аресте⁵. Однако под стражей Чуркин был недолго и вскоре совершил побег, который в свое время был одной из легенд русского преступного мира.

В Центральном историческом архиве Москвы (ЦИАМ) сохранилось дело о побеге Чуркина и его безуспешных поисках. Когда Чуркин находился под т.н. «строгим надзором» в тюрьме уездного Богородска, там происходила смена власти, и занявший временно пост начальника обычный полицейский надзиратель не мог обеспечить должный порядок. Персонал принимал от родственников заключенных обильные алкогольные подношения и пребывал в состоянии подпития. В один из таких дней, а именно 9 декабря 1873 г., навестить разбойника пришла его

⁴ ЦИАМ. Ф. 184. Оп. 10. Д. 1720. Л. 130 об.

⁵ Из Гуслиц // Голос. СПб., 1873. № 353. 22 декабря.

супруга Арина Ефимовна вместе с приятельницей. Смотрители тюрьмы, благо женщины были далеко не первыми посетителями в этот день, уже еле-еле держались на ногах. Расхлябанность охраны и позволила разбойнику совершить побег. Согласно легенде, женщины принесли Чуркину комплект женской одежды, в которой он и сбежал. Как именно на самом деле известный разбойник покинул тюрьму, неизвестно. Версия же о побеге в дамском одеянии скорее всего является лишь одной из многочисленных легенд о Чуркине⁶.

Чуркин бежал в родные Гуслицы, где его до лета следующего года ловила полиция. Поскольку атамана покрывал практически весь край, ему удавалось легко уходить от преследования. В архивном деле подшиты рапорты полиции, из которых узнаем обстоятельства поисков. Во время пребывания в Гуслицах Василий Чуркин убил старосту заходской деревни Ляхово Петра Кирова. Этот человек как-то провинился перед Чуркиным еще до его ареста⁷. Согласно более поздним легендам, Киров был человеком не очень-то хорошим и отравлял жизнь и своей деревне, и всей округе.

В Гуслицах пребывание и подвиги Васьки Чуркина, помимо устной народной памяти, сохранялись и в топонимике. В лесу, рядом с деревней Цаплино, есть урочище «Чуркин колодец», обозначающее место исчезнувшего ныне лесного колодца, возле которого Чуркин собирался со своей шайкой. На реке Шувойке еще недавно показывали место, куда Чуркин выбросил выпотрошенный сейф, который был выкраден из фабричной конторы в Егорьевске. В 1930-х гг. мальчишки в окрестностях нынешнего города Куровское часто пытались в окрестных лесах найти «землянку Чуркина», в которой сокрыты несметные сокровища.

В 1880-х гг., уже после смерти Чуркина, главным редактором газеты «Московский листок» Н.И. Пастуховым был написан роман «Разбойник Чуркин». Вначале его главы печатались на страницах этой газеты, а затем, в 1883–1884 гг., вышли книгой в пяти томах⁸. При написании этого произведения Пастухов использо-

⁶ Похождения Васьки Чуркина // Разгадай. М., № 14. 31.03.2006.

⁷ ЦИАМ. Ф. 54. Оп. 13. Д. 790. Лл. 1—79.

⁸ Пастухов Н.И. Разбойник Чуркин. М., 1883. Ч.1–3; 1884. Ч.4–5.

вал полицейские отчеты времени побега и поисков разбойника 1873–1874 гг. Поэтому факты некоторых глав романа, вернее, его первого тома, и документы архивного дела совпадают. Единственное, Пастухов нарисовал образ Чуркина как некоего не-людя, который оставляет после себя горы трупов, но о том, что было на самом деле, рассказ чуть ниже.

В.А. Гиляровский, бывавший по делам редакции «Московского листка» в Гуслицах, довольно уничижительно писал о В. Чуркине, ссылаясь на рассказы собеседников-гуслияков: «Все сводилось к тому, что Васька Чуркин, бывший фабричный, пьяница, со своей шайкой грабил по дорогам и чужих и своих, обворовывал клетки да ходил по хозяевам-фабрикантам по нескольку раз в год. Он также сбрасывал на перегонах тюки с товаром с вагонов грузовых поездов на Рязанской железной дороге»⁹. Однако почему же тогда о Ваське Чуркине до сих пор можно услышать предания от старожилов Гуслиц и соседних уголков Подмоскovie? Также, почему имя Чуркина стало известным жителям других регионов России и о нем стали писать многочисленные лубочные повести и рассказы, которые пользовались большим успехом у читателей?

Когда я собирал устные предания у старожилов Гуслиц, то поразился, что и о Чуркине, и о других его «коллегах» можно услышать лишь сказания в духе благородного Робин Гуда. Мол, они совершенно не грабят бедных, местных богачей-фабрикантов только обкладывают данью. Ну, иногда, могут обидеть чужака на большой дороге. В остальном и Чуркин, и другие разбойники — люди наиположительнейшие, которые помогают малоимущим селянам. Одна из старожилок деревни Губино, Орехово-Зуевского района, 1914 года рождения, рассказала, что «Чуркин — никакой не разбойник, а партизан, который боролся с царским правительством». Но помогать деревенской бедноте было необходимо для создания надежного тыла, который бы прикрывал от полиции.

Вот типичное предание о Чуркине, которое было записано от гуслицких старожилов в начале 2000-х гг.:

«В одной деревне жила бедная старуха, у которой была только корова. Старуха одинокая, денег нет, сена для коровы накопить

⁹ Гиляровский В.А. Указ. соч. С. 105, 107.

сил уже тоже нет. Старуха решилась на последнее: продать корову. Пошла она на базар. Идет лесом, пугливо озирается. Знает, что в этих краях Чуркин с шайкой хулиганит. Навстречу ей попадает незнакомый человек. Видя страх старухи, спрашивает: «Чего, старая, боишься?» Бабка ему в ответ: «А ты и не знаешь! Здесь же Чуркин со своими шалит! Отберет последнюю кормилцу, да и жизни лишит!» Незнакомец спрашивает: «А зачем корову продаешь?» Старуха и поведала ему о своей беде. Мужчина ей говорит: «Веди корову домой и не вздумай продавать! А про Чуркина небылиц не говори, он хороший человек и таких как ты не трогает. Я — он и есть». Старуха как могла быстро побежала домой вместе с коровой. На утро она обнаружила возле своего дома огромный стог сена — корове на целую зиму, а на крыльце, под камушком, лежала еще и большая сумма денег в ассигнациях».

Фабриканты, в свою очередь, не выдавали разбойника полиции, дабы не обрести на свою голову больших неприятностей. Для них он был не таким уж большим злом. И Чуркин, и другие гуслицкие атаманы поступали следующим образом. Несколько раз в год они посещали владельцев небольших фабрик и прочих заведений с целью сбора дани. Обычно это происходило так: к хозяину посылался или один из членов шайки, или же мальчик, который передавал ему записку. В ней предлагалось на такую-то поляну, на такой-то пень положить в указанное время сумму денег (у Чуркина — 25 рублей), а также бочонок выпивки с закуской. В противном случае разбойник грозился пустить на фабрику «красного петуха». Чуркин никогда не брал больше определенной таксы и не давал злоупотреблять членам своей шайки. За нарушение этого обычая виновных карали весьма круто. В свою очередь, шайка защищала фабриканта от других разбойников. Понятно, что хозяевам было выгоднее заплатить, и жить далее спокойно.

Поздние народные легенды приписывают Василию Чуркину и изготовление фальшивых денег, но в действительности он этим «промыслом» никогда не занимался. Здесь сработал стереотип: «раз гусяк — значит фальшивомонетчик».

Когда Чуркину стало опасно оставаться в Гуслицах, он был вынужден скрываться в других местах. В романе Пастухова известный атаман прятался в Верхотурье. На деле же он, в конце кон-

цов, перебрался в Сарапул, где, заболев, скончался где-то около 1880 г. Существует легенда, что Чуркин, по следам которого шла полиция, как-то увидел в одном кабаке человека как две капли воды похожего на него. Он напоил своего нового знакомого, а после убил, переодев его в свою одежду. Полиция нашла тело и радостно отапортовала, что от Чуркина наконец-то избавились. Есть предания, которые мне довелось услышать от гуслицких старожилов, что Чуркина убили, вбив ему в рот осиновый кол с надписью: «Чем кормился — тем и подавился». В романе Пастухова на Чуркина, вернувшегося в Гуслицы, упала береза, когда он шел через поле¹⁰. Однако умер известный разбойник своей смертью.

Хотя Василий Чуркин жил уже в то время, когда в жизнь активно вошла фотография, никаких подлинных его изображений не осталось. Понятно, что персонажу, за которым гонялась полиция, незачем было создавать свой портрет. Роман Пастухова «Разбойник Чуркин» иллюстрирован картинками, которые срисованы из старых разбойничьих романов, приобретенных автором у букинистов. Для создания образа Чуркина Пастухов снял во весь рост известного певца Павла Богатырева — высокого и стройного красавца, рост и фигура которого соответствовали фамилии¹¹.

Посетивший в 1885 г. Гуслицы В.А. Гиляровский, побывал в селе Запонорье у вдовы Чуркина — Арины Ефимовны. Она проживала с одной из дочерей, которая была в это время в подростковом возрасте, в доме возле трактира¹². В этом селе доньне живут потомки Чуркина по линии этой девочки. Мне довелось побеседовать с Клавдией Васильевной Пресняковой (1915–2007), которая была невесткой этой дочери Чуркина. Она рассказала мне некоторые семейные предания, в частности, как семья оказалась в этом селе. После смерти Чуркина его вдова решила вернуться на родину, в Гуслицы. В деревне мужа — в Барской, — односельчане побоялись разрешить им поселиться. Арина Ефимовна тогда пришла в соседнее Запонорье, где подпо-

¹⁰ Пастухов Н.И. Разбойник Чуркин. М., 1884. Ч. 5. С. 1687.

¹¹ Гиляровский В.А. Указ. соч. С. 109.

¹² Там же. С. 108.

ила участников схода. Задобренные таким образом запонорские крестьяне дали разрешение на ее жительство в своем селе.

Согласно семейным преданиям, когда Чуркин умирал в бегах, находясь в городе Сарапул Вятской губернии, Арина Ефимовна попросила его назвать имена убиенных им людей, дабы молиться за упокой и облегчить душу супруга. Лежавший на смертном одре разбойник сказал жене, что всего один раз пошел на убийство — именно в том случае с ляховским старостой Петром Кировым.

После смерти Чуркина наступил пик его всероссийской славы. Был написан уже упоминавшийся роман Н.И. Пастухова. После, в 1880–1890-х гг., появилось большое количество небольших лубочных повестей, а также и сравнительно объемистых произведений о Чуркине, которые содержали всевозможные небылицы о разбойнике. Ими зачитывалась вся Россия. Достаточно привести названия некоторых таких произведений, чтобы стало ясно, что они содержат, и без прочтения: «Страшный злодей и разбойник Федот Чуркин» (СПб. 1907, в 4-х томах), в котором известного атамана назвали другим именем, «Ужасное возмездие», «Жена разбойника Чуркина» и т.п. К сожалению, от большинства подобных произведений остались лишь упомянутые названия. В Российской государственной библиотеке мною была найдена небольшая книжка популярного в прошлом писателя И.С. Кассирова (Ивина) «Народное предание. В плену у черкесов»¹³. В этом произведении рассказывается, что Чуркина, как человека хорошо себя зарекомендовавшего во время Крымской войны, и дослужившегося уже до звания капитана, отправили воевать с горцами на Кавказ. Как видим, из разбойника делали то страшного душегуба, то народного героя, который из злодея превратился в защитника Отечества.

¹³ Кассиров (Ивин) И.С. Народное предание. В плену у черкесов. М., 1888.

24. Народные республики 1905 года

Революция 1905 года была отмечена появлением нескольких самoproвозглашенных народных республик. Они явились результатом устранения местной царской администрации и создания органов народного самоуправления.

Автор статьи: Ольга Кузьменко

Источник: rusplt.ru/sub/ratings/narodnyie-respubliki-1905-goda-10539.html

Осень Первой русской революции породила множество народных самоуправлений, которые создавались на волне воодушевления, вызванной манифестом 17 октября 1905 года. Большинство из этих «республик» прекратили свое существование до конца года, некоторые дожили до января следующего, и только Марковская держалась до начала лета.

Старобуянская республика (15 дней)

В селе Большая Царевщина под Самарой революционная пропаганда велась с 1880-х годов. Тогда организацией крестьянских кружков занимались народники, которых в начале XX века сменили эсеры. С 1905 года они регулярно доставляли в Большую Царевщину нелегальную литературу и устраивали собрания, на которые подтягивались и жители соседних сел.

Среди соседей, поддержавших царевщинцев, было село Старый Буян, где в октябре — ноябре 1905 года проходили демонстрации под лозунгом «Долой самодержавие». Около 200 крестьян из Царевщины, получив предписание земского начальника направить уполномоченных для проведения выборов волостного старшины, отправились на сход в Старый Буян. Вооруженные кинжалами и револьверами царевщинцы с революционными песнями вошли в село 12 ноября.

Посоветовавшись, крестьяне пришли к выводу, что местные власти нужно заменить собственными избранниками. На сле-

дующий день был издан «Временный закон по Старо-Буянскому народному самоуправлению», согласно которому все земли и пастбища передавались в распоряжение народного самоуправления и делились поровну между крестьянами. В Старобуянской республике была организована собственная народная полиция.

Официальная полиция не могла справиться с мятежниками, и тогда для расправы с крестьянами под руководством вице-губернатора был создан карательный отряд из казаков и жандармов. Уже 26 ноября республика была разгромлена, а все ее руководители и активисты арестованы. Однако весть о крестьянском «государстве» быстро распространилась по России и вдохновила жителей других деревень.

Красноярская республика (29 дней)

После Октябрьской всероссийской политической стачки 1905 года в Красноярске была образована Выборная комиссия рабочих, которую возглавили большевики. Комиссия ввела восьмичасовой рабочий день, руководила стачечниками и рабочими дружинами. 6 декабря был создан Объединенный совет депутатов от солдат и рабочих, в который вошли около 120 человек. Через два дня начали бастовать солдаты железнодорожного батальона, которых власти планировали использовать в качестве штрейкбрехеров.

Военные образовали собственный Комитет депутатов от солдат Красноярского гарнизона во главе с прапорщиком Андреем Кузьминым. В это время черносотенцы осаждали Народный дом, где меньшевик Моисей Урицкий проводил очередное собрание. Поддерживающий эсеров Кузьмин, сохранявший до этого нейтралитет, пришел на помощь осажденным, а затем возглавил сопротивление. По его приказу была захвачена губернская типография, в которой немедленно организовали печать газеты «Красноярский рабочий». Первое же опубликованное в ней постановление гарантировало свободу слова и собраний.

Власть в городе фактически оказалась в руках Объединенного совета, Кузьмин стал президентом Красноярской республики. Временное революционное правительство кон-

24. Народные республики 1905 года

тролировало железную дорогу и промышленные предприятия, создало народный суд, а для охраны порядка в городе формировались военные патрули.

В конце декабря в Красноярск вступил Омский полк, 28 числа в городе было объявлено военное положение. Больше 700 солдат и рабочих забаррикадировались в мастерских, чтобы не допустить разоружения железнодорожного батальона, однако через неделю они были вынуждены сдаться. В начале 1907 года больше 160 граждан Красноярской республики были приговорены к тюремному заключению или казни.

Читинская республика (62 дня)

В Чите рабочие железнодорожных мастерских начали вооружаться еще в августе 1905 года, а во время Октябрьской политической стачки их число увеличилось до четырех тысяч. Местный Комитет РСДРП и Совет солдатских и казачьих депутатов фактически захватили власть в Чите 22 ноября 1905 года. Через два дня областной власти пришлось выполнить требования пятитысячной демонстрации за освобождение нескольких политических заключенных.

К декабрю Совет контролировал почтово-телеграфную связь, а деятельность правительственных учреждений была парализована почти полностью. Железнодорожникам был дарован восьмичасовой рабочий день. С 7 декабря в Чите начала выходить большевистская газета «Забайкальский рабочий».

В первой половине декабря рабочая дружина приступила к захвату военных складов и вагонов железнодорожного батальона, где за время Русско-японской войны скопилось много оружия. Дружинникам удалось вынести с них около 1500 винтовок и боеприпасы.

Карательный отряд в Читу, как и в другие города Сибири, был направлен после Декабрьского восстания в Москве. 22 января 1906 года войска генерала Павла Ренненкампа заняли город и расправились со всеми революционными рабочими, солдатами и казаками, среди которых было много большевиков. Злопамятные революционеры не смогли

простить генералу уничтожение Читинской республики. В 1918 году Ренненкампа расстреляли большевики.

Гурийская республика (формально около 60 дней)

Несмотря на то, что официально Гурийская республика существовала около 60 дней, номинально самоуправление на грузинской окраине Российской империи существовало с 1903 года. Выступления против местных помещиков там начались еще в 1902 году, когда крестьяне деревни Нигоити принесли клятву верности друг другу в борьбе против эксплуататоров. Новость об этом странном действе вдохновила деревенских жителей по всей Гурии.

К концу 1903 года все население провинции бойкотировало официальные власти Грузии. Каждую неделю на территории уезда проходили массовые митинги. Самоуправление Гурии установило свободу слова, организовало публичные суды и народную милицию. Штрейкбрехеров прогоняли за пределы уезда. Установленным в Гурии порядкам симпатизировали многие выходцы из дворян и даже чиновники, которые поддерживали петиции против вмешательства армии. Либеральный губернатор Кутаиси даже удостоил провинцию визитом, во время которого его охраняла местная «красная милиция».

С началом революции гурийские дружины расширили свои ряды и начали готовиться к борьбе с царским режимом. Для начала нападениям подверглись государственные полицейские участки, сами сотрудники полиции и казаки. Вся территория провинции оказалась во власти революционеров, с которыми царское правительство пыталось провести переговоры с самого начала 1905 года. В ноябре на митинге в уездном городе Озургети была провозглашена Гурийская республика. Примеру соседей последовали некоторые другие районы Грузии, где также создавались народные республики.

Торжество социализма в Гурии закончилось 10 января 1906 года. Царская армия жестоко усмирила восстание, а его лидеры были арестованы или бежали. Около 300 человек были сосланы в Сибирь. Гурийские вооруженные отряды —

«Красные сотни» — были расформированы после отказа от открытого сопротивления российской армии.

Марковская республика (231 день)

Крестьяне Марковской волости, население которой составляло больше 6000 человек, в начале XX века переживали трудные времена из-за низкого урожая. Собственных запасов им до весны не хватало, и для того, чтобы прокормить семью, многим приходилось уезжать на зиму в Москву и Санкт-Петербург на отхожий промысел, где они поступали на фабрики и заводы.

После съезда Крестьянского союза, который проходил летом 1905 года в Москве, старшиной Марковской волости был избран один из делегатов этого съезда Иван Рыжов. Пользуясь своими полномочиями, он помогал распространять революционную литературу и информацию о происходящих в стране событиях, а также занялся формированием тайной крестьянской дружины.

В конце октября около 1000 крестьян из деревни Марково и 15 соседних населенных пунктов собрались около железнодорожной станции, где уездный агроном Зубрилин зачитал 12 параграфов, составленных Крестьянским союзом требований, получивших название «Приговор». Кроме традиционных проблем земледельцев: увеличения земельных наделов и отмене выкупных платежей, крестьяне ожидали от властей разрешения проблем, общих для всех граждан страны. Они требовали свободу слова и печати, отмены полицейского и чиновничьего произвола, доступного образования и «чтобы депутатов в Государственную Думу выбирал весь народ», а министры и другие госслужащие были подотчетны народным депутатам. Через месяц «Приговор» был дополнен пунктами о свержении самодержавия и немедленном созыве Учредительного собрания.

Крестьяне объявили Марковскую волость республикой и избрали собственное правительство, отказываясь подчиняться царским властям. Президентом стал марковский старшина Буршин. Земледельцы-революционеры перестали платить налоги и подати, уклонялись от воинской повинности.

О. Кузьменко

В отличие от остальных народных республик, до Марковской области карательный отряд казаков дошел только 18 июля 1906 года. Больше 300 крестьян, которых признали зачинщиками сопротивления, были репрессированы, но их оставшиеся на свободе товарищи продолжали оказывать помещикам пассивное сопротивление.

**25. А.М. Лбов —
атаман «лесных братьев»**

В годы Первой русской революции Лбов создал партизанский отряд, который занимался вооруженной борьбой с существующим режимом. Успешные предприятия отряда во многом были обусловлены поддержкой рабочих и крестьянства Пермской губернии.

Источник: А.С. Масютин «А.М. Лбов — атаман «лесных братьев».

С точки зрения власть придержащих смирение, покорность, благонамеренность всегда считались лучшим украшением российских подданных. Правда, сами подданные из «подлых сословий» так не считали, и время от времени русский народ «взбрыкивался», пытаясь скинуть барско-чиновничье иго. Попытки бунтов всегда кончались неудачей и новым витком государственного произвола, но оставляли в народе желание повторить лучше, мощнее, успешнее в каждом уголке подъяремной Руси. И среди уральских крестьян и работных людей до начала XX века «живы были легенды о лихих делах Пугачева, — этого вождя мужицкого восстания, в течение трех лет бывшего лучших царских генералов. Когда у боевиков 1905 года являлся вопрос, почему пугачевские партизаны могли бить лучшие царские войска, ответ подсказывали старики: сила Пугачева была в недовольном народе, в бунтующих рабочих Урала. Пугачевские действующие войска мощными прослойками были связаны тут же на месте с массой, являвшейся для системы малых войн, которые вел Пугачев, постоянным резервом, всегда готовым идти в бой. Действующие же войска атамана являлись лишь боевой организацией вооруженного народа».

В годы Первой русской революции на Урале и в соседнем Прикамье в вооруженную борьбу с правительством включились сотни простых людей, объединенные в боевки различных левых течений: социал-демократов, эсеров, анархистов, максималистов, на уровне рядовых членов, не пекущихся о фракционной чистоте и, в общем, чуждых межпартийным сварам.

Самым грозной и именитой из повстанческих дружин края стал «Пермский Революционный Партизанский Отряд» Александра Михайловича Лбова.

Александр Михайлович Лбов родился в 1876 г. в слободе Мотовилихе подле города Пермь (ныне один из районов города). Как рассказывал сам Лбов в своей тюремной «исповеди», надиктованной начальнику Вятского Исправительного Арестантского Отделения Орлову, воспитанию ненависти к существующему миропорядку способствовала ведшаяся семейством Лбовых на протяжении 106 лет тяжба с казной за 5 десятин земли. На протяжении века земля до 20 раз по решению суда то отчуждалась у Лбовых, то вновь возвращалась им. Постоянны были стычки Лбовых то с косцами, то с помощниками лесничего распоряжавшихся этой лесной дачей по своему усмотрению. «Под влиянием такой жизни у меня явилась озлобленность на людскую несправедливость и выработался непреклонный и неуступчивый характер. Озлобленность, главным образом из-за земли против казны и правительства развилась в силу до того, что я при каждом случае старался вредить казне: то наждаку подсыплю в машину, чтобы испортить последнюю, то керосину налью, туда, куда не следует, то подожгу какое-либо казенное строение, то какой-нибудь винт выну незаметно из машины, чтобы испортить ее. Одною только старался избегать — не сжигать хлеба, соломы, сена, даже отобранного кем-либо моего собственного сена, так как понимал, что через это может повыситься цена на эти предметы, что неблагоприятно отразится на состоянии бедняков. С юношеских лет я пользовался авторитетом и уважением своих товарищей-сверстников, причем ни одному из них я не позволял безобразничать. А ежели кто позволял себе сделать что-либо неладное, то получал тотчас же хорошую трепку. Тех же товарищей, которые приносили вред казне, я благодарил и поощрял».

До службы в армии Лбов около 8 лет проработал на Мотовилихинском заводе в сталелитейном цехе (завод изготавливал артиллерийские орудия), после службы вновь ненадолго вернулся на завод, но тяга к вольной жизни побудила его оставить предприятие. Далее он успешно занимался пчеловодством, а в годы непосредственно предшествующие революции служил

лесным объездчиком под Пермью — это прекрасное знание местности в дальнейшем сильно помогло Лбову в партизанской борьбе.

В 1899 г. Лбов женился на Елизавете Васильевне Штенниковой и стал отцом двоих сыновей: Михаила и Константина, и при последнем свидании в октябре 1907 г. Елизавета Васильевна вновь осталась беременной. Примечательно, что шурин Лбова — Михаил Штенников, носивший прозвище «Быстрый», также воевал в параллельном анархистском отряде «лесных братьев», руководимым Иваном и Алексеем Давыдовыми (Соликамский уезд) и участвовал не только в «эксах», но самолично казнил провокатора Дубкова в Александровском заводе в августе 1907 г. После разгрома отряда Давыдовых в августе 1908 г. Штенников скрывался в Чердынском уезде, но в 1910 г. был найден полицией и казнен через повешение. Это была не первая потеря близких Елизаветой Лбовой — в 1907 ее свекра Михаила Ильича избили до смерти полицейские стражники, а сама она стала жертвой их гнусного надругательства.

Около конца 1904 г. Лбов вошел в кружки, организованные партией социалистов-революционеров, но в ряды активных работников не попал, побывав лишь в эсеровской «периферии». Вскоре Лбов принял самое деятельное участие в «чаше возмездия» рабочих снарядных мастерских Мотовилихинского завода, когда 20 сентября 1905 г. ненавидимые рабочими инженер Сепайн и мастер Крапивин подверглись публичному шельмованию. На голову Сепайна надели угольный мешок, измазали грязью, обули в лапти и вытолкали через проходную, Крапивина же без лишних затей вывезли из завода на тачке. Той же осенью 1905 г. Лбов был впервые арестован и оказался в Оханской тюрьме, но после царского Манифеста 17 октября и последовавшей за ним политической амнистии вернулся домой в Мотовилиху, где после сентябрьских волнений администрация завода провела массовый локаут. Утром 12 декабря в первый день двухдневного вооруженного восстания в Мотовилихе, Лбов во главе огромной толпы рабочих (частично вооруженной охотничьими ружьями) принудил заведующего керосиновым складом братьев Нобель выдать восставшим 19 револьверов, полагавшихся служащим склада. Причем заведующий складом Таранов был по требованию Лбова водру-

жен на пустой бочонок посреди двора склада, где Лбов произнес вескую речь, побуждая работников Нобеля присоединиться к борьбе мотовилихинских оружейников против правительства. Еще накануне восстания Лбов, как один из самых преданных делу революции рабочих, был назначен мотовилихинскими пролетариями начальником милицейской дружины. Во время двухдневной борьбы Лбов не раз становился зачинщиком вооруженных столкновений. «Обычно он собирал стрелков и, усевшись где-нибудь за банями или сараями, стрелял в казаков, в полицию, в драгун. Если охотников не находилось, он стрелял один. Если не было стрельбы, Лбов сам строил завалы, „баррикады“ и ругался с обывателями, которые не помогали ему».

После поражения восстания Лбов с несколькими членами боевой дружины рабочих (Семов Василий — казнен в 1908, Обросимов Терентий — казнен в 1909 г.) уходит в подполье и с весны 1906 г. начинает новый этап вооруженной борьбы — революционное ушкуйничество.

Как же боролись лбовцы, отстаивая свое классовое достоинство? Вот несколько отдельных примеров:

1) отстрел представителей карательного аппарата. По одной лишь Мотовилихе — убийства помощника заводского полицейского пристава Косецкого (10 октября 1906 г.), проводившего разъяснительно-нагаечную работу с «закоперщиками» заводских беспорядков и его преемника — помощника пристава Бурова — Лемеша вместе с сопровождавшим его стражником (16 февраля 1907 г.), пермского жандармского «светила» филера Калашникова вместе с городовым (18 февраля 1907 г.), городского Беспалова (5 февраля 1907 г.), и его однофамильца — конного стражника (19 февраля 1907 г.), а также прочих чинов полиции, пеших и конных стражников, казаков;

2) убийства «шишек» заводской администрации, дурно обращавшихся с рабочими — главноуправляющего рельсопрокатного Надеждинского завода Прахова и заведующего хозяйственной частью этого же завода де Кампо-Сципио (22 августа 1907 г.), убийство старшего мастера Мотовилинского завода Билева (18 мая 1907 г.), убийство управляющего Полазнинского завода Копылова (15 февраля 1907 г.) и др.;

3) ликвидация «пламенных» монархистов (убийство 3 июня 1907 г. Афанасия Русских — церковного старосты в Мотовилихинском заводе, предварительно Русских заставили раскошелиться на 500 руб. в кассу местного эсеровского комитета), причем в день похорон Русских (8 июня) лбовцы убили мотовилихинского стражника Беляева — уроженца Нолинского уезда Вятской губернии, 17 же ноября 1907 г. на улице Мотовилихи неизвестный застрелил младшего брата церковного старосты — Филиппа Русских;

4) показательные расправы с лицами, уличенными в пособничестве карателям. Обычно повстанцы ночью бросали бомбу им в избу, так были наказаны некие Петелин и Лядов (апрель 1907 г.) и Чогоницын (август 1907 г.). В первом случае погиб сам Петелин, в двух других случаях от взрыва погибал сын осведомителя;

5) агитационно-пропагандистские мероприятия для поднятия революционного духа местного населения — шествие с красным флагом с надписью «Война за землю и волю» в селе Сенькино Пермского уезда (14 июня 1907 г.);

6) поджоги недвижимости казны и местных тузов, располагавшейся на спорной с крестьянами землях (в том числе большой государственный лесопильный завод в Надеждинске [ныне город Серов], перерабатывавший лес со спорных с местным населением участков);

7) эспроприации почтово-телеграфных отделений (в селе Веретье Соликамского уезда — 16 июня 1907 г. причем убиты начальник конторы и два стражника; в Туринских рудниках, и др.), государственных сберегательных касс (16 сентября 1906 г. ограбление кассы в Слудках, взято около 10000 руб.), заводских контор (Верхотурское платино и золотопромышленное товарищество, дрожжевой завод Бобрика, контора Верхнее-Исетских заводов, контора асбестовых приисков Пеклевского, прииски Евдокиевский и Александровский) и т.п., но наиболее распространенным видом «эксов» были нападения на винные лавки.

«У нас было постановлено при ограблении винных лавок прежде всего сказать продавщицам, чтобы они уходили из помещения, а в противном случае будет брошена бомба. Неис-

полнивших нашего приказа только было две женщины, которые и заплатились жизнью». В целом же Лбов всегда пытался избегать напрасных жертв среди обывателей. Более того тех из своих бойцов, кто напрасно губил мирных жителей, Лбов примерно наказывал. Так 12 мая 1907 г. в селении Хохловка, Оханского уезда был расстрелян товарищами лбовец Всеволожский, за поранение сиделицы винной лавки. При всяком ограблении винной лавки («казенки») спиртное безжалостно уничтожалось, дабы ни крестьяне, ни бойцы отряда не впадали в соблазн.

«От всех членов шайки Лбов требовал безусловной трезвости. Смертной казнью грозили тому, кто не исправлялся и продолжал пить».

Значительная часть добытых средств, та что не шла на приобретение оружия (у Лбова был даже пулемет, правда, ни разу не использованный в бою), на отсылку в разные революционные комитеты; тратился Лбов и на нужды бедняков-крестьян, покупая им обувь, одежду, лошадей, коров и даже дома. Все это, вкупе с террором лбовцев против полиции и «охранки», заводчиков, наркоторговцев (под страхом расправы лбовцев зимой 1906–1907 гг. в Мотовилихе на три недели владельцы винных лавок и пивных закрыли свои заведения) и аналогичными действиями других партизанских дружин, которые в массовом сознании воспринимались как отряды есаулов Лбова — сделало Лбова новым Устином Кармалюком, благородным разбойником, защитником обездоленных или как его насмешливо-почтительно величала пресса — «уральским Ринальдо Ринальдини».

Самым знаменитым деянием лбовцев, освещенным в ту пору на страницах как местной, так и центральной печати, стала выдающаяся по своей смелости экспроприация артельщика Оханского казначейства, ехавшего на пароходе «Анна Степановна Любимова».

Вечером 2 июля 1907 г. пароход отчалил из Перми и пошел вниз по Каме. Около часу ночи в машинном отделении произошел слабый взрыв, вызвавший недоумение капитана. Затем раздались громкие крики, пальба. В ногу Матанцеву, находившемуся в штурвальной рубке, попала шальная пуля. На судне

начался общий переполох, беготня перепуганных пассажиров. Капитан стопорит машину. На пароходе воцаряется тишина. В эти минуты сумятицы и была совершена экспроприация. На подступах к почтовой каюте, где везли казенные деньги, лбовцы убили полицейского урядника, фельдфебеля воинской команды и тюремного надзирателя, также был случайно убит матрос Маяков. Перепуганный почтальон безропотно отдал ключи от почтовой каюты. Изъятая сумма составила более 33000 рублей [свыше 44000000 руб. в переводе на российские цены декабря 2010 г.]. Далее экспроприаторы провели беглый осмотр кают, пытаясь найти ехавшего этим же пароходом пристава Горбко. Глава отряда велел сделать перевязку раненному капитану, великодушно отстранил уже протянутые бумажники пассажиров, принес извинения команде за нечаянную гибель матроса. Экспроприаторы зашли в буфет, взяли несколько фунтов колбасы, две бутылки молока, 20 булок, насильно вручили деньги перепуганному буфетчику и, погрузившись в лодку переправились на берег. Всего их было 11 человек, в том числе одна женщина.

Следует отметить, что Лбов непосредственно не участвовал в этой экспроприации, так как был сильно ранен в ногу, и потому ни в каких налетах длительное время участия не принимал.

Взятие казенных денег происходило под руководством Михаила Горшкова («Максима-кинжальщика», «Ястреба») 20-летнего рабочего парня. Михаил Горшков, уроженец Надеждинского завода, в мае 1905 г. уже состоял в местном Совете Рабочих Депутатов и по воспоминаниям близко стоявших к лбовским «лесным братьям» лиц, был единственным теоретически подкованным марксистом в отряде и осуществлял одно время связь партизан с Екатеринбургским комитетом РСДРП.

Сам Лбов именовал себя «безпартийным террористом» и высказывал, что в его отряде «культурников», то есть идейных агитаторов и пропагандистов, гонят». Неприязнь Лбова к «идейным», и, в первую голову, большевикам объяснялась довольно просто. Большевистские руководители широко и открыто отрекались от экспроприаций. «При осуществлении террористической деятельности большевики также пользовались помощью различных малоизвестных полуреволюцион-

ных, полууголовных отрядов – например, партизан под командованием Лбова на Урале. Пытаясь сохранить свои действия в тайне даже от членов собственной партии, некоторые сторонники Ленина налаживали взаимовыгодные связи с лбовцами, которые летом и осенью 1907 года были особенно активны, грабя банки, фабрики, почтовые конторы и богатых граждан. Пермский партизанский революционный отряд Лбова заплатил большевистскому центру 6000 рублей в качестве аванса за доставку оружия из-за границы, но несмотря на оформленный по всем правилам договор, большевики не прислали обещанного оружия и отказались вернуть деньги». Видя двурушную, нечистоплотную политику большевиков, Лбов перестал отчислять деньги в кассу местного социал-демократического комитета. На этот шаг пермский комитет РСДРП в августе 1907 г. издал прокламацию о вредоносности для рабочего движения красного террора, когда устранение городских, стражников и т.п. в свою очередь влечет усиление неистовства со стороны царских башибузуков. В этом воззвании содержалась и рекомендация всем сознательным партийцам вести «антитеррористическую пропаганду», нацеленную против «лесных братьев», «анархистов-коммунистов».

Более гладкими были отношения Лбова с эсерами. В арсенале Лбова была и завидная услуга, оказанная партии социалистов-революционеров: доставка 15 фунтов динамита для устранения начальника Главного Тюремного Управления Максимова.

В конце 1906 г. отдельные группы уральских эсеров не согласные с установками верхушки партии в вопросе об экспроприациях объединились в автономный «Уральский боевой союз», который ставил одной из главных своих целей дальнейшее разворачивание террора и «эксов». В этом комитете Лбов состоял одним из главных членов и подписывал все смертные приговоры от имени «Уральского боевого союза».

Все боевики той поры носили прозвища, было оно и у Лбова – «Длинный», позднее в вятской эсеровской организации за Лбовым закрепился псевдоним «Лиза»; в случае же гибели или ранения бойца его прозвище перенимал товарищ. Так «Ястребом» звался не только один Михаил Горшков, погибший во вре-

мя экспроприации конторы завода Поклевских-Козелл 15 августа 1907 г. под Екатеринбургом, но и Василий Панфилов. А в народе бродили сказы про то, что лбовцев пули не берут.

Крепкие связи сложились у Лбова с эсерами-максималистами. В январе 1907 г. к нему на Урал из Петербурга прибыли Дмитрий Савельев («Сибиряк»), учившийся в художественной школе в Екатеринбурге, оказавший вооруженное сопротивление тамошним черносотенцам во время погрома 19 октября 1905 г., и судимый за эту попытку самообороны в Екатеринбурге, в Петербурге же Савельев был заочно приговорен к смертной казни; Александр Александров («Уралец»); матрос 14 балтийского экипажа Алексей Максимов («Сорока») и Василий Баранов («Фомка» и «Василеостровский»), также заочно приговоренный к 4 годам каторги. Вместе с максималистами прибыло и несколько участников питерских большевистских дружин.

Поддерживал Лбов связи и с боевиками Вятской губернии — сарапульской и ижевской рабочей молодежью. В июле 1907 г. «Ястреб» (Панфилов) и «Ворон» (Гавриил Ларионов, из ижевских рабочих) вошли в сношения с отрядом эсеров-экспроприаторов Николая Елькина («Ермак») и вместе с сарапульцами участвовали в нападении на сборщика денег казенных винных лавок 4 августа 1907 г. подле села Завьялово (Сарапульский уезд). После этого «экса» лбовцы совершили еще 4 нападения вместе с елькинцами на винные лавки, а затем Панфилов перебрались в Ижевск к местным анархистам. 12 августа отряд Елькина напоролся на полицейскую засаду в с. Никольском и в перестрелке частично погиб, а 5 человек было задержано в ближайшие дни в ходе розыскных мероприятий, в том числе и Ларионов.

3 марта 1907 г., по полученным от осведомителей данным, в Мотовилихе проходили повальные обыски. Исправник Правохенский с 60 драгунами и 40 стражниками-ингушами в 2 часа ночи окружил дом Витте, где предположительно скрывался Лбов. На предложение сдаться, находящиеся в доме ответили револьверной пальбой. Дом оцепили со всех сторон, начался его обстрел. А так как войска сгрудились очень плотно, то был убит городской Федул Чувызгалов (своими же) и несколько человек ранено. Пользуясь полицейской суматохой, Лбов

и один из боевиков, надев жандармские мундиры, вывели своих якобы арестованных товарищей через цепи войск и благополучно исчезли. Рассвирепевший исправник приказал изрешетить дом. По дому было выпущено свыше 600 пуль.

К лету 1907 г. пермский вице-губернатор Коптев принимает решительнейшие меры борьбы с партизанским движением: в губернии размещаются 3 пехотных полка, 6 сотен Оренбургского казачьего войска, в каждом уезде формируются отряды полицейских стражников в 80–100 человек (навербованные из ингушей и чеченцев), для охраны железнодорожных мостов создается особый отряд «вольнонаемной стражи» в количестве 200 человек. За поимку Лбова живым или мертвым назначается награда в 5000 руб. В Богословский округ, где находился завод стягивается неимоверное количество войск: две роты солдат, 80 конных ингушей, 3 десятка стражников. Лбовцы покидают этот район, подкрепив свои ряды несколькими местными рабочими.

После ухода из Надеждинского завода группа Лбова раскололась на несколько частей. Одну часть группы, состоявшую в большей части из надеждинских рабочих, провалил провокатор Дмитрий Худорожков. Вскоре он официально поступил на службу в полицию. В январе 1908 г. Худорожков был застрелен двумя мотовилихинскими рабочими. Еще одним предателем в среде лбовцев стал Михаил Двойнишников («Окунь»). После пьяной ссоры с товарищем, которого он ранил в лицо из револьвера, Двойнишников был изгнан из партизанского отряда в середине июля 1907 г. Будучи вскоре задержан полицией, как активный участник нескольких экспроприаций, он пошел на сделку со следствием.

Провокация, точнее, малодушие рабочего-революционера Василия Михалева, попавшего в лапы полиции и начавшего давать откровенные признания под угрозой пыток, сорвали грандиозный замысел взятия пермскими партизанами столицы губернии в 1907 г. Для взятия Перми были объединены силы 5 боевых дружин (отряд Александра Лбова, отделившаяся от него группа Пишулева, давыдовцы, отряд отца и сына Тихомировых, «Союз активной борьбы» Вячеслава Кругляшева из Екатеринбурга). Но, своевременно узнав о раскрытии своего плана, «лесные братья» были вынуждены от него отказаться.

В Вятке Лбов появился в начале ноября 1907 г., где провел четыре месяца. В Вятке Лбов сменил 2 квартиры, на каждой из них предъявляя новый паспорт. 11 февраля Лбов отправился в Нолинск. Он намеревался пробраться кружным путем на родной Урал и с началом теплого времени года вновь собрать дружину «лесных братьев». Длительная бездеятельность была Лбову настолько невыносима, что, походя в Нолинске, Лбов начал выслеживать местного полицейского надзирателя Сергиева.

«17 февраля, в 6 часов вечера, в г. Нолинске к квартире полицейского надзирателя подошли двое неизвестных и внимательно осмотрели окружающую местность и квартиру надзирателя. Надзиратель, стоявший в это время у окна, заподозрил недоброе, послал стражника в штатской одежде проследить за неизвестными. Было темно и стражник, дойдя за неизвестными до городского, велел последнему их задержать...». Заметив погоню, неизвестные бросились в разные стороны и первый из них, не оказывая сопротивления, был тотчас задержан. Второй же (Лбов) попытался скрыться, отстреливаясь от наседавших стражников, одного из них — Нелюбина смертельно ранил, но был сбит с ног конным стражником, началась свалка, подоспели другие стражники и едва не линчевали Лбова, однако урядник Ширяев сумел их унять.

В ночь с первого на второе мая 1908 г. Лбова под усиленным конвоем драгун вывезли из здания арестантских рот в тюрьму, тюремный квартал около часу ночи оцепили стражники. Казнь произошла в тюремной ограде. Лбова высадили из кареты и подвели к роковому месту. На вопрос священника — не желает ли осужденный перед смертью исповедаться, Лбов ответил отрицательно, заявив, что он чувствует себя правым и исповедаться ему не в чем...

Когда на Лбова хотели надеть саван, он резко произнес: «Уж если давить, — так хотя бы так просто и давили, а то еще какой-то мешок тут!».

Для буржуазии, чиновничества, охранителей российских разномастных режимов и их газетных и академических подпевал, несущих русским крестьянам и рабочим оскотинивание и вырождение, Лбов и его товарищи уже век предстают в виде шайки экспроприаторов, грабителей, разбойников. Мы же

вслед за величайшим борцом за будущее трудового народа Михаилом Бакуниным повторим: «Разбой — одна из почетнейших форм русской народной жизни. Он был со времени основания московского государства отчаянным протестом народа против гнусного общественного порядка... Разбойник — это герой, защитник, мститель народный, непримиримый враг государства и всего общественного и гражданского строя... боец на жизнь и на смерть против всей чиновно-дворянской и казенно-поповской цивилизации».

Михаил Бакунин. «Когда грянет русская революция?..»

Когда грянет русская революция? Мы этого не знаем. Многие, и я грешный, между прочим, ждали всенародного восстания в 1870 году, а народ не проснулся. Должно ли из этого заключить, что русский народ может обойтись и без революции, что он минует ее? Нет, такое заключение невозможно, было бы бессмысленно. Кто знает безвыходное, просто критическое положение нашего народа в экономическом и политическом отношении, а с другой стороны, решительную неспособность нашего правительства, нашего государства не только изменить, но хоть сколько-нибудь облегчить его положение — неспособность, вытекающую не из того или другого свойства наших правительственных лиц, а из самой сущности нашего государственного строя в особенности и вообще всякого государства, — тот непременно должен прийти к заключению, что русская народная революция неминуема. Она не только отрицательно, она положительно неминуема, потому что в нашем народе, несмотря на все его невежество, исторически выработался идеал, к осуществлению которого он известно или неизвестно стремится. Этот идеал — общинное владение землей с полною свободой от всякого государственного притеснения и от всяких поборов. К этому стремился он при Лжедмитриях, при Стеньке Разине, при Пугачеве и стремится теперь непрерывными, но разрозненными и потому всегда укрощаемыми бунтами.

Я указал только на две главные черты народно-русского идеала, отнюдь не имея претензии очертить его вполне несколькими словами. Мало ли что живет еще в интеллектуальных стремлениях русского народа и что выйдет на свет с первой революцией. Теперь мне и этого достаточно для того, чтобы доказать, что наш народ не белый лист бумаги, на котором любое тайное общество может написать что

ему угодно, — например, хоть вашу коммунистическую программу. У него выработалась, отчасти сознательно, на три четверти, пожалуй, бессознательно, программа своя, которую тайная организация должна узнать, угадать и с которой она обязана будет сообразоваться, если только желает успеха.

Несомненный и равно нам известный факт, что при Стеньке Разине, также и при Пугачеве, т.е. всякий раз, когда народный бунт удавался, хоть на некоторое время, народ наш делал одно: забирал всю землю в общинное владение, отправлял к черту дворян-помещиков, царских чиновников, а иногда и попов и организовывал свою вольную общину. Значит, у нашего народа есть в памяти и в идеале уже один драгоценный элемент для будущей организации, элемент, которого еще нет у западных народов, — это вольная экономическая община. В народной жизни и в народной мысли есть два начала, два факта, на которые мы опереться можем: частые бунты и вольно-экономическая община. Есть еще третье начало и третий факт, это — казачество или разбойнически-воровской мир, заключающий в себе равно протест и против государственного, и против патриархально-общинного притеснения и напоминающий, так сказать, две первые.

Частные бунты, хотя и вызываемые всегда случайными обстоятельствами, тем не менее, проистекают из общих причин и выражают глубокое и всеобщее неудовольствие народа. Они составляют как бы обыденное или обыкновенное явление русской народной жизни. Нет деревни в России, которая бы не была глубоко недовольна своим положением и которая не ощущала бы нужду, тесноту, притеснения и не таила в глубине своего коллективного сердца желание захватить всю помещичью, а затем всю крестьянско-кулацкую землю и убеждение, что она имеет на это несомненное право, — нет деревни, которую умеючи не было бы возможности взбунтовать. Если деревни не бунтуются чаще, так это единственно от страха, от сознания своего бессилия. Сознание это происходит от разъединенности общин, от отсутствия действительной солидарности между ними. Если бы каждая деревня знала, могла надеяться, что, в то время как она встанет, встанут все другие, то можно сказать наверное, что не было бы ни одной деревни в России, которая бы не взбунтовалась. Отсюда вытекает первая обязанность, назначение и цель тайной организации: пробудить во всех общинах сознание их неотвратимой солидарности и тем

самым возбудить в русском народе сознание могущества — одним словом, соединить множество частных крестьянских бунтов в один общий, всенародный бунт.

Одним из главных средств к достижению этой последней цели, по моему глубокому убеждению, может и должно служить наше вольное всенародное казачество, бесчисленное множество наших святых и несвятых бродяг, богомоллов, бегунов, воров и разбойников — весь этот широкий и многочисленный подземельный мир, искони протестовавший против государства и государственности и против немецко-кнutowой цивилизации. Это было высказано в безымянном листке «Постановка революционного вопроса» и вызвало у всех наших порядочников и тщеславных болтунов, принимающих свою доктринерскую византийскую болтовню за дело, вопль негодования. А между тем это совершенно справедливо и подтверждается всею нашею историею. Казачий воровско-разбойнический и бродяжнический мир играл именно эту роль совокupителя и соединителя частных общинных бунтов и при Стеньке Разине и Пугачеве; народные бродяги — лучшие и самые верные проводники народной революции, приуготовители общих народных волнений, этих предтеч всенародного восстания, а кому не известно, что бродяги при случае легко обращаются в воров и разбойников. Да кто же у нас не разбойник и не вор? Уж не правительство ли? Или наши казенные и частные спекуляторы и дельцы? Или наши помещики, наши купцы? Я, с своей стороны, ни разбоя, ни воровства, ни вообще никакого противочеловеческого насилия не терплю, но признаюсь, что если мне приходится выбирать между разбойничеством и воровством восседающих на престоле или пользующихся всеми привилегиями и между народным воровством и разбоем, то я без малейшего колебания принимаю сторону последнего, нахожу его естественным, необходимым и даже в некотором смысле законным.

Народно-разбойничий мир, признаюсь, с точки зрения истинно человеческой, далеко, далеко не красив. Да что же красиво в России? Разве может быть что-нибудь грязнее нашего порядочного чиновно-или мещанско-цивилизованного и чистоплотного мира, скрывающего под своими западногладкими формами самый страшный разврат мысли, чувства, отношений и действий! Или, в самых лучших случаях, безотрадную и безвыходную пустоту.

В народном разврате есть, напротив, природа, сила, жизнь, есть, наконец, право многовековой исторической жертвы; есть могучий протест против коренного начала всякого разврата, против Государства — есть, поэтому, возможность будущего. Вот почему я беру сторону народного разбоя и вижу в нем одно из самых существенных средств для будущей народной революции в России.

Я понимаю, что это может привести в негодование чистоплотных или даже нечистоплотных идеалистов наших — идеалистов всякого цвета, от Утина до Лопатина, воображающих, что они могут насильственным образом, посредством искусственной тайной организации навязать народу свою мысль, свою волю, свой образ действий. Я в эту возможность не верю, а убежден, напротив, что при первом разгроме всероссийского государства, откуда бы он ни произошел, народ подымется не по утинскому, не по лопатинскому и даже не по вашему идеалу, а по своему, что никакая искусственная конспирационная сила не будет в состоянии воздержать или даже видоизменить его самородного движения, — ибо никакая плотина не в состоянии воздержать бунтующего океана. Вы все, мои милые друзья, полетите как щепки, если не сумеете плыть по народному направлению, — уверен, что при первом крупном народном восстании бродяжнически-воровской и разбойнический мир, глубоко вкорененный в нашу народную жизнь и составляющий одно из ее существенных проявлений, тронется, и тронется могущественно, а не слабо.

Хорошо ли это или дурно, это факт несомненный и неотвратимый, и кто хочет действительно русской народной революции, кто хочет служить ей, помогать ей, организовать ее не на бумаге только, а на деле, тот должен знать этот факт; мало того, тот должен считаться с ним, не стараясь его обходить, и встать к нему в сознательно-практическое отношение, уметь употребить его как могучее средство для торжества революции. Тут чистоплотничать нечего. Кто хочет сохранить свою идеальную и девственную чистоту, тот оставайся в кабинете, мечтай, мысли, пиши рассуждения или стихи. Кто же хочет быть настоящим революционным деятелем в России, тот должен сбросить перчатки; потому что никакие перчатки его не спасут от несметной и всесторонней русской грязи.

Русский мир, государственно-привилегированный и всенародный мир, — ужасный мир. Русская революция будет несомненно ужасная революция. Кто ужасов или грязи боится, тот отойди и от этого мира,

и от этой революции; кто же хочет служить последней, тот, зная на что он идет, укрепи свои нервы и будь готов ко всему.

Употребить разбойничий мир как орудие народной революции, как средство для совокупления и для разобщения частных общинных бунтов — дело нелегкое; я признаю его необходимость, но вместе с тем вполне сознаю свою полнейшую неспособность к нему. Для того чтобы его предпринять и довести его до конца, надо быть самому вооруженным крепкими нервами, богатырскою силою, страстным убеждением и железною волею. В ваших рядах могут найтись такие люди. Но люди нашего поколения и нашего воспитания к нему не способны. Идти к разбойникам — не значит самому сделаться разбойником и только разбойником, не значит делить с ними все их неспо<койные> страсти, бедствия, часто гнусные цели, чувства, действия — но значит дать им новую душу и возбудить в них другую, всенародную цель — у этих диких и до жестокости грубых людей натура свежая, сильная, непочатая и неистощенная и, следовательно, открыта для живой пропаганды, если пропаганда, разумеется, живая, а не доктринерская, посмеет и сумеет подойти к ним. Об этом предмете я готов сказать еще много, если только придется мне продолжать с Вами эту переписку.

Другой драгоценный элемент будущей народной жизни в России, сказал я, это вольно-экономическая община, элемент действительно драгоценный, которого нет на Западе. Западная социальная революция должна будет создать этот необходимый и основной зародыш всей будущей организации, и создание его будет стоить Западу много, много хлопот. У нас он уже создан; случись революция в России, провались государство со всеми своими чиновниками, русская деревня организуется без малейшего труда сама собою в тот же день. Но зато в России предстоит трудность другого рода, которой нет на Западе. Наши общины страшно разъединены, почти не знают друг друга и часто становятся друг к другу во враждебное отношение, по древнему русскому обычаю. В последнее время благодаря финансовым мерам правительства они стали привыкать к волостному соединению, так что волость приобретает все более и более народный смысл, народное освящение, но затем все и кончается. Волости решительно не знают и не хотят знать друг о друге. А для устройства революционной победы, для организации будущей народной свободы необходимо, чтобы волости собственным народным движением соединились в уезды, уезды в области, области же образовали бы между собою вольную русскую федерацию.

Михаил Бакунин

Пробудить в наших общинах сознание этой необходимости ради их собственной свободы и пользы — опять-таки дело тайной организации — потому что никто, кроме нее, никто за это дело приняться не захочет, интересы правительства и всех привилегированных классов ему прямо противны. Как за него приняться, что и как делать, чтобы пробудить в общинах это спасительное, едино-спасительное сознание, об этом распространяться здесь не место.

Так вот, милый друг, в ее главных чертах целая программа народно-русской революции, глубоко запечатленная в историческом инстинкте и в целом положении нашего народа. Кто хочет встать во главе народного движения, тот должен принять ее вполне и быть ее исполнителем. Кто захочет навязать народу свою программу, тот останется в дураках.

common place

издательская инициатива /
волонтерский DIY-проект

Наши книги всегда можно купить в независимых магазинах
«Фаланстер», «Смена», «Все свободны», «Бакен»,
«Фаренгейт 451», «Пиотровский»,
книжном клубе «Петровский»,
а также заказать с доставкой на сайте www.libroroom.ru
Больше информации о проекте: vk.com/common_place

Гиль **Из истории низового сопротивления** **в России**

Обложка — Вячеслав N.
Редактор — Екатерина Гончаренко
Верстка — Юлия Кожемякина

Подписано в печать 22.07.2015
Формат 84х108/32
Тираж 700 экз.
Заказ № 161

Издательская инициатива «Common place»
commonplace1959@gmail.com

Отпечатано в ПАО «Т8 Издательские технологии»
109316, г. Москва, Волгоградский пр-т, д. 42, корп. 5
Тел.: +7 (495) 221-89-80

